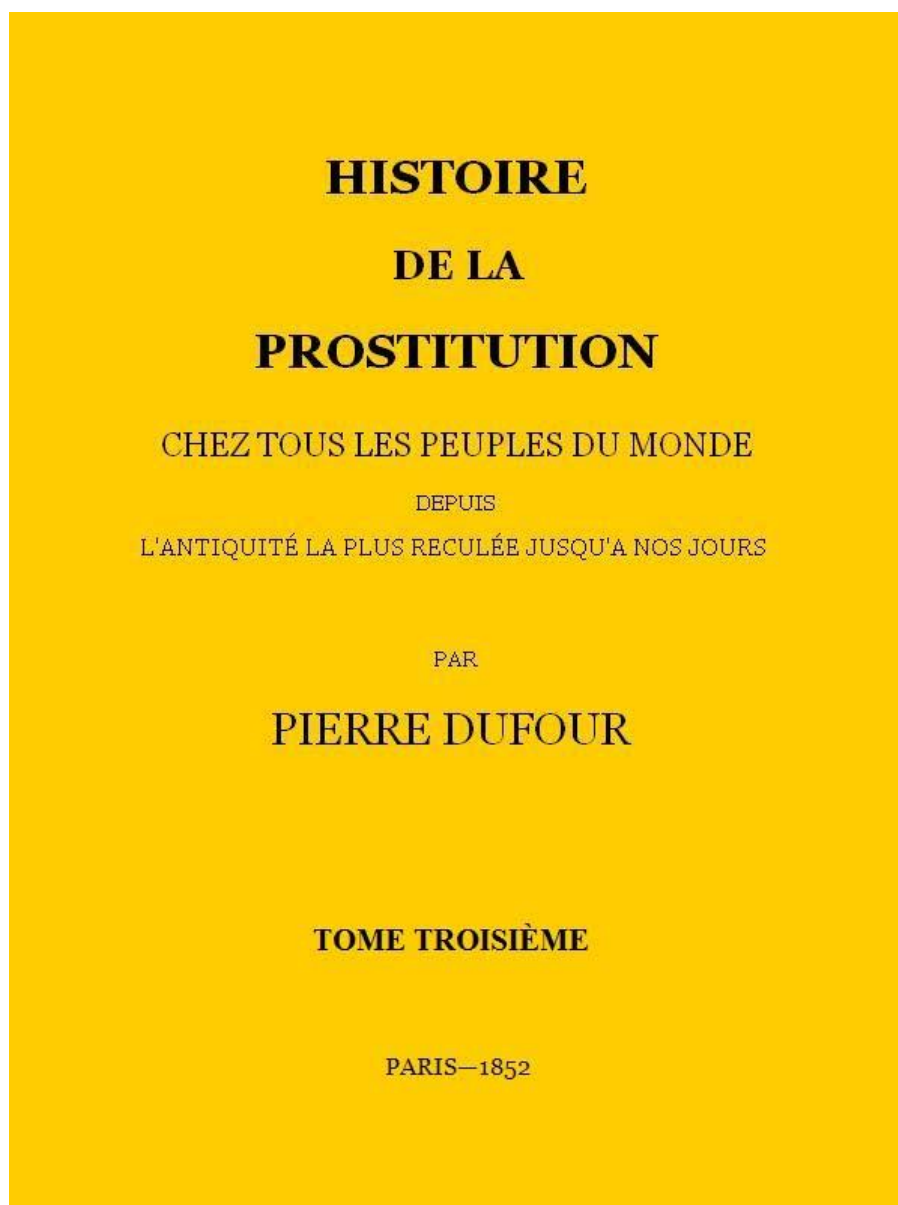

История проституции у всех народов мира с самой отдаленной древности до наших дней, том 3/6

П. Л. Жакоб

The Project Gutenberg eBook of Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 3/6

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других стран мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Histoire de la prostitution chez tous les peuples du monde depuis l'antiquité la plus reculée jusqu'à nos jours, tome 3/6

Автор: П. Л. Жакоб

Дата выхода: 16 сентября 2013 [eBook #43752]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Французский

Аккредитация: Подготовлено Лораном Вогелем, Бибимбопом, Ги де Монпелье и группой распределенной онлайн-корректур по адресу <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Print проекта Google Print).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK HISTOIRE DE LA PROSTITUTION CHEZ TOUS LES PEUPLES DU MONDE DEPUIS L'ANTIQUITÉ LA PLUS RECUÉE JUSQU'À NOS JOURS, TOME 3/6 ***

Примечание к транскрипции:

Ошибки, явно допущенные типографом, исправлены. [Более подробное примечание](#) приведено в конце книги.

Данный текст содержит некоторые греческие слова и выражения, такие как φαῦδαίνα. Если они отображаются неправильно, проверьте набор символов, используемый для отображения. В качестве альтернативы проведите мышью по тексту, и на экране появится транслитерация латинскими буквами.

Оглавление можно найти [здесь](#).

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ У ВСЕХ НАРОДОВ МИРА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН И ДО НАШИХ ДНЕЙ, АВТОР: ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

20 прекрасных гравюр на стали, выполненных самыми выдающимися художниками.

ТРИ ТОМА

ПАРИЖ, 1852.

СЕРЭ, ИЗДАТЕЛЬ, 5, УЛИЦА ПОН-ДЕ-ЛОДИ;

И МАРТИНОН, УЛИЦА КОК-СЕН-ОНОРЕ, 4.

ТИПОГРАФИЯ PLON FRÈRES,

RUE DE VAUGIRARD, 36, A PARIS.

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ

ИСТОРИЯ ПРОСТИТУЦИИ У ВСЕХ НАРОДОВ МИРА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ, АВТОР: ПЬЕР ДЮФУР,

Член нескольких французских и иностранных академий и научных обществ.

ТОМ ТРЕТИЙ.

ПАРИЖ-1852

SERÉ, ÉDITEUR, 5, RUE DU PONT-DE-LODI,

И

P. MARTINON, RUE DU COQ-SAINT-HONORÉ, 4.

ИСТОРИЯ

САЙТА

ПРОСТИТУЦИИ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭРА.

ГЛАВА ОДНА.

Краткое содержание - Христианская эра: введение - Христианский брак - Послания святого Павла к римлянам об их отвратительных пороках - Отклик населения пригородов Рима на проповедь святого Павла - Брак, рекомендуемый святым Павлом как последнее средство против искушений плоти.-Брак, рекомендованный святым Павлом как последнее средство против искушений плоти. -*Fornicatio, immunditia, impudicitia* и *luxuria*. -Предписания святого Павла против проституции. -Языческие философы рекомендовали воздержание только с точки зрения физической экономии.-Религиозное целомудрие у язычников и христианское безбрачие -Триумф христианской девственности -Ослепительная война евангельской морали против проституции -Супруги в христианском браке -Суровость зарождающейся

Церкви по отношению к плотским преступлениям, которые не карались законом -Почему язычники предпочитали подвергать христианских девственниц пыткам проституции.

Все культы язычества были, так сказать, не более чем символами и мистериями Проституции: христианство, предлагая покончить с ними и заменить их единым культом, основанным на человеческой и божественной морали, должно было сначала атаковать Проституцию и реформировать мораль, прежде чем менять религиозные догмы. Несомненно, что первые апостолы начали свою миссию посреди развращенного мира, проповедуя целомудрие и непорочность как основополагающие принципы нового учения. Иисус Христос жил на земле целомудренно и девственно, хотя и отпустил грешницу и обратил Магдалину, хотя и воскресил через покаяние несчастных жертв демона плоти. Это учение и практика добродетелей, которые можно было бы назвать чувственными, и это небесное прощение, которое всегда имело привилегию стирать неизгладимые пятна, были неизвестны в языческом обществе. Это также странно контрастировало с гражданскими и моральными законами античности: строгое ограничение плотских appetitов и снисходительное отношение к ошибкам земной слабости. Перед лицом римской юриспруденции, осуждавшей прелюбодеяние на смерть, вопреки не менее строгому закону Моисея, который еще более неукоснительно соблюдался иудеями, Иисус Христос осмелился сказать книжникам и фарисеям, которые привели к нему женщину, уличенную в прелюбодеянии, и хотели побить ее камнями: "Пусть первый бросит в нее камень тот из вас, кто без греха!" Затем, спросив преступницу, стоявшую на коленях у его ног, кто обвинители и судьи, он сказал ей кротким и утешительным голосом: "Не я осуждаю тебя! Иди и больше не греши (*vade et jam amplius noli peccare*)". И все же Иисус ввел христианский брак, который сильно отличался от супружеского союза по греческим и римским обычаям. Святость этого нерасторжимого брака, заключенного перед Богом, выражена в этих словах, содержащих целый свод законов, морали и философии: "Оставит человек отца своего и мать и соединится с женою своею, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, никто да не разлучает того, что Бог сочетал".

Делом Христа было возродить нравственный мир и научить человечество уважению, которое оно должно проявлять к самому себе; религия, появившаяся из Евангелия, была подобна плотине, призванной сдерживать потоки древнего разврата, когда эти потоки грозили поглотить все примитивные представления о добре и честности. Потребовалось не менее трех столетий борьбы, проповедей и, прежде всего, примера, чтобы свергнуть нечистые храмы Изиды, Цереры, Венеры, Флоры и других божеств проституции. Христианству, объявившему войну не только злоупотреблению физическими удовольствиями, но и самим этим удовольствиям, было гораздо труднее уничтожить язычество, которое защищало их, когда не поощряло. Мы можем понять огромные усилия апостолов и их святых преемников, направленные на достижение этого потрясающего результата: установление нравственного закона и религиозное подавление чувственности. Моисей заложил принцип во Второзаконии: "Не должно быть проституток в Израиле"; но эта заповедь никогда не применялась на практике среди израильтян, которые не заблуждались, что у них есть проститутки из своей нации, и часто поставляли их иностранным народам. Легальная проституция была, пожалуй, более активной и распространенной в Иудее, чем в остальной части Римской империи. Поэтому святой Павел, вдохновленный Христом, должен был сделать то, что не сделал Моисей, поднявшийся изгнать из зарождающейся Церкви злой дух проституции: "Не живите в пирах и пьянстве, - говорит он в Послании к римлянам, - ни в нечистоте, ни в распутстве (*cubilibus et impudiciis*), ни в доволствии, ни в зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа и не ищите себе угождения". С. и не ищите удовлетворения плоти вашей в удовольствиях чувственности (*et carnis curam feceritis in*

desideriis)". На протяжении всего своего апостольства святой Павел с непреклонной строгостью боролся с грехом плоти, в котором, по его мнению, заключалась сама суть язычества.

Святому Павлу было хорошо известно, на что способны язычники в плане недержания, и он сам достаточно долго жил в сладострастии, чтобы оценить его роковое влияние. Так, в своем Первом послании к римлянам он обращается к ним с энергичными упреками по поводу их отвратительных пороков, которые он называет страстями бесчестия (*passiones ignominiae*); он изображает их как всех запятнанных самой отвратительной похотью (*masculi in masculos turpitudinem operantes*). Именно идолопоклонству он приписывает эту пугающую деморализацию, которая стала формой поклонения ложным богам. "Они изменили славу нетленного Бога, - с целомудренным ужасом восклицает он, - придав Ему образ тленного человека, птиц, четвероногих животных и змей. Вот почему Бог предал их похотям сердец их, нечистоте, так что они одалживают друг другу свои тела, бесчестия его (*propter quod tradidit illos Deus in desideria cordis eorum, in immunditiam, ut contumeliis afficiant corpora sua in semetipsis*)". Римляне были очень удивлены, что апостол *царя иудейского* защищает то, что самые строгие философы полностью одобрили своим примером, а также своими трудами, за исключением, правда, Сенеки, который в то время считался замаскированным христианином. Но святой Павел прибыл в Рим не для того, чтобы пойти на компромисс со своим врагом, грехом плоти, который Бог осудил, по его словам, уже тем, что послал на землю своего собственного сына в виде греховной плоти (*in similitudinem carnis peccati*), чтобы искупить грех: "Привязанности плоти враждуют против Бога, ибо они не подчиняются закону Божьему. Поэтому те, кто находится в плоти, не могут угодить Богу (*qui autem in carne sunt, Deo placere non possunt*)".

Те, кто слушал проповедь святого Павла, не были богатыми сластолюбцами, живущими в наслаждениях и заставляющими весь мир способствовать удовлетворению их сладострастия; это были бедные плебеи, не знавшие ничего об этих чудовищных изысках азиатского разврата, привезенных в Рим с трофеями завоеванных народов; Они были лодочниками на Тибре, нищими на перекрестках, могильщиками на Аппиевой дороге, продавцами рыбы, торговцами травами, беглыми рабами и несчастными вольноотпущенниками. Но среди этого дозорного населения предместий Вечного города было и молодое поколение, которое воспитывалось, мальчики и девочки, для использования в наемной проституции. Апостол обратился прежде всего к этим печальным жертвам разврата их родителей, хозяев или товарищей; он не пытался заставить их стыдиться своего безнравственного образа жизни, но советовал отказаться от него, чтобы посвятить себя служению истинному Богу, Которому нужны только духи, а не тела. "Вы отдали свои члены на служение нечистоте и беззаконию, чтобы совершать беззаконие (*exhibuistis membra vestra servire immunditiae et iniquitati, ad iniquitatem*); теперь приложите свои члены к служению праведности, чтобы освятить себя". Несколько раз прозелиты святого Павла, удивленные строгостью его наставлений относительно плотских отношений между полами, спрашивали его, как заставить замолчать свои более или менее властные желания и аппетиты; Добродетельный святой посоветовал им, что молитва, пост, размышления и покаяние - самые эффективные средства против волнений плоти; затем, поскольку этих средств недостаточно для некоторых мятежных натур, он оставил браку деликатную задачу укрощения этих мятежей: "Если они слабы, чтобы хранить целомудрие, - говорил он коринфянам, - пусть женятся, ибо лучше жениться, чем сгорать (*quod si non se continent, nubant. Melius est enim nubere quam uri*)".

Христианский брак был последним средством защиты от искушений плоти, поэтому Павел утверждал истинный характер этого брака, который был самой сильной дамбой, созданной христианством против проституции, и все же он не выглядел горячим сторонником супружеского союза, когда говорил коринфянам в форме загадки: "Тот, кто женится на своей дочери, поступает хорошо, а тот, кто не женится на ней, поступает еще лучше". Правда, вскоре после этого он вернулся к этому деликатному вопросу в связи с женщинами, которые молились без покрытой головы: "Женщина - слава мужчины!" - воскликнул он, склоняясь к более человеческим чувствам; "она - слава мужчины, потому что не мужчина произошел от женщины, а женщина от мужчины; и еще, не мужчина был создан для женщины, а женщина для мужчины". Святой Павел был не менее категоричен в отношении каких-либо уступок плоти: "Воля Божия, - говорил он фессалоникийцам, - состоит в том, чтобы вы были святы и непорочны и воздерживались от блуда, и чтобы каждый из вас умел владеть сосудом своего тела свято и честно (*ut sciat unusquisque vestrum vas suum possidere in sanctificatione et honore*), а не по движениям распутства, как язычники, не знающие Бога, ибо Бог призвал нас не быть нечистыми, но быть святыми." В другом месте он перечисляет различные степени нечистоты, через которые может пройти тело, также становясь оскверненным в разной степени: "Дела плоти - блуд, нечистота, блуд, похоть". Каждый из этих грехов определен Отцами Церкви и богословами: блуд, *fornicatio*, - это торговля свободного мужчины со свободной женщиной, это плотские действия, совершаемые вне брака; нечистота, *immunditia*, - это привычка к грязному сладострастию, это стремление к непристойным удовольствиям; наглость, *impudicitia*, - это содомия или другой противоестественный акт; наконец, похоть, *luxuria*, - это разврат, это развязывание чувственности.

- Racinet del.
- Drouart imp.
- E. Leguay Sc.

ШВЕЙЦАРСКИЙ РИБАУД (XVI в.)

В Эфесе, как и в Коринфе, в Колоссах, как и в Фессалониках, святой Павел нападает, преследует и терзает язычество в форме чувственности или похоти; именно с проституцией он борется непрерывно, потому что находит ее везде и собирается бичевать ее даже в таинствах поклонения ложным богам. Святой Павел был язычником, поэтому он сам видел и оценил истинный характер материальной религии, которую он хотел заменить религией духа; поэтому во всех своих проповедях он выступал как реформатор нравов, во имя Иисуса Христа, который, по выражению одного из отцов Церкви, жил целомудренно, хотя и родился от женщины, и никогда не снимал с себя белого одеяния девственности. Вот почему святой Павел буквально сказал фессалоникийцам: "Воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда (*ut abstineatis vos à fornicatione*) и чтобы каждый из вас умел свято и достойно владеть сосудом своего тела, не поддаваясь движениям распутства, по примеру язычников, пренебрегающих Богом". Так и Колоссянам он сказал: "Итак умерщвляйте члены ваши, которые на земле, то есть блуд, нечистоту, похоть, сребролюбие". Галатам он сказал: "Кто сеет по плоти своей, тот от плоти пожнет тление, а кто сеет по духу, тот от духа пожнет жизнь вечную". Если он писал ефесянам, то лишь для того, чтобы увещевать их не жить подобно другим народам, которые, потеряв всякое угрызение совести и всякое чувство скромности, предались распутству, чтобы с ненасытной жадностью погрузиться во всякого рода нечистоту. Если он осмеливался проповедовать целомудрие и непорочность посреди разврата сладострастного Коринфа и в присутствии людей с дурной репутацией, воров и развратников, которых любопытство давало ему в слушатели: "Разве вы не знаете, - кричал он, - что тот, кто соединяется с блудницей, составляет с ней одно тело? Ибо те, которые были двое, теперь одна плоть, говорит Писание. А кто остается привязанным к Господу, тот один дух с Ним. Бегите от блуда. Любой другой грех человек совершает вне тела; но тот, кто совершает блуд, грешит против своего собственного тела (*an nescitis quoniam qui adhæret meretrici unum corpus efficitur? Erunt enim, inquit, duo in carne una!... Fugite fornicationem. Omne peccatum quodcumque fecerit homo, extra corpus est; qui autem fornicatur, in corpus suum peccat*)".

Кроме того, все апостолы были согласны со святым Павлом, осуждая язычество в его делах проституции: они лишь соответствовали настроениям пророков и букве Библии; но евангелисты с меньшей энергией выступали против грехов плоти. Святой Иоанн даже разделил духовные и телесные поступки на две разные категории, чтобы не смешивать их в одном суждении: "Рожденное от плоти есть плоть; рожденное от духа есть дух". Возможно, это было милосердное оправдание, предложенное плотским грешникам, желающим очиститься водами крещения. Как бы то ни было, учение святого Павла, более строгое и менее двусмысленное, было в целом принято ранними Отцами Церкви и Соборами. "Ненавись, как грязную одежду, - говорит святой Иуда, - все, что относится к развращению плоти". Это отвращение к недержанию неизбежно вело к христианскому безбрачию.

Философия, правда, иногда учила язычников воздержанию, но это философское воздержание исходило из чисто человеческих соображений; оно было лишь относительным и случайным, ибо Цицерон утверждал, что природе нужно повиноваться и что ее законы говорят так же громко, как законы бога. Аристотель, в свою очередь, не предлагал никакого другого правила для использования чувственных удовольствий, кроме знания своих сил, другими словами, природного инстинкта. Поэтому философы рекомендовали воздержание только с точки зрения здоровья и физической экономии; сами же они часто предавались похоти, поскольку считали удовольствия чувств вполне соответствующими природе (*ὡς φύσεως ἔρῳον*), по свидетельству святого Нила, ученика святого Иоанна Златоуста. Скромность была добродетелью только в песнях поэтов; и эта добродетель даже у древних не имела тех качеств, которые можно было бы предположить по ее названию. Pudicity, храмы

и алтари которой имелись по всей Римской империи, по мнению самых сведущих антикваров, не представляла собой девственности или даже непрерывности; скорее, она олицетворяла совесть, внутренний голос души, стыд за зло и любовь к добру. Симулякр этого римского благочестия была сидящая женщина, иногда завуалированная, подносящая правую руку к лицу и указывающая на него поднятым указательным пальцем, чтобы выразить, что знак скромности прорывается в опущенном взгляде и на покрасневшем лбу. Сенека, пожалуй, единственный языческий философ, который понимал и учил нравственному целомудрию, которое христиане налагали на себя с благочестивым отречением от природных инстинктов: "Среди них, - сообщает Ориген, - самые простые и малопросвещенные люди, и даже те, кто принадлежит к самому низкому состоянию, часто проявляют в своем нраве и поведении восхитительную серьезность, чистоту, целомудрие и невинность, тогда как эти великие философы, выдающие себя за мудрецов, настолько далеки от этих добродетелей, что открыто оскверняют себя самыми позорными и отвратительными преступлениями". "

Религиозное целомудрие, однако, не было абсолютно презрительным для язычников. Мы уже говорили, что мужчины и женщины воздерживались от любых сексуальных контактов, когда собирались принести жертву богам; даже сами любовники держались подальше от своих любовниц, а последние избегали любых плотских контактов, которые заставили бы их очиститься перед церемонией. Венерический акт не считался предосудительным ни при каких обстоятельствах, и он никогда не оскорблял божество, которое, напротив, поощряло его в общем смысле; но это уже было начало жертвоприношения, угодного богу, который был его объектом, - лишить себя ради этого бога удовольствия, которое почиталось выше всех других. Это было жертвоприношение самого деликатного рода, поскольку жертвователь одновременно являлся и жертвой. Подобное чисто благочестивое воздержание часто встречалось в частной жизни римлян, которые исповедовали свою религию с некоторой щепетильностью: накануне определенных праздников или при приближении определенных мистерий супруги переставали ложиться на брачное ложе, тщательно соблюдая дистанцию и налагая абсолютный запрет на супружеские удовольствия. Овидий в своих "Фастах" (Liv. II) показывает нам самого Геракла, соблюдающего этот обычай, когда он и Омфала готовились принести жертву Вакху: они спали на двух отдельных ложах, хотя и рядом друг с другом (*et positus juxta succubuerunt toris*), и не делали ничего, что могло бы повредить приличиям жертвоприношения. Жрецы, приносявшие жертвы каждый день, несомненно, не были обязаны быть целомудренными каждый день; однако из нескольких отрывков латинских авторов можно сделать вывод, что жертвоприношение признавалось хорошим и благоприятным только в том случае, если руки жертвователя были чисты. Целомудрие угодно богам, говорит поэт Тибулл (*casta placent superis*), который рекомендует неопитам подходить к алтарю только в непорочных одеждах (*pura cum veste*) и черпать священную воду только целомудренными руками. Далеко от алтарей, - кричит Тибулл, - тот, кто отдал часть своей ночи Вене! (*Discedite ab aris, queis tulit hesternum gaudia nocte Venus*). Что касается обета девственности, то языческая религия разрешала или предписывала его при различных обстоятельствах; но этот вид материальной девственности не имел аналогии с нравственной девственностью, как ее понимали и соблюдали христиане. Например, весталки должны были сохранять свой девственный цвет под страхом погребения заживо и самых ужасных пыток; но необходимость оставаться девственницами отпадала для них в том возрасте, когда заканчивалось половое созревание, и тогда они могли поддерживать огонь Венеры, как раньше поддерживали огонь Весты. Самые юные, кроме того, не были связаны целомудрием ума или невинностью сердца: они посещали публичные игры, гладиаторские бои, пантомимы, ателланы и театральные танцы; они не закрывали глаза сладострастных

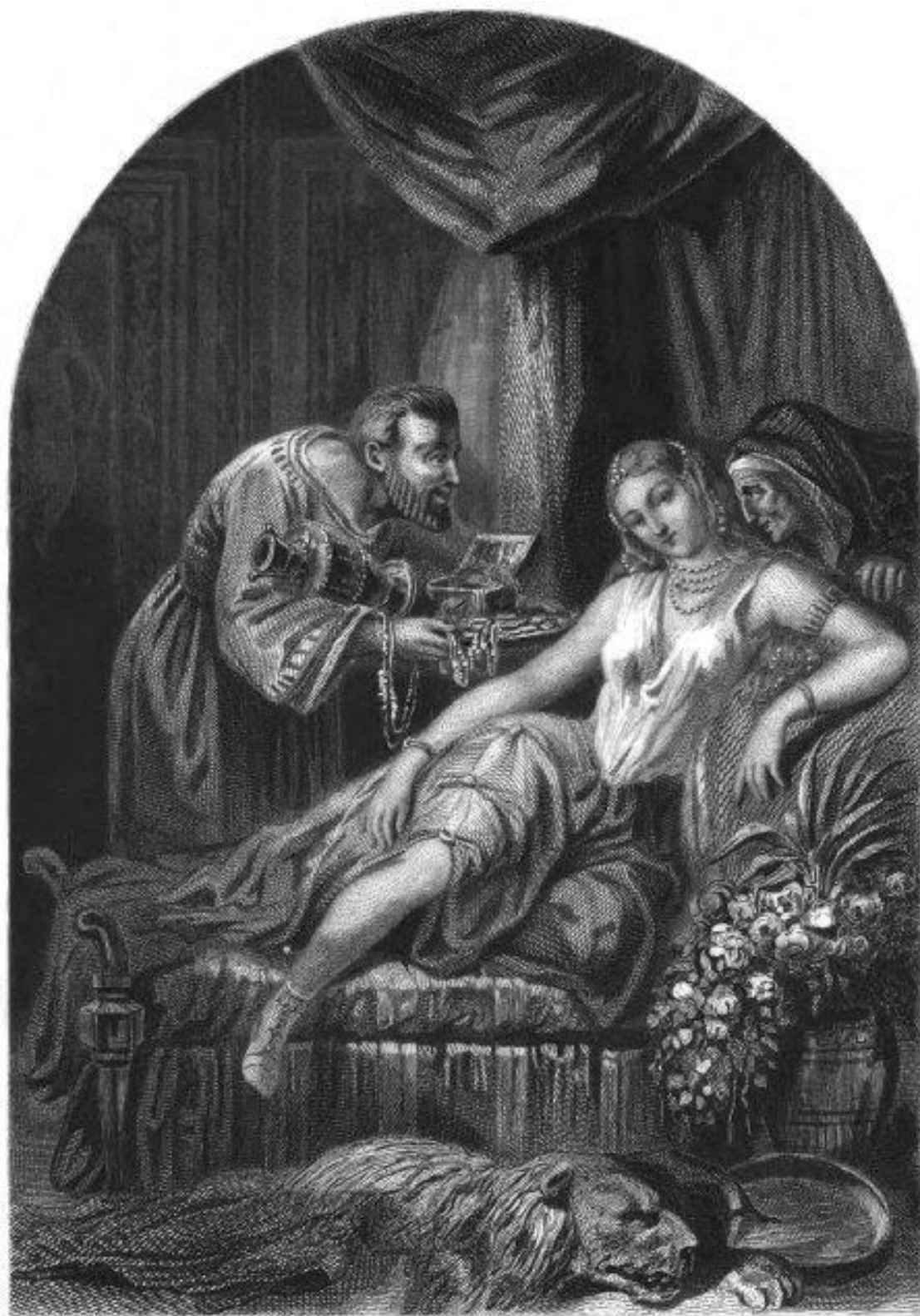
изображений, а уши - непристойных слов и нескромных песен. Поэтому их девственность не выходила за пределы пояса, по выражению одного из отцов Церкви.

Святой Амвросий (*De virginitate*, lib. I) говорит: "Разве девственниц Весты и жриц Палласа следует противопоставлять нашим христианским девственницам? Но что это за девственность, которая заключается не в чистоте и святости нравов, а в количестве лет, и которая не вечна, а предписана только до определенного возраста? Эта мнимая целостность вскоре превращается в распутство, когда человек решается потерять ее в последующей жизни (*petulantior est talis integritas, cujus corruptela seniori servatur ætati*). Те, кто предписывает время девственности, таким образом учат своих девственниц не оставаться в этом состоянии. Что это за религия, которая предписывает благоразумие молодым и блуд старым? Нет, эти весталки не целомудренны, поскольку они целомудренны только потому, что их заставляют быть таковыми, и не честны, поскольку их покупают или, скорее, берут в аренду за деньги, и мы не должны называть *дурой* ту, которая каждый день охотится за непристойными взглядами целого развращенного и развратного народа (*nec pudor ille est qui intemperantium oculorum quotidiano expositus convitio, flagitiosis aspectibus verberatur*)!" Отцы Церкви не уставляли сравнивать христианских девственниц с весталками и языческими девственницами, чтобы подчеркнуть глубокую разницу между девственностью первых и вторых. Он не заходит так далеко, как Минуций Феликс, который считает эту девственность весьма подозрительной и осмеливается сказать, что все весталки были бы похоронены заживо, если бы безнаказанность не защищала их расстройств (*impunitatem fecerit non castitas tutior, sed impudicitia felicior*): "Итак, не будем превозносить весталок, - вызывает святой Амвросий, - ибо целомудрие, продаваемое за деньги и не сохраняемое из любви к добродетели, не есть целомудрие; не есть девство, которое, как на аукционе, покупается или арендуется на время!" Что касается телесной девственности, которую язычники требовали от своих весталок, то ее было так трудно сохранить и так опасно обещать, что нелегко было найти девушку, которая согласилась бы по собственной воле посвятить себя печальному состоянию весталки-девственницы. Святой Амвросий писал императору Валентиниану: "У тебя едва ли семь весталок, и они были еще младенцами, когда их посвящали Весте! Вот и все девственницы, которых идолопоклонство может иметь в своем распоряжении! Семь несчастных женщин, которые позволили соблазнить себя расшитыми пурпуром одеждами, роскошными литаврами, многочисленной свитой рабов, привилегиями, огромными доходами, а главное - надеждой не умереть девственницей вопреки своему обету!"

Христианское безбрачие стало, особенно среди женщин, одним из самых мощных средств пропаганды евангельской религии; доктрина, сформулированная святым Павлом о целомудрии, была с фанатизмом принята молодыми новообращенными, которые гордились тем, что укрощают движения плоти; ведь пыл чувств умиротворялся, если не гасился, воздержанием, трезвостью, молитвой и уединением. Когда безбрачие, которое римский закон запрещал как позор, стало считаться честью и победой новых последователей Иисуса Христа, среди девственниц, посвятивших себя мистическому браку с Сыном Божиим, возникло нечто вроде подражания. Внезапно древняя проституция остановилась и уменьшилась перед триумфом девственности. Пусть язычники, - говорил святой Амвросий, - поднимут глаза тела и в то же время души; пусть увидят это славное множество, это почтенное собрание, этот целый народ девственниц, почитающих Церковь (*plebem pudoris, populum integritatis, concilium virginitatis*): Они носят не головные повязки, а скромную вуаль, которая рекомендуется только для целомудренного использования; они не позволяют себе тех уходовых мод, которые служат постыдной торговле красотой (*lenocinia pulchritudinis*)!" Пруденций в своей книге против Симмаха также восхваляет христианскую девственность: "Самые прекрасные привилегии наших девственниц, - говорит он, - это их скромность, их

лица, покрытые священным покрывалом, их честная и достойная жизнь вдали от профанных глаз, их экономное питание и их дух, который всегда трезв и целомудрен!" Следует, однако, сказать, что причиной этого соревнования, этого подражания девственности было не столько удовлетворение девственным состоянием, сколько удовольствие от превосходства над другими женщинами и от того, что их замечали за добродетель, которая имела своего рода помпезность. Таким образом, девственницы занимали особое место в церемониях поклонения; они также носили отличительный атрибут, который выделял их на публике. Странное совпадение! Этим атрибутом была митра, которую куртизанки Рима, в основном сирийки, приняли за свой знак отличия и которая позорила любую женщину, достаточно смелую или неосмотрительную, чтобы принять такой головной убор. Митра девственниц, о которой говорит святой Опат (Contra Donat, lib. VI), несомненно, отличалась по высоте, форме и цвету от митры куртизанок; кроме того, она не допускала ни длинных, ниспадающих волос, ни белокурого парика, ни волос, причесанных и сверкающих золотой пудрой, ибо христианская дева объявляла о своем призвании, остригая волосы; более того, эта реабилитированная митра скрывалась под пурпурной, коричневой или черной вуалью, которая закрывала лицо и плечи, как *фламмеум* весталок.

В течение первых трех веков, необходимых для основания католической догматики, шла ослепительная война морали против проституции, и доктры Церкви постоянно противопоставляли чувственную философию язычников целомудренному и строгому испытанию христианской жизни. Святые отцы хотели взять под контроль тело, чтобы лучше владеть разумом. Сначала женщины с энтузиазмом относились к девственности; следуя их примеру, мужчины подчинялись целомудрию. Что может быть прекраснее возвышенной добродетели целомудрия?" - говорил святой Бернар в XI веке, черпая вдохновение в великих мыслях ранней Церкви. Она делает чистое тело из запятнанной и испорченной массы; она превращает врага в друга, а человека - в ангела! В отличие от религиозного разврата язычества, новый культ был окружен простыми и скромными практиками; его таинства совершались в святом созерцании, без шума, гама и скандала. Скромность и благопристойность царили во всех христианских церемониях. Представители обоих полов были разделены в церквях; они не видели друг друга, даже если присутствовали у алтаря; они не встречались, даже когда шли на молитву, и таким образом избегали опасностей привычного контакта, который мог бы дать волю слабостям плоти. У увещаний священников не было более любимого текста, чем слова святого Павла из Послания к римлянам: "Не отдавайте членов ваших греху, чтобы служить ему орудиями беззакония!" Восхваление и прославление целомудрия служило отправной точкой для всех учений. "Непорочность, - говорил святитель Василий, - есть разрушение греха, удаление порочных привязанностей, умерщвление страстей и желаний, даже естественных желаний нашего тела, увеличение заслуг, дело Божие, школа добродетели и обладание всеми благами". (Interrog., 17 resp.).

- Castelli del.
- Drouart, imp. r. du Fouarre, 11, Paris.
- Foliet sc.

СОБЛАЗН И РАЗВРАТ.

Поскольку христиане гордились превосходством своей морали и чистотой нравов, язычники использовали против них оружие клеветы и утверждали, что их культ - не что иное, как чудовищное собрание позорных проституток. На самом деле христиане, которым угрожали или которых преследовали, собирались только тайно, вдали от глаз своих врагов, глубоко в лесах, в пещерах и особенно в глубине катакомб. Никто из профанов не проникал в их тайные святилища, и все, что было известно об их обрядах, обычаях и догмах, - это то, что содержалось в ложных рассказах нескольких редких отступников. Поэтому долгое время народное мнение, под влиянием и при поддержке фанатичных жрецов ложных богов, враждебно относилось к этим благочестивым катехуменам, которые жили в самых строгих добродетелях и предпочитали смерть малейшему осквернению своего тела. Ходили слухи, что братья и сестры Иисуса Христа исповедуют настолько ужасную религию, что не осмеливаются признать ее принципы и поступки; рассказывали о неслыханных ужасах, совершаемых на их ночных сборищах, и говорили, что их ужасная похоть не уважает ни возраст, ни пол, ни кровные и семейные узы. Христианство, по мнению одних, было не более чем замаскированным иудаизмом; по мнению других, это было отвратительное безумие атеизма и разврата, которое несколько раз пыталось внедриться в религию Римской империи и состояло из самых одиозных изобретений человеческой извращенности. Так древняя проституция пыталась защитить себя и оправдаться, приписывая собственные излишества христианству, которое в течение двух веков подрывало языческое общество, прежде чем появиться на свет и явить себя во всем великолепии своей чистоты.

Философы-платоники первыми поняли и обосновали евангельскую доктрину; уже в 170 году Афинагор победоносно опроверг недостойную клевету, приписывавшую христианам все виды кровосмешения и бесчестия; в своей "Апологии христианской религии", адресованной императорам Марку Аврелию и Луцию Веру, он провозгласил целомудрие христиан в зависимости от различий в поле, возрасте и степени родства: "Одних мы считаем своими детьми, - говорил он, - других - своими братьями и сестрами, а престарелых почитаем как своих отцов и матерей. Поэтому мы очень заботимся о сохранении чистоты тех, кого считаем своими родителями. Когда мы целуем наш мир, мы делаем это с большой осторожностью, как будто это религиозный акт, потому что если он будет запятнан нечистой мыслью, то это лишит нас вечной жизни. Каждый из нас, беря жену, намеревается иметь только детей и подражает пахарю, который, однажды доверив свое зерно земле, терпеливо ожидает урожая". В другом отрывке своей "Апологии" Афинагор более решительно возвращается к этому целомудрию, которое характеризует христиан прежде всего посреди обычного и постоянного недержания язычников: "Христиане, - говорит он, - воздерживаются не только от прелюбодеяния, но и от торговли публичными женщинами; страх перед падением в эту бездну не позволяет им терпеть даже мысли о малейшем бесчестном удовольствии и заставляет их тщательно избегать всех тех похотливых взглядов, которые могут передать образ какой-либо нечистоты. Они изгоняют из своей жизни усердные визиты, игривость, бесчестные разговоры, долгие беседы, бесполезные прикосновения и неумеренный смех. Они отказывают себе в самых невинных вольностях и никогда не показывают те части тела, которые прикрывает честность. Их одежда скрывает их снаружи, а скромность запирает их изнутри, так что дома они стыдятся своих родителей и слуг, в бане - своих жен, а наедине - самих себя". Все отцы зарождающейся Церкви с одинаковой энергией протестовали против вероломных и клеветнических обвинений, которые пытались опорочить христиан: "Любовь к целомудрию имеет над ними такую власть, - говорит святой Иустин в своих "Диалогах", - что мы находим многих, которые проводят всю свою жизнь без всякого плотского союза и остаются девственниками в возрасте шестидесяти лет, без нрава или страны, заставляющей их хранить целомудрие".

Святой Киприан, святой Климент Александрийский, святой Григорий Нисский, святой Василий, все греческие и латинские отцы рисуют назидательную картину христианской морали, которая была тем более чистой, что языческая мораль была более развращенной. Святой Киприан посвящает свой "Трактат о пошлости" возвеличиванию этой добродетели христиан: "Они знают, - говорит он, - что плотское сладострастие начинается с надежды найти твердые радости, а заканчивается чистыми иллюзиями, которые заставляют нас стыдиться самих себя. Они доводят нас до всевозможных преступлений, вводя в ужас и мерзость этих чудовищных союзов, которые переходят от пола, с которым нас соединяет природа, к нашему собственному полу и опускаются до пола животных, придумывая тысячу сладострастных мерзостей, на которых воображение не могло бы остановиться, не покраснев". Святой Григорий Нисский обращается к свидетельству самих язычников, чтобы подтвердить славное целомудрие христиан: "Они не довольствуются целомудрием тела, умерщвляя всякое плотское сладострастие; они очищают себя и в уме, зная, что истинное девство должно защищать себя от прелюбодеяния грехов". Боясь осквернить свой дух, они удаляли от себя всякое постыдное зрелище, всякий бесчестный образ; они никогда не посещали театральные игры, которые святой Киприан называет *школой нечистоты*; они изгоняли со своих скромных столов те дьявольские блюда, которые возбуждают чувства и приводят их к грубому удовлетворению; Они не позволяли себе пользоваться духами, которые питают те мягкие и развратные мысли, которые несет с собой чувственность; они не допускали песен, танцев, смеха, пьянства или чревоугодия на свои банкеты, где всегда было явлено присутствие Святого Духа.

Святой Климент Александрийский (Pedag., lib. II) даже подробно рассказывает об этом целомудрии, которое было гордостью верующих и позором язычников. После того как в своих "Строматах" (liv. II), он установил радикальное различие между браками тех и других, сказав, что язычники ищут в супружеском факте только свою похоть и свою жестокость, а христиане - только этот союз, который ведет нас к союзу Иисуса-Христа: "Христиане, - говорит он, - хотят, чтобы жены угождали своим мужьям чистотой нравов, а не красотой; они также хотят, мужья не использовали своих жен как проституток, от которых ищут только чувственного разврата"; ибо "природа дала нам брак, - добавляет он в своем "Педагоге", - только как пищу, употребление которой, а не злоупотребление ею, разрешено ею в пропорции, полезной для здоровья тела". Тот же отец Церкви представляет нам любопытную картину благопристойности христианского брака: "Супруги, - говорит он, - носят скромность в постели, чтобы, если они нарушат в темноте заповеди этой скромности, усвоенные ими при свете дня, не уподобиться Пенелопе, которая ночью распутала то, что замышляла днем. Эта скромность - доказательство того, что они умеют подавлять свою похоть даже там, где она имеет право на эмансипацию; доказательство того, что, отдаваясь друг другу, они внешне целомудренны. В их постели не видно тех греховных вспышек, которые придумало одно лишь сладострастие; ведь если Иисус Христос разрешил им вступать в брак, он не велел им быть сладострастными". В другом месте святой Климент продолжает определять целомудрие христианского брака, по сравнению с которым языческий брак был не более чем наложнической проституцией или безнравственной торговлей: "Единственная цель союза двух полов, - говорит он (Pedag., lib. II, cap. 10), - это иметь детей, чтобы сделать из них хороших людей. Противно разуму и законам искать в браке только удовольствия, но мы не должны воздерживаться от него из-за страха иметь детей. Природа также запрещает непристойные контакты между полами в детстве и старости; те, кому брак разрешает такие плотские отношения, должны быть постоянно внимательны к присутствию Бога и уважать свои тела, которые его члены, воздерживаясь от любых взглядов и любых грязных или незаконных прикосновений..."

Сдержанное поведение супругов в состоянии брака, естественно, привело некоторых докторов Церкви, таких как Ориген, к подавлению женского пола в другой жизни, как бесполезного и опасного. Ориген, опробовавший свою доктрину о разделении полов на себе, хотел воскресить только мужской пол. Другие отцы, чтобы лучше обеспечить целомудрие блаженных, придерживались мнения, что избранные не имеют пола, а проклятые сохраняют его вместе со своими жалкими страстями. Большинство же докторов основывали свою веру и учение на словах Откровения о том, что на небесах святые будут жениться, рожать детей и наслаждаться всеми телесными удовольствиями. Тертуллиан, Лактанций, Иреней, Юстин и Мефодий поддерживали этот небесный и вечный брак. Но Церковь, благодаря голосу Соборов, должна была исправить это бессистемное мнение и заявить, что, если на небесах сохранятся два пола, там не будет ни брака, ни тем более земных наслаждений и рождения детей. По этому поводу святой Августин говорит в своем "Городе Божьем", книга II, гл. 17: "Бог удалит то, что порочно в избранных, но позволит сексу остаться, что не является злом, поскольку Бог - его создатель. Конечности, в которых больше не будет страстей и которые больше не будут служить прежним целям, будут облечены в новую красоту". Казуисты не собирались останавливаться на достигнутом, ибо они полагали, что воскресение восстановит девственную целостность в телах, утративших ее на земле.

Поэтому целомудрие - добродетель, на которую христиане претендовали как на монополию, - стало их постоянной заботой и главным знаком их веры; они охраняли его как драгоценный залог, данный им божественным Спасителем, и использовали как провокационное оружие против языческого чувственного мира, который считал себя неспособным подражать ему. Понятно, что основатели католицизма, зная о силе воздействия этого целомудрия как на массы, так и на отдельного человека, призвали на помощь все строгости церковного наказания, так как зарождающаяся церковь была заинтересована в защите нравственности и подаче примера. Отсюда и суровость христианского кодекса в отношении плотских преступлений, которые были неподвластны человеческому закону. За простой блуд святой Григорий Нисский хотел, чтобы епитимья длилась девять лет, разделенных на три категории, так что блудники в течение трех лет *не должны были* молиться, три года *слушать*, и три года *стоять в прострации*. Святой Василий был более снисходителен: его устраивало четырехлетнее покаяние за блуд, то есть по одному году, проведенному в каждом состоянии покаяния. С другой стороны, он не щадил прелюбодеяние, кровосмешение, содомию и скотоложство, которые он наказывал пятнадцатилетней епитимьей, причем виновный должен был четыре года *плакать*, пять лет *слушать*, четыре года *лежать* и два года *помогать*. Однако прелюбодеяние женатого мужчины с незамужней женщиной приравнивалось к простому блуду. Многоженство, хотя и считалось состоянием скотоложства и недостойным мужчины, наказывалось лишь четырьмя годами тюремного заключения, одним годом *плача* и тремя годами *прострации*. Соккупление лиц, посвященных Богу, считалось лишь случаем блуда при условии, что эти незаконные связи были расторгнуты. Девушка, ставшая проституткой с согласия родителей или хозяев, отбывала трехлетнюю епитимью; девушка, поддавшаяся лишь насилию, не подвергалась наказанию и не осквернялась ни перед Богом, ни перед людьми. Что касается диакона, виновного в блуде, то он должен был вернуться в ранг простых мирян и трудиться над умерщвлением своей греховной плоти.

Это законодательство первобытной Церкви является достаточным доказательством того, что христиане придавали неоценимое значение сохранению своей телесной и душевной чистоты; язычники также были злонамеренно настроены атаковать добродетель, против которой их противники постоянно выступали как против расстройства и нечистоты язычества. Они стремились проверить, как далеко может зайти эта добродетель, и пытались

запятнать ее, подвергая нападкам насилия и бесчинствам разврата. Но этот вид пыток не больше, чем другие, повлиял на святую отставку девственниц и мучениц. Эти жертвы приносили в жертву Богу свое девство и терпели нечистое иго блуда, не переставая быть чистыми и сияющими. Церковь помогала им в этих муках гонений, и ее утешительный голос побуждал их вознестись к небесам по мучительному и горькому пути блуда: "Девство, - взывал святой Августин (*Contra Iul*, Не насилие портит тела святых женщин", - добавляет святой Иероним, - "Девственница, - говорит святой Амвросий, - может быть проституткой и не оскверниться". "Ведь если бы чистота погибла таким образом, она перестала бы быть добродетелью духа, а стала бы свойством тела, как красота, здоровье и другие тленные блага".

Священник по имени Викториан написал святому Августину, чтобы сообщить ему болезненные новости о ужасающем насилии, которому варвары подвергали христианских девственниц; святой ответил (*Ep. 122*), что если бы эти девы терпели это насилие, не соглашаясь на него и не покоряясь ему, они не были бы виновны перед Богом: "Это будет для них, - говорит он, - скорее почетной и славной раной, чем позорным разложением; ибо целомудрие, которое находится в душе, имеет такую большую духовную силу, что оно остается неприкосновенным и заставляет саму чистоту тела не подвергаться нападкам, даже если развратители осмелились победить и нарушить члены этого материального тела". Святой Василий в более или менее схожих выражениях излагает аналогичную доктрину, чтобы успокоить дух девственниц, которым грозила самая страшная мученическая смерть: "Если есть некоторые, - говорит он, - которые перенесли насилие, но их души не согласились на это, то они не преминули представить своему Божественному Супругу эти души чистыми и нетленными, даже с большей честью и славой". Это было одновременно и ободрением, и возмещением для бедных девственниц, которые были преданы пытке проституции. Идея этой жестокой пытки, несомненно, была внушена гонителям необыкновенным восхищением, которое христиане проявляли к своим девственницам, и в то же время сияющей гордостью, которую последние черпали из состояния непорочной чистоты. Вот почему во время гонений так много христианских дев было поругано их палачами, которые просто применяли древний римский закон, по которому девственница не могла быть предана смерти. "Что касается девственниц, - пишет Суетоний в "Жизни Тиберия", - то, поскольку древний обычай запрещал их душить, палач сначала насиловал их, а затем душил (*immaturatæ puellæ, quia more tradito nefas esset virgines strangulari, vitiatæ prius a carnifice, dein strangulatæ*)". Таким образом, изнасилование христианских девственниц первоначально было лишь предварительным условием смертной казни в соответствии с римским обычаем; позднее это изнасилование стало главной частью самого наказания, и девственницы старались не снимать с себя ответственности за свое девственное состояние перед языческими судьями, которые получали омерзительное удовольствие, избивая их в том, что им было дороже всего; но их девственность была жертвой, которую они целомудренно приносили Богу в обмен на мученический венец.

Вслушайтесь в победную песнь святого Киприана, посвященную этим покорным мученицам, которых пожирало чудовище языческой проституции: "Девственницы, - говорит он, - подобны цветам сада Церкви, шедевр благодати, украшение природы, совершенное и нетленное произведение, достойное всякой похвалы и чести, образ Бога, соответствующий святости нашего Господа, и самая прославленная часть стада Иисуса Христа! Язычество надеялось уничтожить семя новой религии, покушаясь на сам принцип девственности, но девственницы оказались сильнее палачей.

ГЛАВА II.

Краткое содержание - Необходимость, по которой святой Павел и апостолы должны были навязать христианам плотское воздержание и девственную чистоту - Агапы - Могильщики римских катакомб были первыми поклонниками Христа - Восстанавливающее и утешительное действие христианской религии на деградировавшие существа, посвятившие себя служению проституции - Мученики-куртизанки.-История Марии Египетской, рассказанная ею самой - Легенда о святой Таис - Как святой Ефрем обратился к женщине с дурной репутацией - Два одиночества и проститутка - Святой Симеон Стилита - Обращение Порфирия - Святая Пелагия - Святой Феодот - Обращение и пытки святой Афры - Молитва святой Афры на костре, или молитва раскаявшихся проституток.

Нетрудно понять мотивы великой прозорливости, побудившие рекомендовать целомудрие среди всех христианских добродетелей. Эта добродетель, несомненно, предписывалась законом Моисея, и мы находим осуждение излишеств плоти на каждом шагу в Священном Писании. Соломон, которому в старости предстояло иметь семьсот наложниц, не пощадил эти виновные излишества, к которым он сам позволил себя подвести: "Прелюбодей потеряет душу свою по неразумию сердца своего", - говорит он в Притчах (глава VI); "он будет навлекать на себя все большую и большую мерзость и бесчестие, и позор его никогда не исчезнет". Таким образом, святой Павел и апостолы просто следовали Моисеевой доктрине, навязывая христианам плотское воздержание и девственную чистоту. Но существовала причина необходимости, которая объединяла всех тех, кому советовала религия, в интересах морали, которую диктовало ее Евангелие: общая жизнь катехуменов обоих полов подвергала их искушениям, пылким чувствам и ежедневным опасностям, которые нуждались в очень сильной защите, чтобы не привести к почти неизбежным расстройствам. Эти расстройства, напоминая о самых постыдных таинствах язычества, смешали бы с ним в глазах язычников божественную религию Иисуса Христа, и культ истинного Бога не смог бы с успехом бороться с унижительными культами Венеры, Вакха, Кибелы и Изиды; Ведь в этих различных формах идолопоклонства празднование таинств оскверняло храмы и священные леса только в определенное время года, тогда как оккультные церемонии католической веры происходили в любое время, каждый день, а точнее каждую ночь, под названием *агалэ*.

В этих агапах, в этих братских трапезах, где слово Господне питало душу, умерщвляя тело, соединялись два пола, и распутство пробудилось бы в самых целомудренных и холодных сердцах, если бы закон нового культа не наложил спасительный тормоз на природные инстинкты и тягу к пороку. Вот почему целомудрие было первой добродетелью, обязательной для христиан, чтобы гарантировать и поощрять все остальные. Если бы эта добродетель не проповедовалась непрерывно и не укоренилась в убеждениях каждого, агапы служили бы только для распространения проституции. Ничто не может дать полного представления о возвышении верующих, которые стремились только к мученичеству и с готовностью претерпевали его в себе, в своих желаниях и страстях, прежде чем полностью отдаться ему на публичной площади. Эта экзальтация, переходящая в разврат, как это часто случалось с ересями, привела бы к чудовищному распутству и дискредитировала бы христианство, сделав апостолов и прозелитов всеобщим презрением. Представьте себе постоянную опасность для скромности братьев и сестер, собравшихся для молитвы и покаяния в этом созерцательном существовании! Все женщины были покрыты вуалью и одеты в свободные одежды, которые не придавали телу никакой формы; эти одежды, сделанные из грубой шерсти и однородного цвета - белого, серого или черного, не привлекали глаз или любопытство мирскими украшениями; обоняние не возбуждалось слабыми

притягательными ароматами духов. Эти женщины, чьи полностью закрытые котурны даже не были видны за складками длинных платьев, выглядели как неподвижные статуи или похоронные скорбящие в тени. Мужчины, в свою очередь, были одеты не менее прилично, с той лишь разницей, что носили не вуали, а большие шляпы, широкие чепцы, под которыми их лица, бледные и истощенные, имели вид черепа и скрещенных костей. Но этого все равно было недостаточно, чтобы не дать природе говорить громче воли: эта мятежная и пылкая натура должна была позволить сковать себя авторитетом наставления и примера.

Таким образом, мужчины и женщины могли безнаказанно проводить вместе дни и ночи, бок о бок, лицом друг к другу, не совершая греховных поступков и даже не допуская дурных мыслей; они дышали одним воздухом, спали рядом в катакомбах, посреди леса; засыпали и просыпались с молитвой. Более того, когда гонения заставили христиан скрываться и жить между собой в глубинах уединения, догмат о целомудрии уже прочно утвердился среди сыновей и жен Иисуса Христа, поскольку укрощал самые жестокие восстания плоти, несмотря на постоянную угрозу уныния и безделья. В этой благочестивой смеси святых мужчин и женщин, живших вместе в этих подземных убежищах, где часто находились их колыбели и которые охраняли их неприкосновенную гробницу, уже не было, так сказать, пола. Неудивительно поэтому, что язычники, не зная о целомудрии этой тайной жизни, принимали ее так же, как принимали бы разнузданность своих нравов и чувственность своей религии: они не представляли, что чувства могут принять такое рабство; они не подозревали, чем может быть империя молитвы и что может сделать фанатизм религиозного долга. Отсюда и одиозная клевета, которую они распространяли против христиан, смешивая их с нечистыми ересиархами, которых зарождающаяся Церковь с ужасом отвергала.

Именно в катакомбах, в этих огромных раскопках, где Рим находил материалы для своих храмов и зданий, именно в этих темных подземных туннелях, служивших кладбищем для рабов и бедного населения Вечного города, Христос нашел своих первых поклонников, ведь его Евангелие было обращено прежде всего к страждущим и несчастным. Могильщики (*fossores*), которые копали могилы и никогда не видели солнца, сначала с доверием приняли религию, которая опускала превосходных и возвышала смиренных; таким образом, они обогатились всеми радостями Рая, обещанными им Спасителем, и почувствовали себя реабилитированными, преследуемые ужасом и презрением живых, которых они имели печальную честь хоронить. Аналогичная реабилитация ожидала и униженные классы, которым нужно было вернуть чувство собственного достоинства под бичом, которым их наделило общественное мнение. Христианство стирало все пятна с лица земли через покаяние и крещение: оно создавало нового человека в старом; оно делало чистым то, что до этого было нечистым; оно возлагало ореол прощения на заклеянные чела. Его возрождающее и утешительное действие среди деградировавших существ, посвятивших себя служению проституции, легко понять.

Их глаза были открыты свету евангельской морали, и они с ужасом осознали всю глубину пропасти, в которую их вверг порок. Некоторые обратились и отреклись от своей скандальной жизни; другие продолжали ее со слезами и молитвами, подчиняясь ей, как одиозной тирании, и вознося к небесам жертву своих страданий. Религия Христа быстро распространялась в этих полных раскаяния и горечи душах, и самая развратная проститутка поднимала голову и смотрела на небо. Проповедь апостолов и их учеников прежде всего на перекрестках дорог, на въездах в города, на площадях и в пригородах, везде, где праздная и любопытная толпа охотно принимала оратора. Носильщики, матросы, жонглеры, бродячие рабы - словом, самый отвратительный сброд - толпились вокруг Божьего человека, проповедовавшего о целомудрии и умерщвлении плоти. Проститутки охотнее всего слушали

это благотворное слово, которое успокаивало их сердца и давало им силы ходить перед Богом. Эти несчастные жертвы разврата испытывали меньший ужас перед собой, когда верили, что общаются с Искупителем, и часто бросали свое ужасное ремесло, чтобы посвятить себя божественной миссии, которую Иисус послал девам и мученицам. Это, несомненно, было убедительной причиной введения христианского безбрачия в первые века. Иисус отпустил Марию Магдалину, потому что она так сильно любила; следуя примеру Иисуса, святые исповедники проявляли снисходительность к женщинам, которые жили в нечистоте, пока были язычниками, и которые, став христианами, вступили в славную жизнь покаяния.

Легенда полна этих куртизанок, которых коснулась рука Господа и которые пошли по его стопам, чтобы спастись, стерев порочность своей прошлой жизни. Все эти несчастные женщины одушевлены Святым Духом, подобно трем Мариям, которые оставили все, чтобы последовать за Иисусом Христом. Чем больше они были запятнаны грехом, тем больше они стремятся очистить себя огнем веры и искупления. Многие из них, а некоторые и самые извращенные, становятся святыми и обретают мученический венец. Число таких святых достаточно велико, чтобы отец-иезуит Теофиль Рейно составил специальную мартирологию о них, следуя истории Марии Египетской, их образцу и покровительнице. Мы не собираемся писать золотую легенду обо всех этих блаженных меркантильных женщинах и не станем оспаривать место, которое они по праву или по ошибке занимают в небесном блаженстве; Но мы лишь заимствуем некоторые отрывки из трудов древних агиографов, чтобы показать влияние христианства на языческую проституцию и установить тот необычный факт, что проституткам принадлежала особая честь первыми отказаться от культа ложных богов, этих более или менее позорных олицетворений человеческой чувственности.

Мария Египетская, жившая во времена правления Клавдия и скрывшаяся в пустыне для покаяния после своего обращения, рассказала свою историю аббату Зосиму, которого она встретила, когда была полностью обнажена, ее тело было черным и обожженным солнцем: "Я родилась в Египте, - рассказывала она, прикрывая свою наготу плащом, который дал ей Зосима, - на двенадцатом году жизни я отправилась в Александрию, где в течение семнадцати лет предавалась общественному разврату и не отказывала ни одному мужчине. И когда некоторые люди из той области готовились совершить путешествие в Иерусалим, чтобы поклониться истинному Кресту, я попросил лодочников, которые их вели, взять меня с собой. Когда они спросили меня о цене за проезд, я сказал им: "Братья, мне нечего дать, но возьмите мое тело в уплату за проезд". Тогда они взяли меня и распорядились моим телом, чтобы заплатить самим. Мы вместе прибыли в Иерусалим, и когда я вместе с другими предстал перед воротами церкви, чтобы поклониться истинному Кресту, меня вдруг оттолкнула невидимая сила; я несколько раз тщетно возвращался к воротам церкви и всегда чувствовал, что меня удерживают, тогда как другие входили без труда. Тогда я посмотрел на себя и подумал, что причиной этого отталкивания были мои многочисленные грязные грехи. Я начала глубоко вздыхать, проливать горькие слезы и наказывать свое тело руками". Она дала обет целомудрия и отдала себя под защиту Девы Марии, которая позволила ей войти в церковь и поклониться истинному Кресту. После этого она перешла Иордан и удалилась в пустыню, где оставалась сорок семь лет, не видя ни одного человека и живя на трех хлебах, которые принесла с собой. "В течение первых семнадцати лет моей уединенной жизни, - говорила она, - мне приходилось терпеть искушения плоти; но, по милости Божией, я все их преодолела..." Именно такие примеры для подражания предлагал христианский исповедник женщинам, живущим плохо, которые стекались к нему послушать. Рассказ, заимствованный нами у Жака де Ворагина, великого легендарного писателя Средневековья, более приличен, чем Деяния святого, пересказанные и прокомментированные сдержанно его историком

Теофилом Рейно. Эта святая была общей покровительницей куртизанок, и предание ее тела лодочникам было изображено на витражах церквей, в частности Сент-Мари-де-ла-Жюссиенн, часовни, некогда находившейся на улице Жюссиенн в Париже и посвященной великому братству публичных девушек.

Другая куртизанка, не имевшая среди своих сверстниц такой репутации, как Мария Египетская, также появляется в "Житии отцов", где она заглаживает свои грехи. Впрочем, не исключено, что эта святая была просто олицетворением раскаявшегося развратника и трогательной эмблемой очищения оскверненного тела. Ее красота была такова, что многие глупцы продавали все, чем владели, чтобы купить ее благосклонность, а покинув ее ложе, оказывались в крайней нищете; ее любовники часто ссорились на почве ревности, а ее дверь, по словам Жака де Ворагина, была окроплена кровью. Аббат Пафнутий решил обратить ее в свою веру. Он облачился в светскую одежду, взял монету и подал ей в качестве платы за грех, который, как ему казалось, он от нее требовал. Она приняла монету, сказав: "Пойдемте в мою комнату! И когда Пафнутий вошел в эту комнату и она пригласила его взойти на кровать, покрытую богатыми тканями, он сказал ей: "Пойдем в более тайное место?" Она провела его последовательно в несколько других комнат, и он всегда возражал, что боится быть увиденным: "Это комната, куда никто не входит, - сказала она ему печально, - но, если ты боишься Бога, нет места, которое было бы скрыто от его глаз". Старик, удивленный этим, спросил ее, знает ли она, что есть Бог, который платит и мстит. Она ответила, что знает: "Раз ты знаешь, - сурово воскликнул Пафнутий, - как же ты потеряла столько душ? Да, грешница, Бог есть, и ты дашь ему отчет не только за свою душу, но и за всех тех, кого ты склонила к греху". При этих словах Таис упала к ногам Пафнутия, проливая слезы раскаяния: "Отец, - сказала она ему, - я надеюсь, что смогу молитвой получить прощение моих грехов; прошу вас, дайте мне три часа, чтобы я приготовилась следовать за вами; тогда я сделаю все, что вы прикажете". Аббат, указав место, где он будет ее ждать, покинул этот дом нечистоты. Таис собрала все, что нажила за свои грехи: роскошные одежды, богатые драгоценности, великолепную мебель, и в присутствии всего народа развела костер на площади. "Придите все, - кричала она, - придите все, кто согрешил со мной, и посмотрите, как я сжигаю все, что получила от вас!" Эти предметы составляли сорок фунтов золота. Когда все было сожжено, она присоединилась к Пафнутию, который отвел ее в монастырь девственников и запер в маленькой келье, закрыв и запечатав дверь, оставив только узкое окно, через которое затворнице ежедневно давали небольшую порцию хлеба и немного воды. Когда старик уходил от нее, Таис воскликнула: "Отец, куда мне вылить воду, которую природа изгонит из моего тела? В твою келью, как ты того заслуживаешь", - сурово ответил он. Она снова спросила его, как ей следует поклоняться Богу: "Ты недостойна называть Бога, - презрительно ответил он, - и воздевать руки к небу, ибо уста твои полны беззакония, а руки - скверны. Преклонись перед Востоком, часто повторяя эти слова: "Ты, создавший меня, помилуй меня! Это тяжелое покаяние длилось три года, после чего Таис, избавленная аббатом Пафнутием, несмотря на себя, вернулась в мир; но она прожила всего три дня после отпущения грехов и умерла в мире как девственница.

Святой Ефрем был менее удачлив в обращении другой женщины с дурной репутацией, которая хотела склонить его к греху с ней. Чтобы избежать ее назойливых провокаций, святой сказал ей: "Иди за мной!". Она последовала за ним, но он, вместо того чтобы искать уединенное место, благоприятное для незаконного дела, привел эту женщину на середину перекрестка, где толпился народ; затем, обратившись к ней: "Давай остановимся здесь, - резко сказал он ей, - чтобы я мог иметь с тобой дело!-Если ты стыдишься присутствия людей, - с негодованием ответил святой Ефрем, - то не должна ли ты еще больше стыдиться присутствия своего Творца, открывающего то, что скрыто в глубинах тьмы? Куртизанка,

пристыженная и смущенная, бежала со склоненной головой, но не удалилась в монастырь и не предала огню продукты своего позорного ремесла. Отцы Церкви часто не боялись вступать в связь с этими существами, пытаясь вернуть их к Богу, заставляя устыдиться своего греха. Жития святых отцов полны таких приключений, свидетельствующих о постоянстве и милосердии этих преподобных исповедников. Два отшельника, направлявшиеся в город Айге в Тарсе, так страдали от дневной жары по дороге, что были вынуждены остановиться в общежитии, несмотря на нежелание заходить в это скверное место. В общежитии находились несколько молодых развратников и проститутка. Проститутка, вдохновленная дьяволом, подошла к одному из двух отшельников и предложила ему совершить акт недержания. Отшельник с отвращением отверг ее и отвернулся, моля Бога простить ее. Тогда она назвала имя Магдалины, которая, по ее словам, нашла расположение Иисуса: "Это правда, - сказал отшельник, - но когда Иисус обратился к грешнице, она перестала быть куртизанкой. И я тоже!" - воскликнула женщина, повинувшись побуждению Святого Духа. Она сразу же отделилась от своих товарищей по разврату и благочестиво последовала за двумя отшельниками, которые привели ее в женский монастырь, где она жила в умилении под именем Мария. Ее спутницы никогда не упрекали ее за прежнее состояние, и как бы ни была она осквернена до своего чудесного обращения, она считала себя одной из самых верных супругов Иисуса Христа.

Отрывок из Жития святого Симеона Стилита, который более сорока лет провел на вершине колонны, где он устроил свою келью в качестве анхорита (умер в 460 году), рассказывает о том, с какой готовностью куртизанки со всех стран приходили на сайт, чтобы насладиться трогательным зрелищем его аскезы и услышать ободряющее божественное слово. С вершины своего столпа святой Симеон обращал в веру множество порочных и извращенных людей, которые стекались на его проповедь. Тщеславные женщины, привлеченные славой святого, не успевали увидеть, как он молится и благословляет на своем столпе, как отказывались от своего образа жизни, пышных одежд, духов и сладострастия, чтобы поступить в монастырь, где становились святыми, проливая слезы и отвращаясь от своих грехов: *Quid porro de meretricibus dicam, quæ, ex diversis procul terris, ad servi Dei septum profectæ, postquam illum conspexere, patriam suam deseruere, et severiorem ascetarum disciplinam in monasterio professæ, sanctorum honorem commeruerunt, posteaquam, Domino largiente, præteritorum criminum chirographa suis lacrymis* (Acta Sanctorum, t. II, p. 344). Из этого любопытного отрывка можно сделать вывод, что куртизанки, которые позволяли благодати коснуться себя, должны были сделать общую исповедь своих грехов и составить их подробную опись, которую они всегда держали перед собой во время долгого покаяния, чтобы не забыть свои прежние проступки и не оплакивать их вечно. Более того, раскаявшиеся куртизанки могли стать катехуменами, как только отрекались от своего состояния проституции; так, в Житии святой Пелагии (Arnaud d'Andilly, t. I, p. 572), мы видим, как эта знаменитая актриса, еще не отрекшаяся от века, посещает религиозные занятия в церкви Антиохии, куда она никогда прежде не заходила; И все же она вызвала страшный скандал у епископа и его причетников, сидевших у дверей церкви святого Юлиана, когда прошла мимо них, вся сверкая драгоценными камнями, жемчугом и золотом, которые блестели даже на ее бродекинах, вся благоухая благовониями, все гордились ее дивной красотой, перед которой святой епископ и его заседатели отступали, опустив глаза и стеноя душой, чтобы не видеть этой дьявольской фигуры, этих плеч, этой груди, этих обнаженных рук, которые искусительница предлагала их целомудренному взору.

Эта святая Пелагия - не та, которая в бытность куртизанкой называла себя Порфирией и жила в Тире два или три века спустя. Однажды она увидела на улице двух одиноких мужчин, которые пришли просить милостыню для бедных и больных. Внезапно Порфирию охватил

огненный приступ благодати; она побежала навстречу этим добрым отцам и, обратившись к старшему: "Спаси меня, отец, - вскричала она с порывом сердца, - спаси меня, как Иисус Христос спас грешника!" Отшельник, к которому она обращалась, поднял на нее глаза и посмотрел на нее с нежностью и меланхолией. "Следуйте за мной", - сказал он. Она последовала за ним на расстоянии, со смирением и уважением, но он сразу к ней, взял ее за руку и повел через весь город. Оказавшись на улице, они вошли в церковь, где Порфирий нашел новорожденного ребенка, которого она усыновила. Отшельник и куртизанка ушли с ребенком, но их заподозрили в причастности к рождению ребенка, и отшельник положил конец скандалу, надев горящие угли в свою мантию, чтобы доказать свою невиновность. Порфирий принял имя Пелагия и удалился в монастырь. Ее пример произвел такое впечатление на умы куртизанок Тира, что они захотели подражать ей, и несколько из них посвятили себя Богу, чтобы омыть свои одежды невинности и стать невестами Иисуса Христа.

Первая святая, Пелагия, умерла в Антиохии во время гонений Лициния в 308 году: она бросилась с крыши, спасаясь от солдат, которые пришли схватить ее и угрожали нарушить ее обет целомудрия. Во время тех же гонений мученическую смерть приняли и другие куртизанки, в том числе Феодота, Афра и ее последовательницы, которые также занимались проституцией. Ученый Рюинарт, поместивший деяния святой Феодотии под этой датой, делает следующее замечание, которое ему следовало бы подкрепить авторитетом: "Невозможно представить, - говорит он, - чтобы куртизанка была допущена к общению с верующими и принята в Церковь до времени гонений Лициния, и нельзя отрицать, что Феодотия торговала своим телом (*quæstum corpore fecisse*)". Мученичество святой Афры было еще более примечательным, чем мученичество Феодота, который был осужден на возобновление своего позорного ремесла. Афра предстала перед судьей Гаем, который встретил ее с улыбкой: "Как я вижу, ты - меритрикс, - сказал он ей. Принеси жертву богам! Ты будешь делать это тем более охотно, что меритрикс не имеет ничего общего с христианским Богом?" Афра промолчала и громко похвалила себя Иисусу Христу. Жертва, - продолжал судья, - жертва, чтобы боги дали тебе возможность быть любимой своими любовниками так, как они любили тебя до сих пор! Жертвуй, чтобы твои любовники приносили тебе много денег!"

Афра покраснела от этого намека на свою прошлую жизнь: "Отныне я не приму этих мерзких денег, - воскликнула она с жестом ужаса, - ибо деньги, которые я накопила таким образом, я выбросила из головы, потому что они были не по доброй совести (*de bonâ conscientiâ*). Я молил одного из моих бедных братьев, который не хотел принимать их, очистить их, приняв и помолившись за меня. Если я избавился от плохо приобретенного блага, которое тяготило мое сердце, как я могу думать о том, чтобы приобрести его таким же образом? Христос не считает тебя достойным, - продолжает Гай. Значит, ты напрасно называешь его своим Богом; что же касается его, то он не признает тебя своей собственностью; ведь женщина, которая меркантильна, не может называть себя христианкой. - В самом деле, я не заслуживаю имени христианки! Однако милосердию Божию, судящему не о моих заслугах, а о моей вере, будет угодно принять меня в рай". Затем судья Гай огласил свой приговор: "Мы приказываем сжечь заживо куртизанку Афру (*publicam meretricem*), которая признала себя христианкой и не захотела участвовать в жертвоприношениях!"

Афра шла на испытание, а две ее последовательницы, Евномия и Евтропия, крещенные, как и она, епископом Нарциссом, стояли, завуалированные и молчаливые, у реки, надеясь разделить мученическую смерть своей госпожи, так же как они разделили ее грех (*simulque*

fueraŋt in peccato). Взойдя на кол, Афра произнесла молитву, которая в Средние века была принята в качестве оратории кающихся проституток:

"Господь Бог Всемогуший, Иисус Христос, который пришел призвать к покаянию не праведников, а грешников; Иисус, чье обещание истинно и явно, ибо ты соизволил сказать, что как только грешник обратится от своих беззаконий, в этот самый час ты больше не будешь помнить грехов этого кающегося; прими же в этот час искупление моей смерти (*Accipe in hac horâ passionis meæ pœnitentiam*)!"

Куртизанка, мученически погибшая во имя Христа, всегда извлекала из проституции множество жертв и рождала новых мучеников.

ГЛАВА III.

Краткое содержание -Почему язычники подвергали христианок мукам публичной проституции -Легенда о семи девах из Анцира -Агония девственности, обреченной на позор языческого блуда, изображенная поэтом Аврелием Пруденцием.-Святая Агнесса обличается как христианка -Суд префекта Симфрония -Агнесса попадает в дом разврата -Чудесная смерть сына Симфрония.-Святой Феодор, осужденный как христианин, приговорен к испытаниям в борделе -Высокая преданность Дидима -Феодор и Дидим обезглавлены.-О подобном событии сообщает Палладий.- Легенда о святом Феодоте.- Святая Дениза отдана двум распутникам по приказу проконсула Оптимуса.- Чудесное освобождение святой Денизы.- Легенда о святой Евфимии.

Христиане так гордились своим целомудрием, так дорожили им, так боялись потерять или изменить это сокровище, что их гонители получали злое удовольствие, мучая их за обладание благом, которое они никогда бы не подумали отнять у них, если бы они не бросили вызов языческой религии и философии таким образом. Этим объясняется странное наказание - отдать христианскую женщину, будь она девственницей или нет, на позорную жестокость публичной проституции. В Деяниях святых слишком много упоминаний о таком наказании, чтобы можно было усомниться в нем и рассматривать его как олицетворение эксцессов идолопоклонства. Агиографы вдаются в самые особые подробности в этом отношении, а святой Амвросий в третьей книге своего "Трактата о девах", где он с удовлетворением рассказывает о мученичестве святого Феодора, дает нам понять, что это мучительное испытание почти всегда предназначалось для девственниц, которые отказывались принести жертву богам. Более того, как мы уже говорили, возможно, это было просто применение старого римского закона, который запрещал предавать девственницу смерти и оставлял ее на некую деградацию, которую палач имел право совершить над своей жертвой перед исполнением приговора. Но эта древняя практика наказания, несомненно, сопровождалась намерением обесчестить христианку как в ее собственных глазах, так и в глазах ее единомыслителей.

Жертвоприношение богам, которое возлагалось на женщину, обвиненную в христианстве, было для нее не чем иным, как путем к проституции, ведь большинство богов и богинь, похоже, были придуманы для обожествления чувственных страстей и постоянного призыва к разврату: "Язычники, - говорит святой Климент Александрийский, - отрекаясь от всякого чувства скромности и умеренности, держат в своих домах картины, на которых их боги изображены в самых постыдных припадках, какие только может вызвать сладострастие; они украшают свои спальни этими бесчестными картинами и принимают за благочестие самую

чудовищную невоздержанность. Вы смотрите из своих постелей на изображение Венеры и птицы, летящей к Леде; чем нескромнее картина, тем более прекрасной она вам кажется: у вас выгравирован рисунок, и вы имеете в качестве печати излишества Юпитера! Таковы образцы вашей мягкости, таковы постыдные представления, которые вы имеете о своих богах, таково преступное учение, которому они вас учат и которое практикуют с вами... Вы совершаете блуд и прелюбодеяние глазами и ушами, прежде чем совершить их на самом деле; вы оскорбляете природу человека и уничтожаете Божество своими недостойными действиями!" Поэтому христианские женщины должны были думать, что совершают блуд или прелюбодеяние, принося жертву языческим богам, подходя к их алтарям, бросая на них благовония, глядя на эти статуи, которые часто бросали вызов скромности и учили греху своими атрибутами и немymi провокациями. В присутствии этих нечистых божеств девы отводили взгляд или в ужас прятались, а судья, словно готовя их к жертвоприношению Венере, Изиде, Вакху или другому идолу, отправлял их в дом проституции для сурового ученичества.

С глубоким отчаянием святые женщины терпели эти ужасные издевательства: они просили своего Божественного Супруга призвать их к Себе, прежде чем их дорогая чистота станет жертвой нечестивцев; они погружались в молитву и раскаяние, чтобы не быть свидетелями собственной деградации; они предпочли бы тысячу смертей, тысячу пыток, чем потерять свою невинность. Похоже, что до страшных гонений Марка Аврелия подвергать христианских женщин милости распутников не практиковалось, ведь Тертуллиан в своей "Апологетике" говорит об этом виде пыток как о недавнем изобретении, вызванном утонченной жестокостью (*exquisitior crudelitas*). "Недавно приговорив девственницу к ленону, а не ко льву, - говорит он с горькой игрой слов, - вы признали, что оскорбление скромности считается у христиан более жестоким, чем все пытки и все виды смерти (*Proximè ad lenonem damnando christianam, potiusquam ad leonem, confessi estis labem pudicitiae apud nos atrociolem omni poena et omni morte reputari*)". Но Иисус Христос часто жалел своих целомудренных жен, иногда даровал им благодать умереть невредимыми, иногда посылал к ним своих ангелов, чтобы защитить их и увещевать, иногда поражал бессилием самых грозных палачей, а то вдруг превращал их в христиан и исповедников. Когда непримиримые гонения были в полной силе, - повествует святитель Василий (*De verâ virginitate*, n°52), - девственницы, избранные за веру в своего Божественного Супруга, будучи отданы, как игрушки, на растерзание нечестивцам, сохранили чистоту своих тел, И это произошло только по милости Иисуса Христа, который хотел показать, что все усилия нечестивцев не смогут осквернить плоть этих дев, и что их тела останутся неприкосновенными, под его защитой, посредством чуда." Возможно, в латинском тексте этого отрывка следует исправить одно слово и поставить *liminibus* вместо *luminibus*, что придаст этому предложению смысл, более соответствующий обычаям времен гонений: "*Electæ virgines propter Sponsi fidem, ad illudendum impiis luminibus traditæ, corporibus inviolatæ perdurarunt*." Вероятно, святой Василий имел в виду диктерионы или лупанары, которые обычно принимали христианских девственниц, осужденных на проституцию; но латинский переводчик заменил греческое слово перифразой, *impiis liminibus*, которая достаточно хорошо характеризует эти плохие места, ошибка переписчика изменила смысл, который мы предлагаем восстановить, не отступая от нашей темы.

У нас нет места, чтобы перечислить здесь всех мучеников, которые начали или закончили насильственной проституцией. На эту тему можно было бы написать целую книгу, рассмотрев с этой уникальной точки зрения огромную коллекцию болландистов и изучив Деяния святых, которые подверглись большому или меньшему гонению за девство или целомудрие. Мы лишь сгруппируем несколько аналогичных фактов, чтобы показать, с какой целью и в какой форме

язычество нападало на христианскую скромность. Мы поймем, с какой чистой любовью святые женщины отдавали себя Иисусу Христу, увидев изящный портрет христианского целомудрия, который сделал святой Августин в своей "Исповеди": "Целомудрие предстало передо мной с лицом, исполненным величия и кротости, и, сочетая любезную улыбку с непринужденной лаской, чтобы дать мне смелость приблизиться к ней, она протянула, чтобы принять и обнять меня, свои милосердные руки, между которыми я увидел так много людей, которые могли бы служить мне примером. Среди них было много юношей и девушек, мужчин и женщин всех возрастов, почтенных вдов и девственниц, почти достигших старости. И эта прекрасная добродетель не бесплодна, а плодотворна в этих добрых душах, ибо она - мать стольких небесных желаний, которые она зачинает от Тебя, Боже мой, который является ее истинным и святым супругом!" Это целомудрие было столь же ревностно сохранено в старости, как и в детстве, и гонения не обращали внимания на возраст, когда оно обрекало жертву на бесчинства проституции. Святой Агнессе еще не было тринадцати лет, а семь дев Ансира уже не помнили себя молодыми.

Эти семь девственниц, хотя каждой из них было от семидесяти до восьмидесяти лет, были осуждены как христианки на передачу развратникам из Ансира. Однако у этих развратников не хватило смелости стать орудием жестокости гонителей; только один из них отважился на эту авантюру, но дух Божий встал между ним и святыми девами. Префект Ансира, разгневанный тем, что его приговор не был исполнен, злонамеренно приговорил их к служению в храме Дианы за их непобедимую девственность. В качестве особенности, которую легенда не оправдывает, они были раздеты догола, чтобы пойти омыть статую богини в священном озере недалеко от города, через который проходила процессия, где их нагота могла удивить зрителей. Именно в водах озера они нашли убежище от любопытных глаз толпы. Это странное мученичество датируется четвертым веком, согласно Нилусу, который сохранил невероятный рассказ о нем. Другие святые, которые также подверглись языческой жестокости, почти все относятся к тому же периоду. Феодора, Ирину, Агнессу и Евфимию постигла та же участь во время ужасных гонений, начатых Диоклетианом в 303 году, которые продолжались до 311 года, и унесли больше мучеников, чем предыдущие. Более мучительных пыток за христианское целомудрие нельзя было и представить. В Фиваиде, например, женщин связывали за одну ногу и поднимали в воздух с помощью машин, чтобы они висели вверх ногами, совершенно обнаженные. Гений проституции, казалось, вдохновлял судей и палачей на непомерную роскошь позорных пыток.

Поэт Аврелий Пруденций, писавший более чем через шестьдесят лет после ужасов этого преследования, несомненно, собрал воспоминания о нем, когда изображал агонию девственницы, обреченной на бесчинства языческого блуда. Если девственница не прислоняла голову к алтарю Минервы и не молила богиню о пощаде, ее оскорбляли, как только она отправлялась в бордель. Тогда целое поколение пылких молодых людей бросалось по стопам несчастной женщины и боролось за право оскорблять ее (*novum ludibriorum mancipium petat*). На каждом углу ей кричали, чтобы она остановилась; но дева бежала быстрее, отворачивая голову и пряча лицо, преследуемая нетерпеливой толпой; она боялась, что какой-нибудь распутник наложит на нее руки и нанесет жестокое оскорбление ее полу (*ne petulantius quisquam verendum conspiceret locum*); И под угрозой этой опасности она поспешила укрыть свою девственность в борделе, как будто там она должна быть в безопасности, как будто бордель мог только целомудренным и неприкосновенным для нее. Нет ничего более трогательного, чем эта картина христианской скромности.

Святая Агнесса потеряла девственность не потому, что ее отвели в бордель в Риме. Она принадлежала к одной из ведущих семей города, и хотя ей едва исполнилось тринадцать

лет, ее уже добивались в жены несколько молодых патрициев. Ее великая красота не помешала ей вести аскетичный образ жизни. Префект Симфроний, сын самого префекта, которого она презирала, как и других женихов, обличил ее в христианстве; она громко заявила о своей вере и объявила, что посвятила свою девственность Иисусу Христу. "Выбирай одно из двух действий, - сказал ей судья, - либо принеси жертву Весте вместе с весталками, либо распутничай с куртизанками в солдатском борделе, где у тебя не будет возможности обратиться к христианам, которые тебя соблазнили (*aut cum meretricibus scortaberis in contubernio lupanari*)". Агнесса ответила Симфронию, бросив ему вызов. Тот, разгневанный такой дерзостью, приказал снять с нее одежду и вести обнаженной в бордель, а перед этим глашатай кричал при звуках трубы: "Агнесса, святотатственная дева, хулившая богов, предается публичной проституции (*scortum lupanaribus datam*)". Приказ префекта был выполнен. Но не успели раздеть Агнессу догола, как ее волосы распустились и образовали вуаль вокруг ее тела. Ангел проходит рядом с ней и окружает ее божественным великолепием. Она входит в бордель, сияя светом, но уже сейчас ее скромность гарантирована ослепительно белым платьем, покрывающим ее с ног до головы. Развратники, поджидавшие ее в зловещем месте, не смели подойти к ней и в ужасе смотрели на нее, пока не бросились к ее ногам и не стали просить у нее прощения. Сын префекта и его спутники побежали схватить прекрасную добычу, которую он обещал себе, но как только он протянул руку к Агнессе, он упал замертво, словно пораженный молнией.

Таков рассказ святого Амвросия в его Посланиях (кн. IV, эп. 34); но Деяния святого, опубликованные Рюинаром, добавляют к этому рассказу много важных деталей для истории проституции. Согласно этим Деяниям, как только святая прибыла в бордель, ее одели в прозрачную марлевую рубашку, которую *filles de joie* носили в дурных местах, чтобы возбудить похоть, открывая или угадывая все, что могло бы ее разжечь. Тотчас же толпа ворвалась в бордель, и все бросились отстаивать свое право первыми прийти; но тут же этот дерзкий пыл угас и исчез: распутницы остались неподвижными, дрожащими, нерешительными, без сил и воли; они покраснели от стыда и удалились, не тронув святую, которая спокойно смотрела им вслед. Бордель опустел, чтобы снова наполниться; но чудо повторилось, и противоборствующие остались безмолвными, прежде чем предприняли попытку насилия, которого юная Агнес, казалось, не боялась. Все отступают в ужасе и уважении, и никто не осмеливается войти в логово Проституции. Распространился слух, что он сын самого Симфрония; он не сомневался, что его постыдное предприятие удастся; он бросился один за занавес, закрывавший вход в бордель; он стремительно направился к Агнессе, протянул руки, чтобы схватить ее, но упал замертво у ее ног. Однако друзья ждали его у дверей, любопытствуя и желая узнать, не схватил ли этот восхитительный волк овечку Христа, как гласит легенда. Поскольку его больше не видели и в келье Агнессы ничего не было слышно, кто-то осмелился войти: при виде мертвеца он встревожился, призвал жалость святой и обратился в веру. С тех пор никто не дерзал исполнять указ Симфрония, перед которым Агнесса была возвращена еще в девстве. Агнесса согласилась воскресить мертвеца, которого она принесла в жертву, защищая свою скромность, и воскресший мужчина больше не заботился о нападении на христианских девственниц; но это чудесное воскрешение было приписано магическим заклинаниям, и Агнесса, приговоренная к сожжению заживо, взяла свой девственный цветок с собой в пламя костра. Ученый редактор этой легенды упоминает о традиции помещать этот лупанар, где девственность Агнессы одержала победу над своими нечистыми врагами, под своды Цирка Агональ или Цирка публичных игр.

Испытание в борделе часто повторяется в Деяниях святых, но всегда при разных обстоятельствах, что, по-видимому, свидетельствует о вариациях деталей на одну тему.

Маловероятно, что одни и те же события так часто изображались с таким сходством. Самая известная из всех мученических кончин такого рода - мученичество святой Феодоры, которая, несомненно, обязана славой своего имени плохой трагедии Пьера Корнеля, а не легенде, пересказанной святым Амвросием, и ее Деяниям, опубликованным Рюинаром. Она была знатной дамой из Александрии. Судья вызвал ее к себе и приказал принести жертву богам. "По приказу императора, - сказал он ей, - вы, девственницы, отказывающиеся возносить благовония богам, должны быть выставлены в самых позорных местах. Но я сжалился над твоим рождением и красотой - Ты можешь поступать, как тебе угодно, - ответила Теодора. Моя воля не будет иметь никакого отношения к насилию, которое ты совершишь". По приказу судьи, пытающегося усмирить бунтарку, ее раздувают. "Несмотря на ваше выдающееся положение, - сказал он ей, - вы вынуждаете меня оскорблять вас перед народом, который ожидает вашего приговора. Я даю вам три дня на размышление; по истечении этого срока, если вы откажетесь жертву, я выставлю вас в борделе, чтобы люди вашего пола могли увидеть ваше бесчестие и исправиться". Прошло три дня, а Теодор оставался все так же тверд в своем решении. "Теодор, - сказал ему судья, - поскольку ты упорствуешь в своем отказе от жертвоприношения, я приказываю отвести тебя к лупанару. Бог, который до сих пор хранил меня непорочным, - мягко ответил Теодор, - знает, что произойдет; он достаточно могуществен, чтобы защитить меня от тех, кто хотел бы совершить несправедливость". Ее отвели в дом проституции; войдя туда, она обратилась с горячей молитвой к своему небесному Супругу. Люди окружили дом: они ожидали исхода мученичества, которое было для них не в новинку и которое обычно заканчивалось освящением девственности пациенток. На этот раз зрителей оказалось больше, чем действующих лиц. Никто не вышел вперед, чтобы оскорбить христианку. Наконец сквозь толпу пробился солдат и вошел в место пыток. Феодора вздрогнула от звука его шагов; испуганными руками она собрала вокруг себя те немногие остатки одежды, которые не скрывали всего того, что она пыталась утаить. Солдат - христианин, принявший это обличье, чтобы добраться до нее и спасти ее; он умоляет ее переодеться вместе с ним и в конце концов завоевывает ее, представив ей ужасную картину судьбы, которая ожидает ее в этом мерзком доме. Переодетая в солдата, закрыв лицо плащом и обеими руками, Теодора с радостью покинула логово порока, не отвечая на осаждавшие ее вопросы и преследовавшие ее взрывы смеха. Через час христианка, представшая перед судьей, была приговорена к обезглавливанию за то, что помогла освободить Теодора. Она снова появилась и стала соревноваться со своим освободителем за мученический венец. Ты была так добра, что спасла мою честь, - ответил Феодор, - но я не позволю тебе спасти мою жизнь, ибо я бежал от позора, а не от смерти". Их обезглавили вместе, и Феодор умер девственником.

Палладий в "Житии отцов" (*Vita Patrum*, cap. CXLVIII: *De fæmina nobilissima quæ fuit semper virgo*) рассказывает о несколько похожем факте, который, как говорят, произошел за столетие до этого, но героев которого он не называет, хотя заимствует свой рассказ из "древней книги", по его словам, "написанной Ипполитом, который был другом апостолов". Одна благородная и добродетельная девушка жила в Коринфе, соблюдая строгое христианское безбрачие. Во время гонений на нее донесли судье. Этот нечестивый судья питал неумеренную любовь к женщинам и, чтобы удовлетворить эту плотскую любовь, часто прибегал к услугам ленников и торговцев проституцией (*sauponatores*). Они хвастались ему дивной красотой христианской девы; он нашел ее еще более, чем представлял, и не жалел ничего, чтобы соблазнить ее, которая отвергала и его мольбы, и его угрозы. Мучения не помогли ничего добиться от чистой и нежной жертвы. Судья, возмущенный таким сопротивлением, задумал обречь святую на публичную проституцию. Он поместил ее в бордель и посоветовал хозяину заведения (*jussit ei qui eas possidebat*): "Возьми эту девушку, - сказал он, - и плати мне три золотые монеты (*nummos*) каждый день". Лупанер соглашается

на сделку и хочет выполнить ее немедленно. О новой проститутке городские либертины узнавали по вывеске, которая давала ей имя и устанавливала расценки. Развратники стекаются к ней с кошельками в руках; это гонка за преимуществом первой встречи; они соперничают, недостойные, за сокровище этой девственности, которую невозможно защитить. Послушайте, - говорит бедная женщина, которая не может смириться с мученической смертью, - я должна рассказать вам то, что я скрывала от Ленона и что прошу вас сохранить в тайне. У меня язва (*ulcus*) на моих постыдных местах; эта язва источает дурной запах; более того, она заразна. Я не хочу, чтобы вы меня ненавидели..... Дайте мне несколько дней передышки, и я отдамся вам, когда вылечусь". Все они удалились, не прося отдыха. Дева, видя, что она избавлена от этих мучителей хотя бы на несколько дней, молила Бога, чтобы Он завершил ее избавление смертью. Вдруг в бордель вошел молодой человек, выглядевший слишком оживленно, чтобы басня о язве могла остановить его на месте. Несчастная дева была в ужасе от того, что наступил последний миг ее девственности; но этот юноша был христианином, благочестивым и целомудренным, который узнал об опасности, грозившей его сестре в Иисусе Христе. Поэтому он придумал, как спасти ее, и за определенную плату позволил себе войти в это позорное место. Он переоделся вместе с ней и остался с закрытым лицом в том непристойном месте, которое только что покинула девушка. Как только подмена личности была признана, а смена пола установлена, христианина приговорили к смерти и отдали на растерзание зверям, а точнее, по словам одного из комментаторов, на растерзание всем ужасам антифизической проституции.

Она была не единственной христианкой, вышедшей из публичного дома девственницей; легенда упоминает еще одну, которая после проституции своего тела в качестве мерилки в месте разврата вернула себе девственность на пути к смерти. Это знаменитая святая Феодота, уже упомянутая нами куртизанка, которая подверглась гонениям около 249 года при императоре Филиппе. Когда претор приказал ей принести жертву богам, она воскликнула: "Достаточно того, что я проститутка для всех. Я не буду добавлять это преступление к другим своим преступлениям, чтобы в верховный день суда я могла хотя бы защитить себя от того, что предала истинного Бога!" Ее отправили в тюрьму, где она провела двадцать один день, не принимая никакой пищи. Когда она снова предстала перед судьей, то публично обратилась к Христу с молитвой: "Умоляю тебя, - сказала она, - отпусти мне преступление, в которое я впала по наущению дьявола, ибо я по праву называюсь *meretrix*. Укрепите мое мужество и смотрите на меня с милосердием, чтобы самые жестокие пытки не смогли даже тронуть мое сердце". Судья приступил к допросу: "По своему состоянию, - гордо сказала она, - я куртизанка, а по своей религии - христианка, если я достойна Христа". Ее осудили; толпа призывала принести жертву богам; ее бывшие любовники умоляли сохранить ей жизнь: "Повесьте ее на виселицу, - сказал судья, - и содрать с нее кожу железными гребнями". Она терпит все это, воспевая хвалу Господу. В ее раны вливали уксус и расплавленный свинец, ей вырывали зубы, но она не переставала молиться вслух. Наконец, чтобы заставить ее замолчать, ее забили камнями до смерти. Христиане, похоронившие ее тело, с удивлением обнаружили, что эта куртизанка была девственницей.

Иногда, вместо того чтобы отправить девственницу в бордель и тем самым подвергнуть ее публичному возмущению, судья отдавал ее какому-нибудь опытному распутнику, который обязывался не возвращать ее ему, пока она не будет осквернена и не станет пригодной для высшей меры наказания. Так произошло со святой Денизой, которая предстала перед проконсулом Оптимусом вместе с тремя христианами по имени Петр, Андрей и Павел. Проконсул пригрозил ей сожжением заживо, если она не принесет жертву идолам: "Мой Бог больше тебя, - ответила она, - поэтому я не боюсь твоих угроз! Проконсул не отправил ее на костер, а оставил на потеху двум молодым развратникам (*ad corrumpendam*). Они взяли ее с

собой в дом и совместными усилиями заставили ее поддаться своим преступным наваждениям: эта неравная борьба продолжалась до глубокой ночи, так и не одержав победы над столь мужественной добродетелью (*ut ei vim turpitudinis inferrent*). Однако их пыл начал ослабевать, и демон нечистоты отступил от них (*marescebat eorum cupiditatis libido*). Наконец внезапный свет озарил всю комнату, и появился ангел, который взял под свою защиту осажденную девственницу. Два испуганных развратителя упали на колени целомудренной девушки, которая с улыбкой подняла их: "Не бойтесь, - сказала она им, - это мой хранитель и покровитель; ради него я отдала себя на ваши бессильные оскорбления". Оба язычника умоляли ее ходатайствовать за них перед этим божественным защитником и обещали обратиться в веру, поклявшись, что никогда больше не будут нападать на дев Господних.

Мы вправе полагать, что эти нападения на христианских дев происходили в основном в Александрии, во время великих гонений Диоклетиана. Префект Египта по имени Иерокл приказал всем судьям без исключения применять это наказание ко всем женщинам, которые утверждали, что они девственницы из любви к Христу. Этот Иерокл, которого в Деяниях мучеников часто называют Ираклием, был особенно решительно настроен преследовать женщин и безжалостно отдавал их в руки агентов проституции (*sanctas Dei virgines lenonibus tradentem*, говорится в Деяниях, опубликованных Руинартом, т. II, с. 196). Нетрудно поверить, что во многих случаях судья не гнушался сам быть исполнителем своих решений. Так было с судьей Приском, который в то же время причинил много вреда христианам. В "Золотой легенде" Жака де Воразина он представлен как беззаконный и распутный человек. Евфимия, дочь сенатора, пришла обвинить себя перед Приском и попросила о мученической смерти, жалуюсь, что ее до сих пор не пощадили, несмотря на то, что она исповедовала христианскую веру. Приск подверг ее бичеванию и отправил в темницу. Вскоре он последовал за ней и попытался изнасиловать, но святая стойко защищалась, и благодать Божия парализовала разврат этого язычника. Он решил, что его околдовали, и поручил своему управителю пойти и соблазнить неустрашимую узницу обещаниями или победить ее угрозами; но управитель не смог открыть дверь темницы, против которой даже топоры были тупыми, и был схвачен дьяволом, который заставил его разорвать себя на своими собственными руками. Судья бесполезно подвергал девственницу различным пыткам, которые не смогли лишить ее жизни, не говоря уже о девственности. Однако он приказал отдать ее всем молодым развратникам, которые хотели издеваться над ней до самой смерти; но эти развратники не желали противостоять колдунье, а самые смелые не переступали порога камеры, в которой была заключена святая, ожидая ее бесчестия. С удивлением обнаружив Евфимию в окружении молящихся с ней девственниц, он робко признался в своем злом умысле и стал христианином. Так Евфимия осталась девственницей, несмотря на гнусные планы Приска, который хотел обезглавить ее и даже не успел раскрыть тайны этого безупречного тела, ибо, как только он собрался осквернить своими бесстыдными взглядами эту девственность, которую украла у него смерть, его пожрал вырвавшийся из могилы лев, не оставивший от гонителя девственниц ни единого остатка. "Святой Амвросий, у которого мы заимствуем этот рассказ, восклицает: "Святая дева-триумфаторша, получив венец девства, ты заслужила и пальму мученичества! Подобные примеры привлекали к девственности и христианскому целомудрию все души, которые они отводили от блуда и нечистоты язычества".

ГЛАВА IV.

Резюме.- Лжеучители и богохульные секты.- *Николаиты*.- Гнусные наставления, приписываемые диакону Николаю, основателю этой секты.- *Фибиониты*, *стратиоты*, *левиты* и *борбориты*.- Отвращения этих сект, описанные святым Епифанием.- Ереси о теле и уме.- *Карпократиане* и *валезиане*.-Епифаний.- Марцеллин.- *Каиниты* и *адамиты*.- Телесные нечистоты, которым предавались каиниты.- *Вознесение святого Павла на небо*.- Ересь Квинтилия.- Продик.- Чудовищные унижения в поклонении адамитов.- Нравственная реформа, проведенная этой сектой после смерти ее основателя.- *Маркиониты*.- *Валентиниане* и т.д.

Мы уже говорили, что если непорочность и целомудрие первых христиан вызывали подозрение у язычников, то еретики только оправдывали мнение неверующих в этом отношении. Прежде всего, эти еретики, похоже, взяли на себя смелость запятнать евангельскую мораль и задушить под материями духовный факел христианства. Однако они не были переодетыми язычниками, которые вошли в святилище Церкви Христовой, чтобы обесчестить ее, привнеся в нее нечистоты идолопоклонства и пойдя дальше учения Эпикура и древнегреческих философов. Они были христианскими просветителями, если можно употребить это современное выражение; они были фанатичными новаторами, которые хотели использовать мощную помощь сладострастия, чтобы восторжествовать над полностью метафизической религией. В течение трех столетий раскол постоянно воспроизводился и трансформировался в самом лоне зарождающейся Церкви, а проституция почти всегда использовалась как средство пропаганды и таинственного господства этих ересей, которые часто проистекали из религиозных верований и обычаев Индии.

Первая ересь, проникшая в христианство, относится ко временам апостолов и, возможно, связана с древними традициями, оставшимися в Иудее от культа Ваала. Второе послание святого Петра, которое христианская хронология относит к 65 году, похоже, касается этой ереси, автором которой был один из первых семи диаконов. "Были в народе лжепророки, - говорит святой Петр, - как и среди вас будут лжеучители, которые введут секты погибели и отрекутся от искупившего их Бога, скоро навлекут на себя гибель, и многие будут подражать распутству этих нечестивцев, от которых голос истины будет хулиться". Далее святой Петр говорит, что Бог, который наслал потоп на древний мир, пощадив только Ноя и его семью; который обратил в прах нечестивые города Содом и Гоморру, отлучив Лота от нечистой связи с жителями этих двух городов (*à luxuriosâ conversatione eripuit*); Бог избавит от искушения тех, кто чтит Его, и оставит за собой право наказывать грешников в судный день: Среди этих грешников он особенно выделяет тех, кто, ведомый плотью, ходит в страсти блуда (*qui post carnem in concupiscentiâ impudicitiae ambulant*), презирает всякое господство, дерзок, кто получает удовольствие от самого себя и не боится вводить богохульные секты. "Эти люди, подобно неразумным зверям, которые по природе своей бегут к гибели, хуля то, чего не знают, погибли в своем разврате и получают награду за свои беззакония: Они, считающие сладострастие наслаждением мира, ввергают себя в эти наслаждения растления и бесчестия (*coinquinationis et maculae delicis affluentes*) и распутничают на их нечистых пирах; те, чьи глаза полны прелюбодеяния и всегда стремятся ко греху (*oculos habentes plenos adulterii et incessabilis delicti*); те, кто обольщает слабые души и чьи сердца приучены к похоти; сыны проклятия, они блуждают, сбиваясь с правильного пути, подобно Валааму, который возлюбил плату за беззаконие." Из этого довольно запутанного отрывка видно, что эти еретики не стремились оставаться целомудренными и чистыми, но из самого текста Вульгаты трудно понять, в какой именно нечистоте упрекает их святой Петр. Один

комментатор, придавая этому сравнению николаитов с Валаамом значение, которое мы не ценим, полагает, что их ересь заставила ослицу играть позорную роль, если можно объяснить в этом смысле стих, который мы не переводим, чтобы он не говорил ничего больше или меньше: *Subjugale mutum animal, hominis voce loquens, prohibuit prophetæ insipientiam*.

Однако если в ереси николаитов не было речи о скотоложстве, то не может быть сомнений в том, что содомия скрывалась под покровом католического братства. Отцы Церкви, которые говорили о николаитах с не меньшим ужасом, чем с негодованием (св. Игнатий, *Epist. ad Trall. et ad Philadelph.*; св. Климент Александрийский, *Strom. l. III*; св. Иреней; св. Епифаний и др.), не видели зарождения этой отвратительной секты и знали только то, что им было известно из устных преданий. Согласно некоторым из них, диакон Николай, которого святой Иреней официально называет *господином николаитов*, придумал свою одиозную ересь, чтобы отомстить апостолам, особенно святому Петру, который обвинил его в том, что он вернул свою жену после того, как разошелся с ней для сохранения целомудрия. Николай, чтобы оправдать свою слабость, стал нагло учить, что для обретения вечного спасения необходимо осквернить себя всевозможными нечистотами. Он утверждал, что оскверненная плоть должна быть более угодна Богу, потому что заслуги Божественного Исккупителя имеют основания сильнее воздействовать на нее, чтобы сделать ее достойной рая. Другие отцы Церкви пытались защитить память Николая от позора гнусной ереси, распространившейся под его именем среди христиан: они заявляли, что этот Николай целомудренно жил под супружеским кровом, не имея иного общения, кроме законной жены, которая родила ему несколько дочерей и сына: последний стал епископом Самарии, а дочери умерли девственницами. Что касается приписываемых ему жестоких наставлений, то он виновен лишь в том, что использовал амфибрахийное выражение, говоря, что *злоупотреблять плотью* в смысле *умерщвлять плоть*. Его ученики, как утверждают, восприняли это порочное выражение буквально и не воздерживались от надругательства над плотью, под ответственность благочестивого диакона, который не слышал в нем никакого злого умысла.

Это было не единственное преувеличение в легенде об этом Николае, которого Церковь часто вынуждена была проклинать из-за излишеств его предполагаемых подражателей. Говорили, что его жена была очень красива и что он был очень ревнив. Апостолы так упрекали его за ревность, что, чтобы избежать вечных насмешек, он вызвал эту женщину на собрание христиан и дал ей полное разрешение взять в мужа того, кого она пожелает. Больше легенда ничего не говорит, и неизвестно, воспользовалась ли жена Николая этим разрешением. Как бы то ни было, поведение Николая было воспринято как стимул к разврату и полному потаканию чувственным желаниям. Поэтому первые николаиты не стали связывать свою развратную ересь с догматами; они ничего не изменили в христианском учении, кроме того, что своим примером проповедовали, что всякая сексуальная скромность должна быть забыта. Позже, чтобы оправдать свое отлучение от Церкви, они нападали на божественность Иисуса Христа и утверждали, что самые развратные сладострастные удовольствия хороши и святы, поскольку Сын Божий мог испытывать их, живя в земном, чувствительном теле. Вскоре, не отказываясь от своих непристойных практик, они сблизилась с гностиками и слились с ними, образовав новые секты под названиями *фибиониты*, *стратиоты*, *левиты* и *барбориты*. Эти новые секты, мерзости которых были описаны святым Епифанием в конце четвертого века, преследовали одну и ту же цель - удовлетворение плотских appetитов и возвращение к естественным инстинктам. Они тайно продолжали существовать вплоть до XII века, когда попытались выйти из безвестности и снова войти в нее навсегда.

Ереси первых веков делились, так сказать, на два разных класса: ереси тела и ереси духа. Последние, среди которых стоит упомянуть лишь Сабеллия, Евтихия, Симмаха и Иовиниана, интересовались лишь вопросами религиозной философии и абстрактной метафизики; они, как правило, погружались в грезы о божественности и миссии Иисуса Христа. Телесные ереси добавили к этим более или менее изобретательным или экстравагантным фантазиям, как цель или как средство, невероятный избыток чувственности. Гностицизм, происходящий из азиатских религий, пристал ко всем ветвям христианской религии и задушил их своими паразитическими ветвями, часто полными яда и злословия. Самым распространенным учением всех еретиков была общность женщин и распущенность полов. Карпократиане и валезиане исповедовали эту доктрину в начале II века. Карпократ, учившийся в языческой школе Александрии, на самом деле был лишь учеником Эпикура, хотя и называл себя христианином. Он выставил Иисуса Христа эпикурейским философом, который, по его словам, вступил в непосредственное общение с Богом и победил демонов, создавших мир. Поскольку демоны были заключены в ад, зла на земле больше не существовало, и все, что могли сделать люди, согласно евангельской максиме: не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы сделали тебе, - было законным и разрешенным. Понятно, что такая заповедь не оставляла в неприкосновенности ничего от христианского целомудрия, и карпократиане злоупотребляли собой и другими в угоду своим грубым страстям. Скромность, та благородная и трогательная черта, которая отличает разумные существа от грубых, была подавлена этими сектантами, которые отрицали ее и считали оскорблением божества. Карпократ не унес свою ересь с собой в могилу: его сын Эпифаний, изучавший также эпикурейскую и платоновскую философию в школах Александрии, успел завершить философскую систему отца, хотя и умер в возрасте восемнадцати лет, постановив, что женщины будут общими среди карпократиан и что никто из них не будет иметь права отказать в ее услугах тому, кто попросит их в соответствии с естественным правом. Эпифаний считался богом, и ему была воздвигнута статуя в Саме, городе в Кефалонии. Женщина из его секты по имени Марцеллина приехала в Рим около 160 года и в поте лица своего сделала там множество прозелитов. Карпократиане и эпифаниане совершали свои бесчинства во время агапэ или ночных трапез: они ели и пили с малой трезвостью; затем, когда трапеза заканчивалась и произносилась молитва, царь пиршества трижды возглашал: "Да не будет нас, просвещенных и профанов". Затем гасили факелы, и то, что происходило в темноте, без различия пола, возраста и родства, не оставляло даже следа в памяти и представляло в глазах врачей секты смущенный образ природы до сотворения мира.

Отцы Церкви, особенно святой Эпифаний (Нæг., 27), громогласно осуждали таинственные блудодеяния этих еретиков, которые, казалось, взяли на себя труд бесчестить имя христиан; но последователи Карпократа и Эпифания были святыми в глазах каинитов и адамитов, которые во втором веке размножились в лоне Церкви с пугающим подражанием. Имя изобретателя каинизма неизвестно: есть основания предполагать, что это был один из тех дерзких гностиков, которые не боялись апеллировать к самым извращенным наклонностям человечества, чтобы установить свое нечистое господство над доверчивым стадом рабов. Догмой каинитов была реабилитация зла и торжество материи над духом. Поэтому они перевернули толкование священных книг и почитали в качестве несправедливо принесенных жертв самые отвратительные типы человеческой злобы, отмеченные печатью божественного порицания, от Каина до Иуды Искарота. Каин, прежде всего, удостоился печальной чести вызвать их восхищение и почитание в высшей степени; таким образом они оправдывали убийство Авеля. Эта страшная доктрина была навеяна персидским ариманизмом, примененным к Библии и Евангелиям. Они превозносили подражание отвратительным порокам, которые они приписывали Каину и которые они с любовью находили в жителях Содомы и Гоморры; они протестовали против разрушения этих

проклятых городов и льстили себе, что однажды они смогут восстановить их под защитой Каина, который олицетворял для них принцип зла или Аримана Зороастра. Однако отцы Церкви могли ошибаться в отношении ереси, с которой они боролись и которую они не знали досконально, поскольку трудно поверить, что такие мерзости могли происходить публично и под влиянием христианской веры; однако каиниты не оспаривали божественность Иисуса Христа и его дело искупления. Как можно было совместить эту веру с поклонением злу и мерзости? "Не было телесной нечистоты, в которую они не погружались бы, - говорит Бейль, который просто анализирует свидетельства Тертуллиана, Феодорита, святого Ириния и святого Епифания, - не было преступления, в котором они не считали бы себя вправе участвовать, ибо, согласно их отвратительным принципам, путь к спасению был диаметрально противоположен предписаниям Писания. Они воображали, что каждым чувственным наслаждением руководит некий джинн: поэтому, готовясь к какому-нибудь бесчестному поступку, они не преминули назвать джинна, который управлял тем наслаждением, которым они собирались насладиться". Такое определение культа каинитов доказывает, что они не освободились от привычек языческого идолопоклонства, а просто заменили богов джиннами. От их книг ничего не сохранилось, и мы должны особенно сожалеть об их знаменитом *вознесении Святого Павла на небо*, своего рода Апокалипсисе, в котором видение Святого Павла открыло этим еретикам невероятную теорию нечистоты. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что каиниты были в большей или меньшей степени преданы постыдным излишествах антифизической любви, и именно для привлечения женщин в секту каинитов, которые их презирали, молодая женщина по имени Квинтилия захотела основать ересь внутри самой ереси и проповедовала каинизм для использования женщинами: Этот каинизм, менее мерзкий, чем содомский, был прямым потомком Сафо, но также, несомненно, фигурировал в чудесных рассказах о видениях святого Павла. Благодаря Квинтилии, которая, возможно, была не более чем куртизанкой, это учение было очень популярно в Африке, где оно пустило корни, особенно в Карфагене.

Адамиты проследили свое учение до первого человека, чтобы не иметь ничего общего с каинитами; но они не отделяли женщину от первого мужчины, как наследники Каина и Сафо. Основателем их секты был человек по имени Продик, который был карпократианином и не одобрял тайну, которую Карпократ наложил на плотские операции. По его мнению, то, что хорошо в темноте, не может быть злом среди бела дня. Поэтому он имел смелость разрешить и предписать "публичные совокупления между двумя полами". Вот как Бейль перевел этот текст Феодорита: *προφανῶς λαγυεύειν (publice scortari)*. Св. Климент Александрийский вменяет в вину те же нарушения секте Карпократа, которая, по его словам, должна была установить свои законы для собак, коз и свиней. Инициация адамитов произошла на одном из тех собраний, где развратные еретики открывали поле для своих отвратительных таинств. Продик изменил что-то в обычае спаривания, сформированном наугад и повторяющемся без выбора в глубокой ночи, что сделало равными возрасты и ранги. Феодорит (Hæret., lib. I и V) рассказывает, что Продик, недовольный разочарованием от этой темной оргии, предложил празднующим заранее принять меры предосторожности и посоветоваться между собой, чтобы согласие и договоренность обеих сторон регулировали их встречу и союз в тот момент, когда погаснут огни. Условия разврата обсуждались и согласовывались до того, как агапе собирал гостей вокруг карпократического стола. Феодорит опирается здесь на свидетельство святого Климента Александрийского (Strom., lib. III), который действительно говорит об этих нескромных соглашениях, подражавших, к тому же, обычаям языческого Рима; ведь Гораций в одной из своих од (lib. III, 6) упоминает о прелюбодеяниях, которые совершались таким образом, по согласию с пьяным мужем и почти на его глазах, когда факелы были унесены и место отдано сладострастию.

Mox juniores quærit adulteros
Inter mariti vina: neque eligit
Cui donet impermissa raptim
Gaudia, luminibus remotis;
Sed jussa coram non sine conscio
Surgit marito: seu vocat institor,
Seu navis Hispanæ magister,
Dedecorum pretiosus emtor.

Из этой цитаты видно, что язычники и сам Гораций были настоящими карпократианами, сами того не зная, из чего следует, что они были лишь плохо обращенными язычниками. Продик, чтобы оправдать эти чудовищные извращения, утверждал, "что души были посланы в тела не для наказания, а для того, чтобы всевозможными сладострастиями они могли воздать должное ангелам или гениям, создавшим мир". Более того, в отвратительном святотатстве он хотел представить мистический союз братьев и сестер в Иисусе Христе плотским союзом мужчины с женщиной. Тем не менее его следует благодарить за то, что он, подобно каинитам, не освятил нравы Содомы и не попытался уничтожить человечество в его колыбели.

Однако после Продика, жившего в 120 году, адамиты пережили нравственную реформу, автор которой остается неизвестным: они посвятили себя целомудрию и девственности, хотя и злоупотребляли подражанием своему покровителю до такой степени, что хотели вернуться к нагому состоянию первого человека. Отцы не сообщают нам причину этой странной ереси, и нам остается лишь строить предположения, которые заставляют нас думать, что адамиты, приняв этот непристойный костюм для своих тайных церемоний, если не для публичных обрядов поклонения, хотели напомнить друг другу о невинности человека, предшествовавшей греху Адама. "Они собираются, - говорит святой Епифаний, - такими же нагими, какими они были, когда вышли из чрева матери, и в таком состоянии они совершают свои чтения, молитвы и другие религиозные упражнения". Святой Августин лишь почти дословно повторяет слова святого Епифания. "Таким образом, мужчины и женщины собираются голыми, голыми слушают чтения, голыми молятся и голыми празднуют таинства (*nudi itaque mares feminæque conveniunt, nudi lectiones audiunt, nudi orant, nudi celebrant sacramenta*)". Несмотря на столь деликатное испытание своей целомудренности, эти адамиты остались целомудренными или, по крайней мере, никогда не прибегали к плотским утехам, но они не сохранили скромность своих глаз, и зрелище всей этой наготы омрачало их мысли, затрудняя защиту от укусов распутства. Но святой Епифаний и святой Августин прямо говорят, что они сопротивлялись этому постоянному провоцированию похоти и в итоге смотрели на себя как на неживые вещи. Тем не менее, святой Климент Александрийский, упорно видящий в подражателях Продика наследников его ереси, всегда обвиняет их в том, что они спаривались во тьме, следуя своей нечистой агапе: τὸ κατασχῶν αὐτῶν τὴν πορνικὴν ταύτην δίκαιοσύνην ἐκποδῶν ποιησαμένους φῶς τῇ τοῦ λύχνου περὶ τροπῇ, μίγνυσθαι. Мы не осмелимся высказываться между столь противоположными мнениями за или против поступков и действий адамитов; мы думаем, однако, что эти сектанты, которые были всего лишь гностиками особого рода, вели себя на своих ночных собраниях настолько честно, насколько позволяла нагота, с которой они шествовали в честь Адама и Евы.

Эта аллегорическая нагота даже стала для некоторых адамитов обоих полов нормальным условием аскетической жизни. Они оставались нагими, с поясом, охватывающим чресла, и прятались, группами или поодиночке, в глубине лесов и пустынь; они бежали при приближении любого человеческого существа, которое отличалось от них одеждой, и

стремились верить, что вернулись в первые века мира, когда человек вел жизнь животных. Такая звериная жизнь часто приводила этих деградировавших существ к полному забвению своего пола и абсолютному притуплению чувств. Кроме того, когда они иногда входили в общество своих братьев, не соглашаясь показываться на людях одетыми, они казались не принадлежащими ни к одному из полов, они казались нечувствительными к виду и прикосновению плоти. "Они - мужчины с мужчинами", - говорит святой Климент Александрийский, - "женщины с женщинами; они хотели быть обоих полов". Это дополнительное предложение, возможно, подразумевает смысл, совершенно отличный от того, который Евагрий считал нужным принять, сообщая об этом необычном факте (Histor. eccles., lib. I, cap. 21). На самом деле, скорее, следует понимать, что эти виды сатиров предавались всему разврату своей слюны, без различия пола и лиц. По крайней мере, именно так адамиты сохранялись на протяжении веков вплоть до XVI века, когда они появились в последний раз, если только мы не захотим вновь узнать их в конвульсиях XVIII столетия.

Эти эксцессы блуда, которые ересиархи облекали в плащ новой веры, неизбежно порождали эксцессы воздержания и аскетизма в противоположном направлении. Это всегда был гностицизм, который принимал христианскую форму и создавал новый очаг ереси. Одна за другой возникали несколько гностических сект, обрекавших себя на странное целомудрие: одни - чтобы уподобиться Иисусу Христу, умершему девственником; другие - чтобы максимально приблизиться к райскому состоянию человека; третьи - чтобы убить грех, не увековечивая человечество; четвертые - чтобы избежать империи дьявола, воплотившегося в женщине. Энkratиты или континенты, маркиониты и валентиниане, стали известны почти одновременно, в середине II века, благодаря своему преувеличенному целомудрию. Основатель секты маркионитов Маркион, сын благочестивого епископа Синопы в Пафлагонии, поначалу был не слишком назидательным образцом этого целомудрия, которое он впоследствии проповедовал с таким же авторитетом, как и святой Павел, поскольку начал свои еретические деяния с блуда, от которого не смог получить отпущения у своего отца; он отомстил за свое отлучение, разжигая смуту среди ортодоксов. Развратив девушку, он соединился душой и телом с женщиной, которая помогала ему в его еретическом апостольстве. Он признавал среди христиан только безбрачие и абсолютное целомудрие, а крестил только тех, кто давал обет хранить свою плотскую и духовную чистоту. Однако он считал благом то, что содомиты были избавлены от ада заслугами Икупителя, и уверял их, что, поскольку телам не нужно воскресать, их растление не влияет на души, которые только в смерти предстают перед Богом очищенными. Маркиониты не избегали общества женщин, если верили, что укротили плоть; женщины могли совершать крещение и читать мессу, если у них были чистые руки и чистая душа. Маркион, как и основные гностики, признавал существование в природе двух начал, одного доброго и другого злого, вечно враждующих между собой; он приписывал целомудрию силу бороться и побеждать все засады дьявола, который держал свою твердыню в голове женщины. Несмотря на тяготы, которые она налагала на своих последователей, эта ересь настолько распространилась по империи, что Константин Великий издал эдикт против маркионитов в 326 году, а почти век спустя Феодорит, епископ Тирский, обратил более десяти тысяч из них во время своей епископальной кафедры.

Валентин, живший в одно время с Маркионом, был более сведущ, чем Маркион, в абстракциях гностической и платонической философии; но, подобно Маркиону и многим александрийским философам, он считал полезным наложить на человека иго непрерывности. Его неясные религиозные теории, кроме того, были обращены лишь к высшим устремлениям духа, который отделялся от тела, как от бесполезного груза.

Валентиниане, которые тщательно избегали жала похоти, умерщвляли тело так, чтобы не дать ему свободно пользоваться своими способностями; они не пили вина, постились, мало и крепко спали, не фиксировали взгляд на внешних объектах и стремились лишь к тому, чтобы потерять себя в облаках метафизики. Однако их обвиняли в расстройствах, которые были бы выше их сил, если бы эти расстройства не противоречили самой сути их доктрины. Маркиониты почти превратились в бесплотные существа и нематериальные интеллекты в своих привычных отношениях с гениями или зонами, которых они представляли себе как посредников между человеком и Божеством. Тем не менее, возможно, что мистическая проституция инкубов и суккубов, которая в Средние века часто оскверняла самое целомудренное ложе, родилась совершенно наивно из ереси маркионитов. Энkratиты, или континенты, были не менее суровы, чем маркиониты, в отношении плотского греха. Они черпали свое начало из посланий святого Павла, объясненных Татианом, учеником святого Иустина. Татиан возвел в догму отвращение святого Павла к браку; он осудил это таинство как отвратительное соединение и предписал безбрачие как путь к ангельской жизни. Это было злоупотребление живой и нетерпеливой верой, ибо Татиан намеревался перенести на землю совершенство избранных на небесах. Последователи этого ересиарха довели страсть к чистоте и непорочности до безумия; они считали себя единственными чистыми и совершенными христианами и так использовали воду, внешнюю и внутреннюю, как символ омовения, что их прозвали *гидропарастатами*.

Валезианцы, которые вошли в моду как диковинка только около 240 года, пошли еще дальше в культе телесной чистоты, поскольку их основатель, араб Валезий, вдохновленный тем, как Ориген принес свой пол в жертву умерщвлению плоти, убедился, что истинное целомудрие может жить только в изуродованной природе; Он заявил, что для уничтожения греха недержания необходимо уничтожить его причину, и без сожаления расстался с этой губительной девственностью, которая побуждала его к греху и заставляла грешить других. Его последователи не понимали, что они просто вступают в соперничество со жрецами Кибелы; и, не довольствуясь кастрацией, которая очень напоминала мученичество, они с неистовством посвятили себя распространению своей жестокой ереси: Они выходили на улицу, вооружившись лишь маленьким острым ножом, похожим на тот, которым хирурги удаляют пенис или яички у рабов, предназначенных стать евнухами или *спадонами*; можно было видеть, как они оглядываются по сторонам в поисках жертвы, не прерывая нить своих мысленных ораций; Они не находили много прозелитов, готовых стать евнухами, но использовали насилие, чтобы склонить тела к валезийскому целомудию, и безжалостно калечили всех пациентов, христиан или язычников, которые попадали в их руки. В основном в Иудее эти яростные еретики, которые к тому же придерживались гностических взглядов, нападали таким образом на бедных грешников под предлогом сделать из них ангелов, пока они еще живы.

Но не все гностики были столь радикально настроены против работы плоти. Напротив, под именем манихеев они, ненавидя брак, провозглашали свободное и неумеренное использование всех чувственных способностей. Если верить Отцам и Соборам, эти манихеи, которые в IV веке вплотную подошли к уничтожению большинства истинных христиан и дошли до нас через жестокие войны, которые вела против них Церковь, хотели установить культ чувств и религиозную проституцию вместо Евангелия и культа духа. Автором этой загадочной ереси был перс по имени Манес, изложивший свое странное учение в книгах, из которых его ученики черпали принцип всех нечистот. Трудно поверить в то, что говорит святой Августин об их системе спасения душ, разлученных с телом. Согласно этой системе, Бог построил великую машину, состоящую из двенадцати воздушных сосудов, в которые постоянно загружались души и которые переносили их через космос к Луне и Солнцу, но

путешествие происходило под странным покровительством. В сосудах находились божественные девы, которые принимали мужской облик, чтобы дарить любовь женщинам, и женский облик, чтобы возбуждать пыл мужчин; так что души обоих полов не переставали очищаться в этом безмерном спаривании: Ибо, говорили манихеи, во время возжеления из темных субстанций материи возникает свет и выступает к Божеству (*ut per hanc illecebram, commota eorum concupiscentia, fugiat de illis lumen, quod membris suis permixtum tenebant*). Если манихеи поместили проституцию в небесные сферы, они не собирались упразднить ее на земле; поэтому они считали венерический акт священным делом при условии, что святость этого акта не будет нарушена или уничтожена браком и зачатием. *Et si utuntur conjugibus*, говорит святой Августин (*de Hæresibus*, cap. 46), *conceptum tamen generationemque devitant, ne divina substantia quæ in eos per alimenta ingreditur vinculis carnis ligetur in prole*. Это было невероятное воображение - видеть в поколении детей уменьшение божественной субстанции, которую каждый из них вбирает в себя через питание! С такими чудовищными идеями манихеи были заранее убеждены во всех приписываемых им пороках, и они подверглись гонениям со стороны христиан так же, как христиане подвергались гонениям со стороны язычников. Поскольку они верили, что дух исходит от доброго начала, - пишет Меймбург в своей "Истории святого Леона", - а плоть и тело принадлежат злу, они учили, что человек должен ненавидеть его, позорить и бесчестить всеми возможными способами; и на основании этой позорной заповеди не было ни одного вида отвратительной наглости, которой они не запятнали бы себя на своих собраниях". Однако это не является достаточным основанием для того, чтобы верить в ужасную и отвратительную практику, в которой их обвиняет святой Августин, утверждая, что они смешивали человеческую сперму со своими хозяевами и их пищей: *"Qua occasione vel potius execrabilis superstitionis quadam necessitate coguntur electi eorum, velut eucharistiam conspersam cum semine humano sumere, ut etiam inde, sicut de aliis libis quos accipiunt, substantia illa divina purgetur... Ac per hoc sequitur eos, ut sic eam et de semine humano, quam admodum de aliis seminibus, quæ in alimentis sumunt, debeant manducando purgare."* Разве не очевидно, что проституция была там, где не было евангельского христианства?

ГЛАВА V.

Резюме.- Священная проституция и гостеприимная проституция в христианстве.- Отшельники, девы и первые монахи.- Таблица физических страданий, которым подвергали себя отцы-пустынники.- Дочери и женщины отшельников.- Легенда о святом Арсени и римском патриции.- Молодой отшельник и патриарх.-Отшельник и его мать.- Популярная легенда о святом Варлааме и царе Иосафате.- Демон похоти и любостяжания.- Легенда о старом отшельнике, которому пришлось бороться с этим демоном.- Гостеприимная проституция на ночных пирах и в католических уединениях.- Бродячие монахи.- *Сарабайты*. Дерзкое поведение этих беспутных монахов - Распущенные нравы некоторых женских аббатств - Священная проституция в культе изображений - Апокрифические святыи - Непристойное поклонение святым Патерну, Рене, Приксу, Жилью, Рено, Гиньоле и др. бесплодными женщинами, мужьями-импотентами и *злодеями* в различных местах вплоть до Французской революции.-Легенда о святом Гиньоле - Глаз Изиды и гусь Приапа - Непристойная статуя святого Гиньолы в Монтрейе в Пикардии - Святой Патерн - Святой Герлишон - Святой Жиль - Святой Рене - Святой Прикс - Святой Арно - Остатки язычества в христианском богослужении.

Когда христианство вело войну с языческой проституцией, оно находило в своем собственном лоне недостойных противников, которые стремились запятнать его самыми

отвратительными нарушениями. Этих противников иногда возбуждали профанные религии, которые вера Христова подрывала в их позорных корнях, связанных с чувственными страстями человека, создавшего богов по своему образу и подобию. Иногда самыми грозными ересиархами оказывались просто невежественные катехумены или дьяконы доброй воли, возвышенные и ослепленные аскезой, молитвой и уединением. Вот как чрезмерное продолжение рода могло породить чрезмерную нечистоту; вот как христиане, долгое время бывшие целомудренными и добродетельными, позволяли себе преступные отклонения, которые не позволили бы себе даже язычники. Принцип целомудрия души и тела был самой сильной стороной этого нового закона, который таким образом делал из прозелитов покорных рабов. Поэтому доктора и отцы Церкви ни на минуту не прекращали преследовать и уничтожать язычество в делах священной и законной Проституции. Но, как ни странно, пока зарождающееся христианство вело эту неустанную войну с учениями и делами беззакония, оно не осознавало, что священная проституция и даже гостеприимная проституция, эти две сестры, старые как мир, уже осмелились вновь появиться под христианской маской, которая полностью изменила их характер и скрыла их первобытное происхождение. Благодаря этой маскировке, под которой их уже нельзя было узнать, хотя они достаточно раскрывали себя своими действиями, они занимали паразитическое положение, которое завоевала ересь и которое религиозная мораль смогла отнять у них лишь очень поздно, очистив все, что носило следы их пребывания.

Именно в аскетической жизни отшельников, девственников и первых монахов гостеприимная проституция, эта наивная форма сакральной проституции, казалось, если не возрождалась, то, по крайней мере, пыталась доказать, что она существовала и в подобных обстоятельствах. Одиночки обоих полов решительно порвали с миром и удалились на берега Иордана и в пустыни Фиваиды, чтобы вести созерцательную и покаянную жизнь вдали от греха, этого пожирающего льва, которого они боялись во сто крат больше, чем львов этих бескрайних одиночеств. Потребовались годы этого трудового и дикого существования, чтобы укротить демона плоти, угасить его пыл, чтобы дух окончательно стал хозяином тела. В эти годы борьбы и испытаний, когда бунт чувств нередко грозил разорвать все оковы непрерывности, душа переживала часы сомнений и слабости, промежутки головокружения и безумия. Тогда сладострастные галлюцинации бродили вокруг этих несчастных жертв искусителя; святой мужчина или святая женщина уже не осознавали ни своей индивидуальности, ни своего состояния; Узкая, голая келья, темная, холодная пещера, убогая хижина, открытая для знойного воздуха, в мечтах занимающего ее мужчины или женщины превращалась во дворец, благоухающий духами, блистающий шелковыми тканями, наполненный музыкой и песнями, загроможденный вазами из золота и серебра, коврами и подушками, столами, уставленными изысканными блюдами и восхитительными винами. Обычно молитва побеждала эти адские ловушки, и дыхание Божье рассеивало чарующее облако; Но в эти трудные минуты, в эти жгучие ночи бессонницы, в эти дни невольного возвращения к земным вещам, если бы вдруг в убежище растерявшейся девы вошел заблудившийся путник, если бы женщина, христианка, жаждущая утешений слова Божьего, вдруг предстала перед глазами бредящего патриарха, патриарх, дева, все равно могли бы поверить, что находятся в древних библейских временах, и с любовью склониться перед божественным гостем, которого послали ей небеса. С помощью дьявола гостеприимная проституция вернула себе свою империю, а затем со слезами и покаянием оставила хрупкую добродетель, над которой надругалась, вместе с иллюзиями науки и суестью человеческого сердца. Нужно ли было братьям или сестрам, приходящим таким образом навестить одиноких, выдавать себя за ангелов, и не был ли долг гостеприимства всегда поощрением к греху, который определял случай?

Читая жития отцов-пустынников, мы на каждой странице видим власть плоти над этими энергичными натурами, изнуренными постами, мучениями и физическими страданиями, но в то же время возвышенными ужасом перед грехом и нетерпением к духовному совершенству. Увы, Боже мой! - говорит святой Иероним, образец анкоритов, - как часто, находясь в этом ужасном одиночестве, весь испепеленный солнечным зноем, я все еще верил, что нахожусь среди удовольствий и развлечений Рима! Мои конечности были покрыты мешковиной, и я был черен, как эфиоп. Я только и делал, что плакал и стонал; я не спал, а если сон иногда одолевал меня и закрывал мне глаза, то, несмотря на себя, несмотря на все мое сопротивление, я бросался на голую землю скорее для того, чтобы сломать свои кости, чем для того, чтобы дать им отдых. Я не говорю о еде, поскольку одиночки, какими бы вялыми они ни были, никогда не пьют ничего, кроме холодной воды, а есть приготовленную пищу было бы излишеством. И я, оказавшийся в таком положении и обрекший себя на это добровольное наказание страхом перед адом; я, чьей единственной компанией были скорпионы и свирепые звери, тем не менее иногда представлял себя в обществе юных девушек! Лицо мое было бледным от поста, тело холодным и сухим, и все же я чувствовал нечистый жар, который оживлял и разжигал мою похоть в полумертвой плоти. Сколько раз я припадал к ногам Сына Божьего, орошая их своими слезами и вытирая волосами! Сколько раз я проводил недели, усмиряя свою мятежную плоть! Сколько раз я проводил дни и ночи, крича и бия себя в грудь, пока ко мне не возвращался мир! Я ненавидел свою камеру, словно она знала о моих нечистых помыслах, и я собирался, злясь на себя, броситься прочь и погрузиться в самые дикие пустыни. Если я видел какую-нибудь ужасную скалу, какую-нибудь темную пещеру, какую-нибудь крутую гору, я выбирал именно это место, чтобы возносить свои молитвы Богу и издавать свои стоны. Наконец, Бог, слушавший мои вздохи и слезы, после того как я так долго смотрел на Него, привел меня в такое состояние духа, что мне вдруг показалось, будто я нахожусь в обществе ангелов, и в порыве радости я воскликнул: "Я побегу за тобой, чтобы следовать за ароматом твоих духов!"

Этого отрывка, который нашел бы свой аналог в исповеди каждого отца-пустынника, достаточно, чтобы ввести нас в суть дьявольских искушений, которые осаждали этих святых фигур. Провокационное влияние, которое вид человека другого пола должен был оказывать на ум, измученный распутством, на тело, раздраженное лишениями, легко понять. Мы уже видели, как аббат Зосима преследовал в песках Египта нагое существо с черным телом, опаленным солнцем, которое было не кем иным, как знаменитой грешницей, известной как Мария Египетская. В Африке и Малой Азии было множество девушек и женщин-отшельников, посвятивших себя монашеской жизни, которые не могли без борьбы избавиться от ужасных чувств плоти, что заставило святого Иеронима, свидетеля, судью и участника этих тиранических побуждений, сказать: "Я возлагаю девственность на небеса и не хвалюсь тем, что имею ее". История Отцов, собранная и написанная им, полна необычных историй, которые показывают нам одиноких мужчин и женщин в постоянном общении с существами, которые приходят к ним из рая или ада, чтобы искушать или поощрять их. Не желая оспаривать религиозный и трогательный характер этих необычных рассказов, мы можем предположить, что близость и связь двух полов в глубине этих уединений, населенных кельями и покаянием, должна была породить множество злоупотреблений с точки зрения морали, если мы осознаем, какие пламенные страсти развивают в пылкой и фанатичной душе уединение, молчание, пост и бессонница. Подчинение чувств часто было выше человеческих сил, и дьявол, которому приписывали эти вспышки похоти, приходил на помощь всем расстройствам ума и всем мятежам тела.

Святой Арсен, живший нагим в пустыне и питавшийся травами, как звери, спасаясь от приближения своих собратьев, однажды обнаружил у дверей своей кельи благородную

старуху, которую привел к нему благочестивый человек: "Если ты хочешь увидеть мое лицо, - возмущенно сказал он ей, - смотри! Но она не посмела взглянуть и осталась стоять перед затворником: "Ты вернешься в Рим, - печально сказал он, - расскажешь другим женщинам, что видела аббата Арсена, и они тоже придут ко мне! С позволения Бога, - ответила она, опечаленная печалью святого, - я не позволю ни одной женщине приходить сюда! Я прошу Бога стереть память о тебе из моего сердца! Эта дама вернулась из своей поездки в пустыню с лихорадкой и глубокой горечью; она хотела умереть: "Разве вы не знаете, - сказал архиепископ, принесший ей утешение, - разве вы не знаете, что вы женщина и что дьявол использует женщин, чтобы нападать на одиночек? Вот почему Арсен так с вами говорил, но он неустанно молится за вашу душу". И эта дама согласилась жить. Легендарный писатель, повествующий об этом меланхоличном приключении, наивный Жак де Ворегин, добавляет еще два примера, доказывающих человеческую слабость самых почтенных исповедников. Один молодой отшельник сказал патриарху, чьим учеником он был: "Ты состарился, давай немного приблизимся к миру... Пойдем туда, где нет женщин! ответил старик... Только в пустыне, ответил юноша, нет опасности встретить женщин... Тогда возьми меня с собой в пустыню!" Другой отец, чтобы перенести свою старую мать и помочь ей перейти реку, прикрыл руки плащом: "Почему ты так прикрываешь руки, сын мой? спросила добрая женщина. - Женское тело - это огонь! ответил он, отгоняя демона крестным знамением. Пока я прикасался к тебе, мать моя, в моем сердце пробуждались воспоминания о других женщинах!

Мерзкая роль дьявола в том, чтобы побудить святых к греху через похоть плоти, четко прослеживается в популярной легенде о святом Варлааме и царе Иосафате, которая часто вдохновляла романтические эпосы средневековья на всех языках. Варлаам обратил Иосафата, сына царя-идолопоклонника, которого легенда, несомненно, называет аллегорией: "Царь Будущий". Царь был огорчен тем, что его сын стал христианином, и пытался вернуть его к религии ложных богов. Маг Теодас посоветовал королю держать всех мужчин подальше от сына и прислуживать ему с помощью красивых, хорошо одетых и соблазнительных женщин: "Я пошлю к нему одну из духов, которые находятся в моем подчинении, чтобы привести его к похоти, - сказал он, - ибо нет ничего более подходящего, чем женская фигура, чтобы соблазнять юношей". Последовав этому извращенному совету, молодой христианин оказался в окружении целого серала женщин, которые постоянно провоцировали его на грех, а злой дух, посланный магом, овладел Иосафатом с такой силой, что он вскоре бы сдался, если бы Бог христиан не пришел ему на помощь. Он устоял перед искушением и подчинил плоть господству души. Он пытался обратить ее в свою веру, восхищаясь ее пленительной красотой: "Если хочешь, чтобы я отреклась от идолов, женись на мне!" - сказала эта сирена. Христиане не противятся браку, напротив, они восхваляют его, ибо патриархи, пророки и святой Петр, князь апостолов, были женаты... Ты напрасно гонишь меня, - ответил он, отворачиваясь. Христианам разрешено жениться, но не тем, кто дал обет девственности". Она притворилась плачущей и посмотрела на него с большей нежностью: "Если ты хочешь способствовать моему спасению, - прошептала она дрожащим голосом, - исполни мою маленькую просьбу: переспи со мной сегодня ночью, и я обещаю тебе, что на рассвете я стану христианкой". Иосафат не был готов к такому странному предложению: он знал, какую радость испытывают ангелы при обращении идолопоклонника; он знал также, какую печаль вызывает у них грех похоти; тем не менее он колебался и искал в глазах обольстительницы постыдную смелость греха. Тогда злой дух, чьей миссией было заставить его согрешить, сказал своим адским спутникам: "Видите, как эта девушка подрывает добродетель этого юноши, которого мы не смогли победить? Подойдите же и набросьтесь на него, ибо момент подходящий". Иосафат и в самом деле почувствовал, что пылает огнем распутства, а дьявол внушил ему отвратительную мысль спасти душу этой хорошенькой

язычницы ценой своей души. Но прежде чем согласиться на то, чего ожидало от него христианское милосердие, он осенил себя крестным знамением и погрузился в молитву. Тут же он заснул и во сне перенесся в обитель блаженных. Когда он проснулся, то, по словам наивного составителя "Золотой легенды", который шаг за шагом следовал за рассказом Иоанна Дамаскина, "красота этой девушки и ее спутниц внушила ему не более чем отвращение, которое испытывают при виде самой грязной мерзости".

Отцы Церкви верили в существование демона, который управлял похотью, в частности, и чья роль заключалась в возбуждении плотского соития среди идолопоклонников или христиан. Этот демон встречается на каждой странице житий Отцов и в легендах о святых; он принимает самые привлекательные формы, чтобы заманить девственников и исповедников в зло; его часто отталкивают и обращают в бегство, но иногда он достигает своей цели и изобретает самые необычные уловки, чтобы преодолеть непостоянство анхорита. Нам трудно сказать, был ли этот демон похоти и любостяжания тем же самым, что и демон проституции, который мы находим под этим именем (*demon scortationis*) в "Экклезиастической истории" Евагрия (глава 26), но который ничем не оправдывает своего названия. В течение многих лет один старый отшельник пресекал все козни этого демона, который с неутолимимым рвением осаждал его тысячью способов. У этого отшельника, правда, была своя келья на Елеонской горе, где всегда присутствовал дух Божий: "Когда же ты оставишь меня в покое? сказал ему однажды благочестивый отшельник. Уходи, ибо ты так же стар, как и я". Тогда ему явился демон и пообещал больше не мучить его, если святой поклянется никому в мире не рассказывать о том, что сказал ему демон. Отшельник поспешил купить себе покой такой ценой и дал клятву, которую требовал от него искуситель, но тут тот злобно сказал ему: "Не советую тебе больше поклоняться этому образу, на котором изображена женщина с ребенком на руках". На этом дьявол удалился, а старец остался в тревоге из-за такого совета, который клятва не позволяла ему открыть даже своему духовнику. Глубоко мучимый совестью, он отправился в соседний город Фаран и на исповедь к аббату Феодору, который дал ему отпущение грехов за лжесвидетельство: "Только поспеши уйти из этого города, который есть не что иное, как большой бордель, - сказал он ему, - ибо ты не будешь сильнее всех против демона блуда, но поклонись Иисусу Христу и его Божественной Матери, когда будешь уходить". Старец вернулся в свою келью, где застал демона, обвинявшего его в лжесвидетельстве: "Прочь от меня!" - вскричал святой, прогоняя его великим крестным знамением; "Я слишком стар, чтобы слушать тебя и бояться тебя!"

Поэтому жизнь кенобитов была осаждена чувственными желаниями и мирскими помыслами: победа искусителя часто зависела только от его настойчивости в расстановке ловушек для одиночек, а возможности для греха слишком часто повторялись. Проституция госпитальеров говорила громче, чем строгие учения Церкви; она не только проникала вместе с еретиками в ночные агапы и посещения христианских дев и вдов, но и таинственно бродила по уединенным местам, где собирались братья и сестры новой католической семьи для совместной молитвы и работы. Невежество и легкоеверие готовили жертв к тому, чтобы их пожрал монстр блуда. Именно ереси принесли с собой это невероятное ослабление христианства, начиная с 230 года: "В жизни христиан больше не было милосердия, - рассказывает святой Киприан, очевидец этого печального периода, - не было никакой дисциплины в нравах: мужчины красили бороды, женщины гримировали лица; чистота глаз была испорчена нарушением работы рук Божьих, и даже чистота волос - приданием им чужого цвета. Тонкость и хитрость использовались для обмана простых людей; христиане удивляли своих братьев неверностью и обманом. Они вступали в брак с неверующими; они протитуировали членов Иисуса Христа с язычниками". Этот и многие другие отрывки при

необходимости свидетельствуют о существовании гостеприимной проституции в общей жизни христиан обоего пола, несмотря на отлучения соборов и предостережения врачей.

Мы должны приписать эти дурные нравы, царившие в стольких женских общинах, деморализующему влиянию толпы странствующих и светских монахов, чьи распутство и лень множились повсюду. Эти еретики счастливо жили в веке, не имея ни постоянного места жительства, ни оседлого занятия, ни средств к существованию; они делились на множество сект, которые отличались друг от друга только разнообразием своего распутства; все они вели одну и ту же праздную и бродячую жизнь, переходя из города в город, или, скорее, из монастыря в монастырь; Ведь до появления монашеских орденов обетные и посвященные девы жили вместе в уединении и молитве, избегая общения и взглядов язычников, но охотно общаясь со священниками и верующими. Среди этих сект бездельников и развратников были сарабаиты, которых святой Иероним называл *ремоботами*, а историки V века - *гировагами*. Сарабаиты, чье имя на египетском языке означало "*непокорный*", вели свое происхождение от иудея Анании, которого святой Петр наказал за ложь, поразив его и его молодую жену Сафиру до смерти. Хотя они объявили себя христианами, они не отказались от обрезания, что способствовало их нечистым привычкам: "Все в них дышит жеманством, - писал святой Иероним Евстохию в 384 году, - кто осторожен, тот не спутает их с кенобитами и анхоритами: У них широкие рукава и обувь, и даже грубая одежда; они часто вздыхают, точны в посещении девственниц, рвут в клочья репутацию клириков, а в праздничные дни предаются излишествам самой необузданной невоздержанности (*saturantur ad vomitum*)."

Вначале они образовывали братские союзы, по двое или по трое, и требовали скудной и общей пищи от работы своих рук; но у них были частые споры, которые возникали, по словам святого Иеронима, из-за того, что, живя своим скудным трудом, они не могли терпеть хозяина: но причиной этих ссор, которые часто заканчивались нападениями, была скорее их ревность и соперничество в любви. Вскоре они уединились и стали искать свою судьбу по отдельности. Кассиан в своих комментариях (Collat. XVIII, с. 8) в самых отвратительных выражениях описывает дерзкое поведение этих беспутных монахов, которые распространились в Египте и в глубине Фиваидских пустынь, и которые еще не успели исчезнуть в IX веке, как Карл Великий издал закон об их уничтожении (Capitul. reg. Francor. Мы ни в коем случае не склонны защищать и оправдывать сарабаитов, как это пытался сделать ученый Франсуа Вальх в "Mémoires de l'Académie de Gottingue" (vol. VI, 1775), когда он пытается отличить их от *гировагов*, применяя к последним все излишества, приписываемые сарабаитам. Кассиан, за которым мы предпочитаем следовать в наших суждениях об этих еретиках, видел их деятельность в Верхнем Египте, где в одном только городе Оксирингу содержалось более десяти тысяч девственниц и где все население состояло исключительно из кенобитов и монахов. Четыре века спустя, когда религиозные ордена распространились по всему христианскому миру и монашеское правило закрыло двери монастырей для опасных апостолов гостеприимной проституции, святой Бенедикт советовал своим ученикам не доверять этим развратителям: Есть третий и очень плохой класс монахов, - говорит он, - это сарабайты, которые, не придерживаясь никаких правил, глухие к советам опыта, всегда сохраняя вкусы века, осмеливаются лгать Богу, узурпируя священные ордена. Собираясь по двое, по трое, иногда даже поодиночке, они живут без пастыря, заключенные не в стаде Господнем, а в своей овчарне. Их желание - их закон; они называют святым все, что выбирают; то, что им не нравится, они считают запретным". В правиле святого Бенедикта также говорится о гировагах, которые не имели ни огня, ни места, уходили в странствия, ели, пили и останавливались в монастырях, где оставляли слишком много напоминаний о своей невоздержанности, нерелигиозности и нечистоплотности (*per diversarum cellas hospitantur, semper vagi et nunquam stabiles et propriis voluptatibus et gulæ illecebris servientes*).

Чтобы найти и обнаружить последние следы больничной проституции, нам придется углубиться в монастырскую историю и обратить внимание на многочисленные отклонения, доказывающие хрупкость человеческой добродетели и бессилие самых священных обетов. Мы увидим, что в женских монастырях прием церковных людей и гостеприимство, оказываемое приезжим монахам, иногда приводили к беспорядкам, которые не всегда выливались в скандал и которые почти никогда не выходили из тишины религиозной жизни. Церковь, подобно снисходительной матери, скрывала под своим покровом нарушения правил и излишества своей молодой паствы. Более того, ее глаза были открыты для тех излишеств, которые тщетно прятали в тени этих приютов покаяния. Не столько из Деяний Соборов и монастырских хроник, сколько из традиции, основанной на свидетельствах романов и популярной поэзии; не столько из многочисленных и достоверных фактов, сколько из смутного шелеста отголосков прошлого можно было бы изобразить распущенные нравы некоторых аббатств, где приезд паломника или монаха вызывал радостные воспоминания о ереси сарабитов. Люди, у которых были глаза и уши, так сказать, внутри этих непроницаемых убежищ, рассказывали скандальные легенды и чудесное гостеприимство монастырей. Басня графа Ори, которую под разными названиями можно встретить почти во всей литературе Средневековья, - милостивая неосторожность, рассказывающая об этом гостеприимстве гораздо больше, чем подлинные акты о перевоспитании нескольких женских монастырей, в которые беспорядок пробрался вместе с любезными и дерзкими гостями. Мы не считаем нужным далее настаивать на деликатном вопросе о расслабленности монастырской морали и опасностях монастырского гостеприимства.

Что касается священной проституции, принадлежавшей исключительно религиям идолопоклонства и наложившей на них отпечаток своего аллегорического растления, то, несомненно, вызовет удивление и негодование тот факт, что она должна была стремиться возродиться или, по крайней мере, не умереть полностью в религии, основанной на чистейшей морали и наполненной самыми благородными устремлениями души. Вполне понятно, однако, что культ изображений должен был сохранять то тут, то там следы этой отвратительной проституции: церковь сменила храм; целомудренные статуи Спасителя, Девы Марии и святых заменили бесстыдные статуи Вакха, Венеры, Геркулеса и Приапа; но людям было трудно одновременно сменить богов и культ: поэтому они сохранили все от старого культа, что могли грубо смешать с культом истинного Бога. Жрецы, со своей стороны, не стеснялись присваивать некоторые формы религиозных церемоний, которым они придавали христианский смысл; но они не препятствовали проникновению некоторых практик, которые были по сути идолопоклонническими и даже возмутительными для новой веры. Среди этих первых руководителей культа, несомненно, были порочные или развращенные духи, которые злоупотребляли искренностью неопитов. Таким образом, мы видим, как в эти времена церковного основания ересь захватывает все выходы христианства и еще осмеливается пустить корни священной проституции: Здесь это танцы и музыка, эти коварные помощники сладострастия; там это агапы, где отражаются непристойности вакханалии; в других местах это святые, переодетые в божества, чьи атрибуты они носят; более того, сами таинства не свободны от этих постыдных подражаний: При крещении, как писал святой Иоанн Златоуст папе Иннокентию Ier, женщины были обнажены, им даже не разрешалось скрывать свой пол; на мессе ассистенты целовали друг друга в губы; В процессиях завуалированные девственницы носили амулеты и идолов, которые подошли бы для культа Изиды или Митры; непристойные пирожные языческих праздников, *колифии* и *силигины*, почти не изменили своих форм и обычаев. Короче говоря, священная проституция со всех сторон, как паразитический плющ, прилепилась не к догме, а к литургии. Отцам

Церкви и Соборам пришлось постепенно приводить умы и сердца к подчинению божественному игу евангельской морали.

Но в то время как католическое богослужение очищало и отвергало проросшую в его лоне языческую мякину, язычество сохранялось в некоторых верованиях и церемониях, тесно связанных со старым запасом священной проституции. Вот почему тайный культ домашних богов укрепился в *ларарии*, как в крепости, и оставался там неприкосновенным в течение многих веков после принятия христианства; вот почему Венера, Приапе, бог Терм, фавны и сильваны имели алтари и жертвоприношения вплоть до Средних веков. Влюбленные и девственницы - последние сторонники теогонии, обожествлявшей чувства и страсти ; но они уже не являются исключительными и робкими поклонниками идола, которого они воскуряют у подножия древнего дерева, у фонтана, в глубине пещеры, на вершине горы: Они требуют, в повелительном тоне, а иногда и с угрозами, помощи и защиты этих падших богов, которых надежда еще терпит на своем пьедестале, и которые рассыплются при первом же испытании их бессилия. Девушки, желающие иметь любовников или мужей, клянутся в своей девственности джиннам реки, леса, дерева или камня, но они не приносят этим невидимым джиннам материальную дань в виде своей девственности, которая сама приносится в жертву на цветущей лужайке, когда пастух, такой же прекрасный, как Дафнис, принимает жертву. По-прежнему Венера - душа вселенной, именно Венера поддерживает свой вечный культ в присутствии природы.

Новообращенным нелегко отделить себя от этих божеств, с которыми они чувствуют себя молодыми и полными пыла: они крестятся, они ходят в церковь, они участвуют в праздниках, они чувствуют, как мораль Евангелия вливается в их души с нежным чувством, но они привязаны, по какой-то чувственной связи, по какому-то физическому инстинкту, к божественным образам своих страстей, к божественным аналогиям своих тел. Венера была первым олицетворением идолопоклонства под именами Милитта, Урания и Астарта: она была последней, под именем Венера, которое ее грубые и деревенские слуги произносили как *Bénus*. В Помпеях была обнаружена любопытная надпись, которая ясно показывает, что культ Венеры имел своих святотатственных последователей уже в середине первого века нашей эры. На ней изображен несчастный влюбленный, желающий отомстить за разбитое сердце самой богине любви: "Пусть придет сюда тот, кто любит! Я хочу сломать Венере ребра и разбить ей спину палкой. Она вполне могла разбить мое чувствительное сердце, эта жестокая богиня: с другой стороны, почему бы мне не разбить ей голову?"

Quisquis amat, veniat! Benere, vole frangere costas
Fustibus et lumbos debilitare deæ.
Si potest illa mihi tenerum pertundere pectus,
Quin ergo non possim caput deæ frangere?

Это идолопоклонство проникло в поклонение различным святым, которые по народному капризу выбирались вместо привычных богов, к которым обращались в самых обычных обстоятельствах жизни. Нам нет нужды останавливаться, несмотря на право науки, на предмете, который соприкасается с самыми уважаемыми вещами и который придал бы им позорное отражение; Но нельзя не отметить, что священная проституция находила убежище под покровительством этих святых, которых народ создал по образу различных ложных богов и которых все усилия Церкви не смогли заставить впасть в общественное презрение, прежде чем народ научился краснеть своих неблагородных суеверий. Таковы были апокрифические

святые, обладавшие благословенной привилегией исцелять бесплодие у женщин и импотенцию у мужчин. Нет сомнений, что эти святые происходили по прямой линии от Приапа и его дерзких сподвижников, бога Терма, Мутина, Тихона и т. д. Церковная власть никогда не защищала таких святых, которых оставляли, как фетиши, для поклонения вульгарных людей, и которые оказывали свое восстанавливающее влияние только в очень узком радиусе, благодаря легковверному доверию бедных людей, которых незапамятная традиция убедила в достоинствах этих странных покровителей. В большинстве своем они были не более чем замаскированными Приапами, и археология показала, что во всех местах, где был установлен этот непристойный культ, когда-то был храм, статуя или эмблема Приапа.

Мы не будем перечислять святых, к которым когда-то обращались бесплодные жены, мужья-импотенты и злодеи. Кальвин осудил их за честность в своем знаменитом "Трактате о реликвиях"; Анри Этьенн в своей "Апологии Геродота" внес их в индекс, и задолго до этих сатирических протестов религия осудила культ этих нечистот как суеверный и скандальный. Поэтому нам нет нужды говорить, что язычество в его самом непристойном виде было увековечено в особом культе, который в разных местах воздавался святым Патерну, Рене, Приксу, Жилу, Рено, Гиньоле и т. д. Но этот последний, более известный, чем другие, не был единственным. Но этот последний, более знаменитый, чем другие, должен привлечь наше внимание еще и потому, что он унаследовал все атрибуты Приапе и до революции 1789 года оставался во Франции последним символом священной проституции.

"В конце Брестского порта, - рассказывает Харман де ла Мёз в своих "Анекдотах, связанных с революцией", - за укреплениями, поднимаясь вверх по реке, была часовня возле фонтана и небольшого леса, покрывавшего холм, а в этой часовне стояла каменная статуя, удостоенная имени святого. Если бы приличия позволили мне описать Приапе с его непристойными атрибутами, я бы нарисовал эту статую. Когда я увидел ее, часовня была наполовину разрушена и раскурочена, а статуя снаружи лежала на земле, не сломанная, так что она сохранилась целиком, даже с ремонтом, который сделал ее еще более скандальной. Женщины, которые были бесплодны или боялись стать таковыми, шли к этой статуе и, соскоблив то, что я не смею назвать, и выпив этот порошок, настоящий на стакане воды из фонтана, возвращались с надеждой стать плодовитыми". Вот вам и культ Приапе в самом религиозном регионе Франции во времена революции.

Однако легенда о святом Гиньоле не имеет ни малейшего сходства с басней о Приапе из эллинской мифологии. Этот святой по имени Винвалеус, которое переводили как *Гиньоле*, *Геноле*, *Гингулуа* и *Вигневале*, был первым аббатом Ландевенека в середине пятого века и жил в большой аскезе, никогда не общаясь с женщинами. Тем не менее, его легенда кажется запятнанной эротическим символизмом, а несколько его непосредственных чудес связаны с особенностью, которую его мощи и статуи сохраняют уже почти тринадцать веков. Ключ к ее культу в Бресте лежит в этимологии названия аббатства Ландевенец, расположенного в трех лье от города: *Landevenec*, очевидно, содержит *landa Veneris*, и несомненно, что на этом болоте или равнине, граничащей с морем, в древности находился храм или *fanum* Венеры, который был особенно известен среди бретонских моряков, которые, возвращаясь из морских путешествий, не преминули принести жертву богине и рекомендовать ее плодородие своим женам. В Ландевенеке, как и во всех местах, посвященных культу Венеры, христианство очистило языческий храм и освятило идола; но народное упрямство приписало святой качества ложного бога, и Гиньоле продолжил Приапе. Мощи этого бретонского святого почитались и в других местах, в частности, в аббатстве Блэндинберг близ Гента и в Монтрейе в Пикардии. Название города Монтрей, вероятно, связано с

легендой о Гиньоле и символами Приапе. Согласно легенде, гусь проглотил глаз сестры Гуиньоля. Гуиньоля вскрыл живот гуся, вынул глаз и заменил его целым. Теперь мы знаем, что представлял собой мистический глаз в религиях древности, особенно в культе Изиды, к которому был добавлен глаз Венеры; что касается гуся, то он был символической птицей Приапа. Кембри рассказывает об этом чуде в своем "Путешествии в Финистер", но он не выясняет его первоначального значения и, похоже, не имеет представления о том, что общего могло быть между гусем Приапа и глазом Изиды. Статуя святого Гиньоля в Монтрейе была еще более непристойной, чем та, которой поклонялись моряки в Бресте. Дюлор, чье свидетельство, правда, не слишком похвально в подобных делах, видел эту статую, все еще почитаемую в 1789 году, и он без колебаний описывает ее в своем "Описании главных мест Франции". Она была сделана из камня и изображала святого, полностью обнаженного, лежащего на спине, с чудовищным фаллосом. Этот фаллос образовывал шиньон, который толкался сзади, так как женская набожность уменьшала его пропорции, скребя его. Мы считаем эту особенность злой шуткой Дюлора, который не упускал случая высмеять суеверные обычаи.

Святой Гиньоле, как мы уже говорили, был не единственным, кто сохранил что-то от физиономии и характера Приапе. В Бретани было особое почитание святых этой семьи: там был святой Патерн или Патернель, к которому обращались в Ванне и который был причастен к тайнам отцовства. Анри Этьенн составил жизнеописание других преемников Приапе, которых итифаллические надписи наделяют эпитетами *paternus* и *pantheus*: "Что касается болезни бесплодия (которую врачи так не умеют лечить), - говорит автор "Апологии Геродота", - есть много святых, которые лечат ее, заставляя женщин иметь детей даже от одного только благочестивого побуждения. И прежде всего святой Герлишон, который находится в аббатстве в городе Бур-де-Дье, снимает в Роморантене и в некоторых других местах, хвастается тем, что оплодотворяет столько женщин, сколько встретит, если во время новенны они не перестают ложиться в благоговении на святого идола, который лежит плашмя, а не стоит вертикально, как другие. Кроме того, каждый день они должны пить определенный напиток, приготовленный из порошка, соскобленного с какой-либо части идола, включая самую бесчестную часть, которая будет названа. Анри Этьенн, справедливо возмущенный тем, что такое постыдное почитание используется среди христиан, добавляет, что часть статуи, которую желательно соскоблить, была хорошо изношена, в то время, когда это приапическое изображение было осмотрено заслуживающим доверия человеком, которого он не называет, но который подтвердил ему подлинность этого факта, примерно в 1550 году или около того.

В стране Константина в Нормандии (известной как Контантин), - добавляет он, - также есть святой Жиль, который пользовался не меньшим доверием в этих делах, каким бы старым и устаревшим он ни был, согласно распространенной пословице тех, кто развлекается подобными злоупотреблениями и продает их другим, что иметь старых святых - это только чудотворно. Я также слышал о некоем святом Рене в Анжу, который занимается этим ремеслом; но как женщины управляют собой рядом с ним (который также показывает им то, что честность велит скрывать), как мне было бы стыдно это писать, так и читателям было бы стыдно это читать". Бесспорно, что назначение этих каменных святых было таким же, как и у идола Мутина (см. выше, т. 1, с. 383), которого мы найдем в религиях Индии, как мы уже узнали в религиях Финикии и Египта. Легко связать этимологию святого Жили и святого Герлишона с Приапом и его помощниками. Что касается Рене или Рено, то он ссылается на *почки, rena*, и поэт XVI века имел в виду эту этимологическую связь в насмешливом стихотворении, в котором он призывает

И святого Рено за почки.

Родословная святого Прикса, на латыни *Projectus*, также восходит к Приапе и была переведена на жаргонный язык как *Preu* и *Priet*. Было бы легко узнать *Priapus* в *Projectus*, , который был написан *Proiectus*. Тем не менее, этот святой *Projectus* был епископом Клермона в Оверни, мученически погибшим в седьмом веке; его мощи были очень распространены, как и его изображения, а бесплодные женщины поклонялись ему в скандальной манере, за что благочестивый епископ никогда не нес ответственности. Деяния святого напечатаны в *Recueil des Bollandistes*, но ничто, конечно, не оправдывает непристойности этого народного суеверия к нему; к тому же оно существовало лишь в небольшом количестве сельских часовен, в то время как более четырехсот церквей с большим приличием почитали святого Проjeta или святого Прикса. В деревне Кормей, недалеко от Парижа, долгое время находилось изображение святого При, которое, возможно, первоначально было статуей Приапе, и которое, в любом случае, было сделано по образцу языческого бога. Совершенно очевидно, что на заре католического культа статуи просто меняли названия, подобно тому как храмы становились церквями. Наконец, ученый ле Дюша в своих комментариях к Апологии Геродота добавляет в наш каталог итифаллических святых святого Арно, которому поклонялись в Сент-Обане (мы не можем сказать, в какой провинции находился этот населенный пункт): "Статуя святого Арно, говорит он, носила фартук, скрывавший его гениталии. Бесплодные женщины, полагая, что из-за некоторого сходства в имени святой Арно должен обладать той же добродетелью, что и святой Рено из бургундцев, поднимали передник этой статуи, как будто один только вид такого предмета должен был сделать их плодовитыми". Возможно, мы нашли бы в древнем культе Приапа или Гора какой-то похожий обычай, который стал неизменным в верованиях маленьких людей и сохранялся из века в век в интересах бесплодных союзов.

О пережитках язычества в христианском богослужении можно было бы написать целую книгу; прежде всего, это было бы любопытное исследование священной проституции через религиозные и литургические метаморфозы; мы ограничимся тем, что укажем на эту тему, столь же новую, сколь и причудливую, археологам и ученым, которые найдут у Отцов Церкви, особенно у Лактанция и святого Августина, множество подробностей, касающихся упорства языческой проституции, несмотря на проповедь Евангелия. Император Константин разрушил храмы Венеры в Гелиополе и Афаке сверху донизу: Он не остановил потока паломничества к этим местам, которые столько веков были посвящены богине-генералице, и христианские базилики, построенные им на месте храмов, сохранили, так сказать, печать древнего культа; Ведь он был обязан запретить письменным законом (*rursus scriptas misit institutiones*, как мы читаем в житии Евсевия об этом императоре) проституцию девственников и замужних женщин в Гелиополе в Финикии, и его декреты не имели силы против примитивной формы культа Астарты. Эта священная проституция оставалась как бы привязанной к местам, где она зародилась, и к остаткам храмов, которые были ее свидетелями. Христианским императорам понадобилась вся их власть, чтобы подавить публичное поклонение языческим божествам; но, разрушая храмы, опрокидывая статуи и преследуя жрецов, они не достигли глубоких корней, которые этот культ оставил в народных мнениях и обычаях. Жители полей, более грубые, чем жители городов, но и более верные урокам своих предков, взяли под свою охрану богов, которых они любили и которым моральный символизм католицизма не мог заменить ничего; они защищали, пока могли, часовни, деревенские алтари, изображения этих богов в густых лесах, посреди пустынных болот, на горах и у источников; Затем, когда, поддавшись отлучению соборов и полиции епископов, они отказались от этих изображений, этих алтарей и этих *ædiculi*, руины которых они все еще почитали, они с совершенно языческим чувством присоединились к особому

культу святых, которых они наделили привилегиями своих упраздненных богов. Так Венера, Флора, Вакх, Изиды, Приапе и другие божества, олицетворявшие природу и порождающий принцип, имели последователей и почти храмы вплоть до наших дней.

ГЛАВА VI.

Резюме - Мнение церкви о проституции - Отношение святого Августина и святого Иеронима к проституткам - Определение святым Иеронимом законной проституции - Каноны апостолов - Апостольские конституции папы Климента - Мнение церкви о телесных омовениях - Определение главных плотских грехов - Учение церкви о незаконной и преступной торговле. - Собор Эвира или Эльны. - Матери, которые проституируют своих дочерей. - Те, кто практикует *lenocinium*. - Женщины, которые нарушают обет девственности. - Женщины, которые не сохранили девственность после обета. - Женщины, которых епископы и клирики могут иметь в своих домах. - Молодые люди, которые после крещения впали в грех нечистоты. - Домашние идолы. - проститутки, вступающие в брак после отказа от своей профессии; - женщины, которые, забеременев от прелюбодеяния, вызвали гибель своего плода; - женщины, прожившие в прелюбодеянии до смерти; - люди, которых запрещено брать в наем; - те, кто прелюбодействовал только один раз; - женщина, прелюбодействовавшая с согласия мужа; - развратители детей. - Неокесарийский собор. - Евнухи вопреки себе. - Вход в святилище, запрещенный женщинам Лаодикийским собором. - Тирский собор. - Святой Афанасий и женщина с дурной репутацией. - Толедский собор. - Карфагенский собор. - Семнадцатый канон Толедского собора. - Двенадцатый канон Римского собора. - Базельский собор. - Уникальная глава в истории соборов.

Мы видели, каково было учение первобытной Церкви о нечистоте и недержании; мы видели, насколько единомысленны были Отцы в требовании целомудренной и достойной жизни от верующих, когда они не чувствовали себя способными посвятить себя христианскому безбрачию. Таким образом, в отношении этого предписания абсолютного целомудрия, обращенного ко всем членам Иисуса Христа, не существовало церковной юриспруденции, специально применимой к агентам проституции. Чтобы соответствовать самой сути своей морали, Церковь не могла одобрить или признать законным фактом эту проституцию, которая, тем не менее, практиковалась на ее глазах, у дверей ее церквей, а также вблизи ее храмов. Проститутки были всего лишь обычными грешницами, которых благодать и покаяние могли принять в разгар их позорного ремесла и которые, таким образом, всегда были готовы вступить на путь спасения. Что касается подстрекателей и спекулянтов проституцией, то они сливались с толпой распутников и даже не занимали особого места среди рабов греха. Исповедники должны были регулировать покаяние в зависимости вины и давать отпущение грехов только после совершения этого покаяния, которое должно было быть публичным, как если бы грех был публичным. Кроме того, всякая проституция включалась в общий термин "*блуд*", который, тем не менее, различался по пропорциональным степеням на простой, двойной, окончательный, постоянный или удвоенный блуд. Поэтому вполне естественно, что в соответствии с этим основополагающим принципом, требующим от каждого христианина быть строгим защитником чистоты своего тела, легальная проституция не имела никаких оснований для существования в глазах Церкви, которая не осмелилась бы разрешить, запретить или терпеть ее. Соборы не упоминают об этой нравственной проказе общества вплоть до XV века и ограничиваются общими словами, массово осуждая все виды либертинизма. Обходя этот деликатный вопрос, они, по-видимому, избегают вступать в конфликт с человеческими законами, которые регулируют проституцию и признают ее нечистым рабством страстям простых людей. Соборы, кажется, всегда помнят, что

Магдалина была женщиной с дурной репутацией, и что от мерзких женщин было столько же мучеников, сколько и принцесс, за веру Христа, Который безгранично милосерден ко всем грехам.

Однако есть основания полагать, что Церковь, с точки зрения охраны порядка и экономики государств, допускала легальную проституцию или, по крайней мере, закрывала глаза на эту печальную необходимость жизни людей. Это мнение Церкви ясно и официально изложено не в тексте собора или синода, а в трудах святого Августина: "Подави куртизанок, - говорит он в своем "Трактате о порядке" (lib. II, с. 12), - и ты все расстроишь по капризу страстей". Таким образом, церковное право не вмешивалось в полномочия гражданского права. Святой Иероним (Epist. ad Furiam), похоже, разделяет чувства святого Августина в отношении несчастных жертв проституции; он не угнетает их под тяжестью их бесчестия, а лишь поощряет их снять с себя позорную ливрею: "Евангельская куртизанка, крещенная своими слезами (*meretrix illa in Evangelio baptizata lachrymis suis*), отирая ноги Господа своими волосами, была спасена; у нее не было гребенчатой митры, туфель, которые кричат; глаза ее не были почернены сурьмой; она не была тем прекраснее, что была более бесстыдной (*non habuit crispantes mitras, non stridentes calceolos, nec orbes stibio fuliginatos: quanto fœdior, tanto pulchrior*)." В другом отрывке того же Послания святой Иероним снова возвышает униженную женщину, протягивая ей руку покаяния. "Мы не спрашиваем христиан, - говорит он, - как они начали, но как они заканчивают!" Крещение слезами всегда может смыть старое осквернение и возродить душу в нечистом теле. Наконец, святой Иероним в еще одном обстоятельстве (Epist. ad Fabiolam) определяет легальную проституцию, как это сделал юрист Ульпиан, и говорит с точностью юриста: "Куртизанка - это та, которая отдается разврату нескольких мужчин (*meretrix est quæ multorum libidini patet*)".

Мы тщательно исследовали, что может относиться к проституции либо в канонах апостолов, либо в апостольских конституциях, которые не предшествовали Деяниям Соборов, несмотря на приписываемое им в древней Церкви происхождение, но которые, тем не менее, содержат искреннее выражение канонического учения первых христиан. В них есть только одно упоминание о проституции, называемой так правильно (*scortatio*), но в нескольких местах говорится о простом или двойном блуде. В канонах Апостолов шестой запрещает епископам и священникам изгонять своих жен даже под предлогом религии и налагает отлучение на тех, кто уклоняется от уз брака таким образом. Восемнадцатый канон запрещает принимать в клир *двоеженцев*, то есть тех, кто был женат дважды, поскольку вторым бракам сопутствует некая непристойность, свидетельствующая о недержании одного или другого супруга. Двадцать третий канон предписывает низложение клириков, лишивших себя пола из-за страха согрешить или по какой-либо другой причине. Двадцать четвертый осуждает мирян за тот же поступок и отлучает их от святого стола на три года. Шестьдесят первый канон запрещает принимать в клир любого, кто осужден за прелюбодеяние или блуд. Наконец, шестьдесят седьмой канон объявляет отлучение тому, кто совершил насилие над девственницей, и обязывает виновного жениться на той, кого он обидел. Отметим, что в Апостольских канонах, которые, как и Апостольские конституции, написаны на греческом языке, акт проституции включен под названиями *прелюбодеяния* (μοιχεία) и *блуда* (καμάρωσις). Греческое слово, как и латинское слово, которым переводится *блуд*, в переводе означает свод, сводчатое место, и образно обозначало сам акт, который совершался в таких местах. Это слово не употреблялось в переносном смысле до тех пор, пока церковные писатели не стали использовать его вместо *meretricium*, *scortatio* и других, еще более бесчестных слов.

В Апостольских конституциях, приписываемых папе Клименту, избранному в 67 году н. э., но, несомненно, написанных в III веке на основе традиций первобытной церкви, мы находим указание на правила поведения, которым должны следовать христианские женщины, чтобы не уподобиться идолопоклонникам, не имевшим морали и не испытывавшим потребности в ней. Прежде всего, христианки должны были избегать появляться на людях в тех ухоженных одеждах, которые автор священного кодекса называет знаками отличия проституции (*quod sunt omnia meretriciæ consuetudinis indicia*, гласит дословная латинская версия):

расчесанные волосы, художественно одетые и умощенные духами, изукрашенные и драгоценные одежды, широкая и шлейфовая обувь на ногах, золотые кольца на всех пальцах. "Если ты хочешь быть верной своему божественному мужу, - добавляет христианский законодатель, - и если ты хочешь угодить ему, покрывай голову, когда появляешься на улице; покрывай лицо, чтобы скрыть его от посторонних глаз; не украшай лицо, которое Бог создал для тебя, но ходи с опущенными глазами и оставайся всегда покрытой, как это предписывает приличие для женщин (Liv. I, ch. 8)". Обоим полам запрещено мыться вместе в одних и тех же банях; "именно там дьявол расставляет свои сети", - говорится в тексте: поэтому женщина должна заходить только в женскую баню. Пусть она моется скромно, благоразумно, умеренно, никогда без необходимости, никогда слишком много, никогда в полдень, и даже, если возможно, не каждый день (*lavet modeste, verecunde et moderate, non autem supervacue, neque nimis, neque sæpius, neque meridie, immo, si fieri potest, non quotidie*). Церковь не изменила своего мнения о телесных омовениях, злоупотребление которыми она осуждает, но не защищает их использование.

В седьмой книге Конституций законодатель очень четко определяет основные грехи плоти: "Различают, - говорит он, - мерзкий заговор против природы и заговор против закона; первый - это содомиты и мерзкий разврат, смешивающий человека со зверями, второй включает в себя прелюбодеяние и проституцию. В этих расстройств есть сначала нечестие, затем беззаконие и, наконец, грех; ибо первые помышляют о конце мира, когда пытаются сделать против природы то, что сделано природой; вторые, напротив, причиняют вред другим, когда нарушают чужие браки и делят на двоих то, что Господь сделал единым, когда делают подозрительным рождение детей и подвергают законного мужа таким ловушкам; Наконец, проституция - это развращение собственного тела, и это развращение не относится к труду поколения, чтобы иметь сыновей, но оно не имеет другой цели, кроме сладострастия, которое является признаком недержания, а не признаком силы." Этот замечательный отрывок, который подводит итог всему учению Церкви о незаконной и преступной торговле, мы полностью воспроизводим в дословной латинской версии, где неясности греческого текста несколько прояснены: "*Contra naturam nefaria conjunctio aut illa contra legem, illa Sodomitarum et cum bestiis miscentium flagitiosa libido, contra legem vero adulterium et scortatio: ex quibus libidinibus, in illis quidem impietas est, in iis vero injuria et denique peccatum... Primi enim interitum mundi machinantur, qui quod a natura est contra naturam facere conantur; secundi vero injuriam aliis faciunt, cum aliena matrimonia violant et quod a Deo factum est unum in duo dividunt et liberos faciunt suspectos et legitimum maritum insidiis exponunt: ac scortatio corruptio est proprii corporis, quæ non adhibetur ad generationem filiorum, sed tota ad voluptatem spectat, quod est indicium incontinentiæ non autem virtutis signum (lib. VIII, c. 27)".*

Это, несомненно, первый канонический текст, в котором проституция четко обозначена как одна из самых греховных форм нечистоты. В другом отрывке Апостольских конституций христианам запрещается употреблять непристойные слова, бросать бесстыдные взгляды туда и сюда и предаваться винопитию: "От этого, говорит текст, происходят прелюбодеяния и блуд (*non eris turpiloquens neque injector oculorum neque vinolentus; hinc enim scortationes et*

adulteria oriuntur" (lib. VII, с. 7). Наконец, в другом месте (lib. IV, с. 5) церковный закон предписывает нам "бежать от развратников; ибо, говорит Второзаконие, не предлагайте Богу цену за блуд (*fugiendi præterea scortatores; non offeres, inquit Deuteronomus, Deo mercedem prostibuli*)". Апостольские конституции, хотя и были написаны после первых соборов, содержат изначальную доктрину христианства, исходящую из Писания и Евангелия. Эта же доктрина была впоследствии развита и истолкована в решениях Соборов. Мнение Церкви о проституции, независимо от того, называется ли она *прелюбодеянием*, *блудом* или *скотоложством*, не изменилось с .

Знаменитый Эльвирский или Эльнский собор в Руссильоне, который, по-видимому, является скорее собранием, составленным из нескольких соборов, чем конкретным собором, поскольку мы не знаем, когда он состоялся, и ученые помещают его то в 250, то в 324 год, этот собор *Eliberatanum* или *Illiberitanum* представляет нам некоторое количество решений, которые относятся к нашей теме и которые не отклоняются от апостольских конституций. Двенадцатый канон лишает причастия, даже под страхом смерти, матерей, родителей или любых других лиц, которые проституировали своих дочерей; он также отлучает от причастия того, кто практиковал леноцинизм, продавая тело своего ближнего или свое собственное: *Si lenocinium exercuerit eo quod alienum vendiderit corpus vel potius suum*. Тринадцатый канон выносит такое же наказание тем, кто, посвятив себя Богу, нарушает свой обет и живет в распутстве. Четырнадцатый канон: "Девушки, которые не сохранили девственность, не дав обета, должны быть примирены после годичной епитимьи, если они выйдут замуж за своих сорателей; епитимья устанавливается на пять лет, если они знали нескольких мужчин". Собор в этой статье, которая была реформирована последующими Соборами как слишком мягкая, рассматривает потерю девственности, не освященной Богу, как нарушение *брака* или христианского супружества. Согласно двадцать седьмому канону, епископ или любой другой клирик мог иметь в своем доме сестру или дочь, если она была девственницей, но не чужестранкой. Тридцать первый канон очень эластичен и может охватывать все виды проституции; этот канон гласит, что юноши, которые после крещения впали в грех нечистоты, должны быть приняты в причастие после покаяния и женаты. Между этим каноном и правилом святого Василия, которое назначает четырехлетнее покаяние за простой блуд, и правилом Григория Назианзского, которое увеличивает это покаяние до девяти лет, существует дистанция. Умеренность наказания Эльвирского собора достаточно доказывает, что он не позднее третьего века.

Сорок первый канон этого собора косвенно относится к актам проституции, поскольку увещевает верующих не терпеть идолов в своих домах и оставаться чистыми от идолопоклонства в том случае, если они опасаются насилия со стороны своих рабов, лишив их идолов. Этими домашними идолами были непристойные маленькие боги, которые управляли тайнами любви и порождения. Мы уже описывали в другом месте, согласно святому Августину и другим отцам Церкви, нечистые божества, которые древние устанавливали в своих спальнях и которым поклонялись во время своих трудов в качестве любовников или мужей. Бог Субигус и богиня Према, безусловно, пережили Юпитера Громовержца и Венеру Победоносную или Армию. Сорок четвертый канон Собора прямо предписывал, что женщина, которая была проституткой и впоследствии вышла замуж за христианина, не должна быть принята в общение верующих (*meretrix quæ aliquando fuerit et postea habuerit maritum*). Таким образом, Церковь не признавала несмываемое пятно бесчестия, которое римское право накладывало на проституцию. Шестьдесят третий канон навсегда отлучает от церкви женщину, которая, забеременев от прелюбодеяния, вызвала гибель своего плода. Шестьдесят четвертый канон аналогичным образом отлучает от церкви женщин, которые жили в прелюбодеянии до самой смерти. Шестьдесят седьмой канон

запрещает женщинам, будь то верующие или катехумены, под страхом отлучения иметь в своем штате актеров или исполнителей музыки. Согласно шестьдесят девятому канону, те, кто однажды впал в прелюбодеяние, должны совершать покаяние в течение пяти лет, и не могут быть примирены до этого времени, за исключением случаев смертельной болезни. Семидесятый канон делает серьезное различие в отношении прелюбодеяния и затрагивает одну из наиболее частых обстоятельств проституции: он предписывает отлучать от церкви женщину, совершившую прелюбодеяние с согласия мужа, даже на смертном одре; но ограничивает покаяние десятью годами, если эта женщина была отвергнута мужем. Наконец, семьдесят первый канон окончательно отлучает развратителей детства (*stupratoribus puerorum*).

Можно сказать, что все учение Церкви о проституции содержится в канонах Эльвирского собора, ибо ни один собор вплоть до Трентского не вникал в такое количество вопросов, касающихся этого греховного состояния. На последующих соборах можно найти лишь отдельные статьи, повторяющие или дополняющие каноны Эльвирского собора, поскольку большинство этих соборов созывались для борьбы и осуждения конкретных ересей, которые касались скорее догматики, чем морали. Тем не менее, в актах этих соборов содержится ряд канонов, содержащих ценные детали морали. На Неокесарийском соборе, состоявшемся в 314 году, было решено, что мужчина, который, имея желание совершить грех с женщиной, не совершил его, должен был быть сохранен благодатью Божьей, а не запрещен собственной добродетелью. На Никейском соборе в 325 году против ереси валезиан, которые усердствовали в создании евнухов во имя Бога, первый канон объявил, что любой, кто был сделан евнухом либо хирургами в случае болезни, либо *варварами* или еретиками, может оставаться в клире, но тот, кто изуродовал себя или был изуродован с его согласия, не должен оставаться клириком. Поскольку большинство клириков, таким образом, являются обладателями и хранителями своей мужественности, восьмой канон вообще запрещает им иметь при себе любую женщину, кроме матери, сестры, тетки или какой-нибудь пожилой женщины, которую нельзя заподозрить в сожительстве. Лаодикийский собор 364 года, который касался в основном жизни клириков, запретил женщинам любого рода входить в святилище, не объясняя причины этого запрета и не делая никаких исключений. Канон Никейского собора, двадцать девятый, дает нам очень категоричное объяснение причин этого запрета: *Ne mulier menstruata ingrediatur ecclesiam neque sumat sacram communionem, donec complentur dies illius mundationis et purificationis, quamvis sit in regum mulieribus*. Таким образом, запрет на посещение женщинами святых мест во время более или менее длительного периода их естественного очищения не был снят даже в пользу королей и принцесс: поскольку женщины сами решали, когда этот запрет должен быть снят, Церковь сочла более простым сделать его окончательным и вечным, чтобы избавить недобросовестных почитателей от святотатства. Мнение отцов Церкви о женском поле слишком оправдывало то недоверие, с которым его держали вдали от святилища: "Тела святых женщин, - говорил один из самых красноречивых их защитников, - это настоящие храмы (*sanctarum feminarum corpora templa sunt*)"; а вот как один из соборов характеризует женщин в целом: "Женщина - врата ада, путь беззакония, укусы скорпиона, вредный род (*femina janua diaboli, via iniquitatis, scorpionis percussio, nocivum genus*)."

Злоба женщин проявилась во всей своей черноте на Тирском соборе 353 года, где ариане выдвинули несколько ложных обвинений против святого Афанасия, патриарха Александрийского. В собрание отцов Собора была введена женщина с дурным характером, известная своими распутствами (*muliercula libidinosa ac petulans*, говорит отец Лаббе, следуя лучшим авторитетам); она громко заявила, что дала обет девственности и что Афанасий, чтобы вознаградить ее за гостеприимство, оказанное ему в ее доме, даже забыл сделать ей

насилие. Затем был представлен Афанасий в сопровождении священника по имени Тимофей. Он, казалось, не слышал и не отвечал, как будто ему были чужды заданные ему вопросы. Но Тимофей выступил вместо него и мягко сказал: "Я никогда не был в твоём доме, женщина!" Она, ещё более дерзкая, упрекала, ссорилась с Тимофеем, протягивала руку, клялась перстнем, который, по её словам, принадлежал Афанасию: "Ты лишил меня девственности!" - гневно говорила она, - "ты лишил меня чистоты!" Она использовала термины и оскорбления, которые имеют обыкновение употреблять только мерзкие женщины, и Афанасий не соизволил опровергнуть эти одиозные обвинения. Наконец, отцы Собора устыдились этого скандала и удалили несчастную женщину, оскорбившую их скромность. Тем не менее Афанасий был приговорен к двадцати годам ссылки. Затем собор постановил, что женщинам любого рода будет категорически запрещено входить в дома, где живут клирики. Карфагенский собор в 397 году последовал этой благоразумной мере, постановив, что клирики и те, кто дал обет целомудрия, не должны посещать девственниц или вдов без разрешения епископа или священника, и что во всех случаях они должны быть должным образом сопровождаемы из соображений благоразумия.

Обращение грешников было постоянной заботой первых христиан, и они выбирали кающиеся души из числа проституток, чтобы принести их в жертву все소жжения Богу. Но, торопясь сделать катехуменов, диаконы слишком часто допускали к причастию нечистых женщин, которые не отрекались от своего постыдного образа жизни и возвращались к греху по выходе из причастия. Поэтому Соборы требовали гарантий покаяния и искупления, прежде чем превращать куртизанок в супругов Иисуса Христа. Святой Августин подытоживает в этом отношении ясное учение Соборов, говоря (*Lib. de fide et oper.*, с. XI), что нельзя найти ни одной Церкви, которая допускала бы публичных женщин (*publicas meretrices*) к крещению, прежде чем они не избавились бы от порока своего исповедания. В другом месте (*De octo ad Dulcit. quæst.*) он говорит то же самое почти в тех же выражениях (*nisi ab illa primitus prostitutione liberatas*). Но после того, как это примирение было совершено в установленной форме, а крещение и причастие приняты, дочь радости могла быть перед Богом и перед христианином, который женился на ней, чистой, как девственница, если она не сохранила привычек своей прошлой жизни в состоянии брака. Таково мнение Толедского собора 750 года: *Licet fuerit meretrix, licet prostituta, licet multis corruptoribus exposita, si nuptiale incontaminatum fœdus servaverit, prioris vitæ maculas posterior munditia diluit*. Тот же собор не признает прелюбодеяния до брака ни для мужчины, ни для женщины, освобожденной покаянием, учитывая, что любая незаконная торговля, предшествовавшая браку, должна рассматриваться как акт похоти, а не прелюбодеяния (*et quidem talis coitus luxuriæ, sed non adulterii*).

Обращение женщин с дурной репутацией происходило чаще, чем всех остальных, потому что куртизанку легко было удивить перевоспитанием, которое внезапно ставило ее на одну ступень с девственницами и обещало ей убежище в браке. Но Церковь стирала только грехи нечистоты, совершенные до крещения, а те, что совершались после таинства, оставляли несмываемое пятно, поскольку ни один человек, занимавшийся проституцией, не мог быть принят в ряды духовенства, если его пятно не было смыто крещением. Тарисий, епископ Константинопольский, в письме, адресованном второму Никейскому собору 787 года, прямо заявляет, что видел куртизанок и развратников, примиренных через покаяние (*meretrices et publicanos receptos per pœnitentiam*, говорится в переводе этого письма, написанного на греческом); Но если после крещения кто-либо, мужчина или женщина, был пойман в акте проституции или прелюбодеяния (*in scortatione aut adulterio*), то он более не может быть допущен к священническим функциям. Среди отцов и докторов, которые особенно много работали над примирением заблудших женщин, следует упомянуть святого патриарха по

имени Полемон, которого церковные историки ошибочно игнорировали, и чей портрет и после его смерти вызывал подобные обращения (см. Collect. des conciles, ed. de Cossart, t. VII, p. 206 ff.) Святой Григорий Назианзский в прекрасных греческих стихах поведал о чуде такого рода, которое имело большое влияние в конце четвертого века. Молодой человек, мучимый демоном недержания, позвал женщину-мецената перед церковью, дверь которой была открыта. Женщина, прибежавшая на зов разврата, увидела в церкви портрет преподобного Полемона, взгляд которого был прикован к ней. При виде этого угрожающего портрета она пришла в смятение и убежала, склонив голову: на следующий день она обратилась и умерла в благоухании святости. Святой Василий, епископ Анцира, прославил этот восхитительный портрет посреди собора, который обладал такой добродетелью, что самый закоренелый распутник не смог бы увидеть эту святую фигуру, не покраснев от стыда и не предавшись недержанию: *ex illa patrata est, nisi enim vidisset scortum iconem Polemonis, nequaquam a stupro cessasset*. На том же соборе святой Никифор, епископ Диррахийский, сказал, что этот чудесный образ должен почитаться верующими, поскольку он способен помешать дочери радости заниматься своим гнусным ремеслом (*quoniam potuit mulierculam liberare ab execrabili et turpi operatione*).

На основании некоторых отрывков из Отцов и Соборов можно даже предположить, что когда-то недержание было более пылким и непреодолимым, чем сегодня. Возможно, разнузданность нравов в древности развила в мужчинах способность обеспечивать это непомерное злоупотребление мужественностью; возможно, также, что избыток христианской непрерывности породил в некоторых энергичных натурах ужасный бунт чувств. Святой Августин в своей "Исповеди" красноречиво описывает грозную борьбу с дьяволом плоти: "Мое сердце, - говорит он, - все горело, все кипело и все пенилось от блуда; оно изливалось, оно переполнялось, оно плавилось в разврате (*et jactabar, et effundebam, et ebulliebam per fornicationes meas*)". Святой Иероним в Послании к Фурию убедительно изображает буйство чувств у молодых распутников, возвышенных парами вина и разгоряченных хорошей пищей: "Не Ætnæi ignes, - говорит он, - не Vulcania tellus, не Vesuvius et Olympus tantis ardoribus æstuant, ut juveniles medullæ vino plenæ et dapibus inflammatae; nihil hic inflamat corpora aut titillat membra genitalia, sicut indigestus cibus ructusque convulsus." Из этих церковных авторитетов следует, что если люди едят и пьют с яростью, то они тем более нетерпеливы к разврату. Поэтому Церковь стремилась погасить огонь распутства, подчинив его режиму самой бережливой трезвости; ведь она прекрасно понимала, как трудно изменить человеческий темперамент, а также представления и обычаи языческого мира, который не считал блуд злом или противозаконным по своей сути (*simplicem fornicationem non esse per se malam neque illicitam*, говорит святой Августин, Contra Faust, II, с. 13). Чувственные порывы первых христиан были столь сильны, что они иногда отправлялись из церкви в публичный дом и оскверняли себя позорным контактом с куртизанкой после принятия божественного тела Иисуса Христа. Это было ужасное прелюбодеяние, которое Церковь выразила в таких словах: *Infame meretricis et Christi corpus uno et eodem tempore contractare*.

Епископы, диаконы и другие служители алтаря не всегда имели силы защититься от этого осквернения и, по словам одного Собора, осмеливались демонстрировать нечистоту своих рук перед Богом. В 390 году Карфагенский собор рекомендовал всем священникам и другим лицам, совершающим таинства, строго следить за своей скромностью и воздерживаться от приближения к своим женам, если они состоят в браке (*pudicitiae custodes, etiam ab uxoribus se absterneant, ut in omnibus et ab omnibus pudicitia custodiatur, qui altari deserviunt*). Вполне вероятно, что такое воздержание на брачном ложе предписывалось женатым священникам только в определенные моменты, когда они должны были совершать таинства и прикасаться

к священным сосудам; ведь Церковь не запрещала честное и умеренное исполнение супружеских обязанностей. Гангрский собор в Пафлагонии произнес анафему на всех, кто критиковал брак, заявив, что женщина, сожительствующая с мужчиной, не может быть спасена. Тот же собор, признавая превосходство христианской девственности, не хотел, чтобы женщина одевалась как мужчина, под тем предлогом, что в таком одеянии будет легче сохранять целомудрие. Церковь, однако, не отказывала своим детям в средствах избежать опасностей греха; так, на праздниках, которые Апостольские конституции называют праздниками милосердия или любви (*caritas*), поскольку оба пола сходились вместе и это плотское сближение могло иметь серьезные недостатки под стимулирующим влиянием чревоугодия, приглашались бедные старушки и ставились, как спасительные препятствия, между молодыми людьми одного пола и другого (Apostolic Const, l. II, c. 28). Как бы строго ни следила Церковь за соблюдением целомудрия в общении верных, она, по всей видимости, разрешала, по крайней мере до V века, любому светскому христианину брать наложницу и таким образом удовлетворять свою плоть, не выходя за рамки христианского брака. Семнадцатый канон Толедского собора 400 года гласит, что тот, кто одновременно имеет жену и наложницу, будет отлучен от церкви, но не тот, кто довольствуется либо преходящей женой, либо оседлой наложницей, отвечающей потребностям его темперамента: *Qui non habet uxorem et pro uxore concubinam habet, a communione non repellatur; tantum ut unius mulieris aut uxoris aut concubinæ (ut ei placuerit) sit conjunctione contentus*. Римский собор 1059 года все так же смотрел на привычку к супружеским отношениям среди христиан, поскольку двенадцатый канон этого собора осуждает только одновременное сожительство жены и наложницы. Поэтому Церковь до некоторой степени терпимо относилась к незаконным отношениям между мужчиной и женщиной, которые не состояли в браке, но были соединены друг с другом узами взаимного согласия, которые Римский кодекс почти одобрил как законные. В духе католицизма прелюбодеяние или блуд для мужчины начинались с использования двух женщин, независимо от их прав и качеств; частые встречи с несколькими или большим количеством мужчин устанавливали степени проституции для женщины, которая, согласно причудливой доктрине одного казуиста Средних веков, не должна была быть признана *meretrix*, пока не столкнулась с двадцатью тремя тысячами различных развратителей. По мнению других врачей, более сдержанных в цифрах, для *meretricium* требовалось всего сорок-шестьдесят доказательств того же рода, после чего случай общественной нечистоты был достаточно установлен у женщины, которая затем несла епитимью проститутки.

Что касается самой проституции, то Соборы не пытались устранить ее из гражданской жизни христианских обществ. Скорее, они приняли ее как необходимое зло, призванное предотвратить более серьезное зло; однако они избегали формулировать мнение на этот счет, которое противоречило бы евангельской морали и в то же время было бы совместимо с органическими законами человеческой цивилизации. Св. Фома косвенно затронул тонкую грань вопроса, сказав, что человек тщетно стремится достичь совершенства в мире, где Творец позволил злу иметь и занимать большое место. Рассматривать существование зла как неизбежное и необходимое условие человечества означало косвенно признать существование легальной проституции. (См. Collection des Conciles, ed. by Labbe, t. XII, col. 1165.) Необходимость этой проституции была признана церковной властью, поэтому Соборы не преминули прийти на помощь светской власти и предложить ей правила, способные удержать зло в ограниченных пределах и скрыть его от глаз честных людей. "Один из отцов Базельского собора, - пишет ученый историк проституции в Средние века М. Рабуто, - в своей речи к отцам этого собрания в 1431 году, в которой его волновали средства исправления нравов своего времени, изложил принципы, которыми руководствовалось законодательство Средних веков, и представил их как наименее бессильных хранителей

общественной благопристойности". Примечательно, что прозорливость канонического законодательства не добавила несколько спасительных положений к римской юриспруденции, которая до сих пор регулирует практику проституции в большинстве европейских стран. Похоже, что Соборы, даже когда речь шла о неприятном для них полицейском вопросе, тщательно избегали делать какие-либо моральные или религиозные заявления. Поэтому необходимо вернуться в середину XVI века, чтобы найти в Деяниях Соборов документ, который подчеркивает систему терпимости, принятую Церковью по отношению к проституции, рассматриваемой как общественно полезный институт. Этот документ, несмотря на свою довольно недавнюю дату, позволяет установить истинный характер нейтралитета, который Церковь хотела сохранить в этом важном социальном вопросе. Именно на Миланском соборе, при епископате святого Карла Борромео, отцы Собора внесли в текст санкционированных ими Конституций специальный титул для меритриков и ленонов (т. 65, *De meretricibus et lenonibus*). Вот перевод этой главы, отражающей юриспруденцию Феодосия и Юстиниана, под эгидой епископов, князей и магистратов всех стран и городов христианства.

"Для того чтобы меркантильные женщины полностью отличались от честных, епископы будут следить за тем, чтобы на людях они были одеты в одежду, которая делает известным их постыдное состояние и образ жизни. Если они чужие в данной местности, им не разрешается ночевать или останавливаться в кабаках или трактирах (*in meritoriis tabernis vel publicis cauponis*), если только их маршрут не позволяет им сделать это, да и то лишь на один день. В каждом городе епископы позаботятся о том, чтобы выделить этим нечистым женщинам место для проживания вдали от соборов и оживленных районов, где им будет позволено жить всем вместе, с оговоркой, что если они поселятся за пределами этого места, а также если они будут проживать более одного дня в любом другом доме в городе, по любой причине, то они будут строго наказаны, как и хозяева или арендаторы домов, где они остановились. Эта полицейская мера возлагается, в частности, на просвещенное благочестие князей и магистратов. К ним же мы обращаемся с призывом запретить женщинам с дурной репутацией использовать в своей одежде драгоценные камни, золото, серебро и шелк. Именно к ним, прежде всего, мы обращаемся с просьбой изгнать всех бесчестных людей, практикующих профессию сутенера (*omnes qui lenocinio quæstum faciunt*)".

Мы полностью привели эту главу Конституций Миланского собора, потому что она уникальна в истории соборов и показывает нам церковную власть в полном взаимопонимании с юридической властью, чтобы организовать, регулировать и пресекать общественную проституцию, не уничтожая ее и даже не поражая анафемой.

ГЛАВА VII.

Резюме -Вестибюли лупанара -Эроическая трагедия сменяется либертинской комедией - Церковь не могла позволить театру оставаться в оппозиции к евангельской кафедре - Потакание авторам и соучастникам театральных беспорядков -Роль проституции в привычках театра -*Дицелии* -*Магоды* -*Мимы* -Пантомимы -*Дицелии* -*Магоды* - *Мимы*.Пантомимы -Ателланы -Пантомима *Ариадны и Вакха* -Комедианты -Греческие эротические танцы -*Эпифаллос* -*Гедион и гедукомос* -*Бридалика* -Ламптротера-

Ламптротера.-Стробилос.-Кидарис.-Апокинос.-Сибаритике.-Мотон и т.д.-Римские танцы.-Кордас.-Эквилибристы и канатоходцы.-Театральные образы.

Церковная власть, которая заявила о себе голосом соборов и трудов отцов, как бы терпимо она ни относилась к легальной проституции, этому императивному недугу социального и политического тела, стремилась атаковать и уничтожить его причины с рвением и суровостью, которые никогда не замедлялись. Среди этих более или менее непосредственных причин, которые христианство сделало известными к отвращению верующих, необходимо упомянуть в первую очередь игры цирка и театра, которые включали в себя танцы, пантомиму и нецензурную музыку. Мы уже говорили о непристойности этих танцев и пантомимы; мы говорили, что цирк и театр были не более чем притворами борделя (т. II, с. 9); мы указали на истинную профессию флейтистов, китаредов, псалтирщиков, танцовщиц и солеварщиков; но эта тема почти не затрагивалась в тех немногих отрывках, где она имеет лишь одну из своих граней, и мы не можем не вернуться к ней здесь более подробно, чтобы дать представление об ужасном рассаднике проституции, который христианская церковь должна была подавить или хотя бы ограничить. Бесспорно, что театр у греков и римлян оказал пагубное влияние на общественную мораль и открыл, так сказать, постоянную школу проституции. Неустанные нападки докторов церкви на театр и все, что от него зависело, станут более понятными, если мы осознаем глубокую деморализацию, порожденную и развитую страстью к театру в языческом обществе, которое без правил и ограничений устремилось в погоню за чувственными удовольствиями.

Хотя политеизм, безусловно, сыграл большую роль в создании античного театра, хотя мифология воплотилась в популярных драмах Греции и Италии, и хотя трагедия изначально была не более чем формой религиозной мистерии, церковь, без сомнения, простила бы трагические и лирические произведения Эсхила, Софокла и Еврипида, а театр, который мы назовем героическим, нашел бы благосклонность у самых строгих цензоров; Но в результате ослабления нравов, в то время, когда христианство должно было основываться на морали, трагедия, эта древняя и целомудренная муза, которая когда-то учила добродетели людей, движимых восхищением и уважением, казалось, была сбита со своего треножника и изгнана из своего храма: На смену ей пришла комедия, эта глупая и распутная муза, которая под предлогом исправления пороков развлекалась тем, что раскрашивала их в привлекательные цвета, и бесстыдно выставляла на сцену пороки, скрытые в недрах семей и в тайне сердец. Сатирическая школа Аристофана и Эвполиса, допуская в своем языке множество непристойностей, вызывала прежде всего озорство зрителей, а не их распутство; веселая и приятная школа Менандра и Плавта давала просвещенной публике, наслаждавшейся исполнением этих комических шедевров, повод посмеяться и одновременно задуматься; Но ни Менандр, ни Филемон, ни Плавт, ни их подражатели и имитаторы не слишком заботились о приличиях, которых комедия в то время, казалось, не требовала, и вместо этого отдавались на волю воображения, на волю духа, не боясь оскорбить глаза и уши своих зрителей. Их целью, возможно, было, выставляя картины, полные дерзости и грубости, заставить моделей этих циничных и постыдных полотен краснеть, как перед зеркалом; они не жалели выражений, чтобы охарактеризовать нелепые любви стариков, страсти и глупости молодежи, подлость паразитов, жадность ростовщиков, вероломство камердинеров, подлости работяг и ленников, хитрости и уловки куртизанок. Эти люди, кроме того, говорили на своем языке в театре, и никогда страх перед скандалом не останавливал ни одного доброго нечестного слова из-под пера комического поэта. И никогда неистовые аплодисменты вульгарных людей не приветствовали эти нескромные банальности.

И все же христианская строгость, несомненно, склонилась бы перед литературным почетом, который великие греческие и латинские комедиографы приобрели благодаря стольким развратным образам и стольким безнравственным наставлениям; но эта высокая комедия, которая, тем не менее, допускала только сцены, заимствованные из интимной жизни куртизанок, стала еще более проституированной, так сказать, и в конце концов скатилась к пантомимам и ателланам. Церковь Иисуса Христа не могла в одно и то же время проповедовать целомудрие и позволять театру существовать напротив кафедры. Поэтому было принято решение о разрушении театра, как и языческих храмов, но храмы сопротивлялись не так долго, как театр. Даже трагедия оказалась под запретом, который без разбора обрушился на все виды представлений, на всех актеров и на все виды светских развлечений. Церковное право было согласно с римским в этом вопросе, поскольку осуждало на позор тех, кто играл в театральных играх; более того, оно объявляло их исключенными из своего общения, и не менее строго относилось к поэтам и музыкантам, которые поддерживали *театральную дерзость*. Вероятно, отцы Церкви считали нужным направить эти репрессии не на происхождение театра, а на его нечестивые и развращенные произведения, против которых они ставили барьер, надолго лишивший их силы из-за привычки к подобным развлечениям. Так, в анафемах, которые Тертуллиан, Лактанций, святой Киприан и другие отцы обрушили на театры, они даже не упоминают о тех праздниках Вакха, которые были колыбелью драматического искусства и на которых хор вакхов и фавнов, измазанных квасом и обвешанных памперсами, пел развратные песни и танцевал вокруг непристойных изображений, которые несли на триумф. Древние греки судили свою комедию так же строго, как и доктора церкви позже, ибо они называли ее элегантно и лицеприятно куртизанкой (*meretricula elegans et faceta*, говорит иезуит Буленгер в своей книге *De theatro*); святой Киприан называл ее школой нечистоты; святой Иероним - арсеналом проституции.

Но здесь не место для перечисления всех обвинений и претензий, выдвинутых Церковью против театральных представлений любого рода; мы просто хотим показать, какие эксцессы скандала и непристойности побудили христианских епископов осудить без разбора все, что относилось к языческому театру. Когда начались эти канонические гонения, целью которых было преследование нечистоты в произведениях театрального дьявола, изнеженный вкус публики уже не испытывал такого удовольствия от представлений хорошей комедии: Аристофана, Менандра, Эвполиса, Плавта и ведущих комедиографов Афин и Рима реже можно было встретить на сцене, чем в библиотеках. Именно там их искали суровые католические анафемы, и там же с прискорбным религиозным рвением уничтожались все эти шедевры поэзии и веселья, которые греческие и римские нравы запятнали развратным лаком. Именно куртизанки, сутенеры, кинематографисты и развратники стали причиной гибели стольких прекрасных пьес, которые эти бесчестные персонажи наполнили своими грязными портретами и мерзкими доктринами. Так до нас дошли лишь фрагменты Менандра, написавшего сто десять комедий и превосходно изображавшего проституцию. Еще меньше сохранилось от Филемона, Эвполиса и греческих комедиантов, чья странная свобода шуток и смелые мазки приговорили их к костру без отпущения грехов. Плавт погиб бы, как и Менандр, которому он подражал, если бы не счастливый случай сохранить двадцать его комедий, которые дают нам представление о том, что греческая комедия была посвящена истории куртизанок и их любви, так же как трагедия была посвящена истории богов и героев. Что касается Аристофана, то трудно сказать, почему он почти полностью уцелел после систематического уничтожения театральных произведений: Если его пощадили, несмотря на отвратительную грязь, которой были наполнены диалоги его пьес, то можно с некоторой долей вероятности предположить, что отцы церкви не слишком стремились доказать, что языческий поэт вытащил на сцену богов и богинь язычества, бичуя

их плетью сатиры и покрывая грязью и слюной. Лукиан был обязан сохранением своих произведений схожим мотивом, несмотря на непристойности, из-за которых они были бы занесены в черный список христианской церкви.

Эта церковь, не прощавшая письменных памятников театрального разврата, была более снисходительна к авторам или соучастникам этих театральных бесчинств. Согласно римскому праву, на каждом, кто побывал на сцене, оставалось несмываемое пятно; но это пятно стиралось в общении христиан, если раскаявшийся гистрион отрекался от своего позорного состояния. "Если какой-либо комедиант, - говорится в Апостольских конституциях (liv. VIII, ch. 32), - будет принят в лоно Церкви, будь то мужчина или женщина, кучер цирка, гладиатор, бегун, директор театра, атлет, хорист, игрок на арфе или лире, балансир или мастер балерин, он должен отказаться от своей профессии или быть исключенным из общения верных". Отлучение, как мы уже говорили, налагалось на всех грешников, зарабатывавших на жизнь театром, и не все они были одинаково виновны; но, по мнению отцов, театр, каким бы он ни был, был уделом похоти и непристойности: "*Театры порождают похоть*", - говорит святой Иероним (Epist. ad Marcel.). Тертуллиан в своей книге о ереси Маркиона осуждает преступное сладострастие цирка в ярости, оркестра в головокружении и театра в разврате (*voluptates circi furentis, caveæ insanientis, scenæ lascivientis*). Мы видели, что произошло в большом цирке Рима, на празднике Флоралий, где присутствие Катона помешало народу дать сигнал к этому отвратительному зрелищу. Несмотря на Катона, несмотря на предостережения философов, несмотря на эдикты консулов, Флоралии все еще праздновались тем же способом; и Лактанций, который описывает их (Liv. I, гл. 20), достаточно доказывает нам, с какими трудностями столкнулось христианство, чтобы отнять у языческого населения его неблагородные удовольствия. "Помимо разнузданности слов, которые переливаются в потоки непристойностей, - говорит святой автор "Божественных установлений", - мерзкие женщины под нетерпеливые крики зрителей лишаются одежды. В этот день именно они заведуют пантомимой и на глазах у всего народа, пока не удовлетворены их нескромные взоры, совершают постыдные движения (*cum pudendis motibus detinentur*)". Арнобий, также повествуя об этих невероятных скандалах, считает, что сама куртизанка Флора с почестями удалилась бы, как Катон, если бы увидела, какие мерзости устраивались в ее честь и какие лупанары уводили в театры (*si suis in ludis flagitiosas conspexerit res agi et migratum ab lupanaribus in theatra*). Если в третьем веке христианской эры на глазах у римлян все еще происходили "Флоралес", то отсюда мы видим непристойность сценических представлений, против которых уже победоносно выступала католическая церковь с помощью проповедей и воздержания.

Комедия в тоге, *togata*, предназначалась только для образованных умов, а значит, для немногих; Святой Киприан в своем Послании 103 не менее осуждает элементы греческой и латинской комедии, интриги героев, обманы прелюбодеев, дерзость женщин, и смешных шутов, и этих позорных паразитов, и этих отцов семейств, этих патрициев, иногда глупых, а иногда непристойных: "Все эти актеры, - возмущается он, - играют ли они священные или непристойные сюжеты, разжигают театральную грязь не только потому, что пьесы, которые они представляют, непристойны, но и потому, что их движения и жесты нескромны, потому что часто на сцену переносятся акты проституции, et que la Prostitution s'exerce en même temps sous la scène (*actores omnes, cum sacri tum profani, spurcitiam scenæ exagitant, non modo quod fabulæ obscenæ in scena agerentur, sed etiam quod motus, gestusque essent impudici, atque adeo prostibula ipsa in scenam sæpe venirent et sub scena prostarent*)."

Фактически, по свидетельству эротических поэтов, мы изобразили проституцию, которая происходила в театрах и цирках, а затем совершала свои нечистые сделки у ворот, в окрестностях этих общественных мест и даже под сводами (*fornices*) здания, где

проводились игры. Уже один этот факт показывает, какую роль играла проституция в привычках театра. Правда, честные женщины, матери и матроны, редко посещали спектакли; но у *lènes* и *lénons*, знаменитых куртизанок и популярных меротриков, *cinædes* и *spadons*, была свобода действий, и каждая из них пользовалась чувственным возбуждением, неотделимым от этих театральных игр, чтобы предаться своему презренному ремеслу. Просцениум или проскениум театра был специально отведен для молодых, безбородых придворных самого отвратительного разврата. Плавт, однако, хочет изгнать их с проскениума в прологе к "Пинулусу": *Scortum exoletum ne quis in proscenio sedeat*. На самых заметных террасах торжествовали модные иностранцы, митроносцы, посылавшие своих эмиссаров ждать, собирать или выпрашивать то тут, то там предложение. Самые высокие террасы были заняты отбросами проституции, которые стекались в тошнилочки и пачкали своими нечистотами огромные, темные подконструкции театра или амфитеатра. Не только мерены, но и дети, проданные в разврат, проституировали в этих дурных местах, так сказать, завися от всех представлений. Иезуит Буленгер прямо заявляет об этом в своем трактате *De Circo romano* и не пытается скрыть гнусное назначение театральных склепов: *Certè ad omnia pene gymnasia*, говорит он, *et spectacula, erant popinæ et ganeæ utrique veneri masculæ et femineæ*. Из двух отрывков в книге Махавея следует, что эти благородные святилища мужской Венеры назывались по-гречески ἑφηβία, а по-латыни *ephebia*. Христианство, чтобы добиться закрытия *эфебов* и уничтожения этих отвратительных нравов, не хотело оставить ни одного театра.

Поэтому зрители и актеры демонстрировали бесстыдство, но самая бесстыдная комедия была целомудренной по сравнению с пантомимами и пантомимами, которые, казалось, были изобретены только для того, чтобы служить вспомогательным средством для проституции. У греков сценические действия, иногда безмолвные и переводимые в жесты, иногда диалоги и речи, иногда песни и танцы, произошли от сельских праздников, устраиваемых в честь Вакха, Пана, Флоры и других сельских божеств. Это уже не были фаллические гимны, которые хором повторяли пьяные крестьяне, прыгая вокруг своих полупустых амфор, а другие размахивали веревками вокруг непристойных изображений (*oscilla*), подвешенных на соснах и получивших самые развратные формы и обличья благодаря придаваемому им движению. Фаллические песни, несомненно, были увековечены в деревнях Аттики, где веселая колесница Фесписа все еще разъезжала во время вакханалий. Но в городах это грубое зрелище приобрело более театральный характер, не утратив при этом своей первобытной непристойности. Так возникли *дицелии*, *магодии* и *пантомимы*. Дикелисты, которых сицилийцы называли *фаллофорами*, выходили на сцену только в атрибутах Приапа, бога Терма, Пана и сатиров, которые руководили этими развратными народными забавами: не все их выходки пришли оттуда. Что касается магод, то актеры, которых Афиней называет *магодами*, одетые как женщины или развратницы, чьим эмблематическим знаком была прямая палка, называемая *ῥεσκος*, играли роли пьяниц и гротескных деревенских жителей и выражали себя жестами и гримасами. В мимах же баладины добавляли к этим ужимкам и бесчестным жестам позорные песни и не менее непристойные диалоги. Мимы перебрались в Рим, где их сопровождали все сладострастные аксессуары танца и музыки. Шуты, выступавшие в этих комедиях на перекрестках, брили головы и носили, наряду с плоскими башмаками, одежду столь же яркой расцветки, как и у проституток низкого класса. Пантомимы, не прибегавшие к банальному диалогу, использовали огромные возможности мимики для постановки самых непристойных эпизодов из мифологии. Наконец, ателланы, которые часто напоминали сатирика Аристофана и нападали на людей, прямо обвиняя их пороки и недостатки, не гнушались подхватывать свои бонмоты в трясине проституции. Эти ателланы, зародившиеся в Ателле, городе орков, были национальной комедией Италии и сохранили не одну традицию фавнов и луперков.

Мифологические пантомимы всегда были теми, которые больше всего взывали к чувствам зрителя. Задолго до того, как они осмелились появиться на сцене, они были предметом восторга на званых обедах и вечерах в Греции и Риме. Ксенофонт в книге "Банкет" описал одну из таких пантомим, которая, хотя и довольно вольно, не дает даже представления о том, каким этот вид зрелища стал впоследствии, когда он перешел из тайны пиршественных залов в светлое время суток публичного представления. Сиракузец, мастер пантомимы, так объявлял гостям представление, которое собирался предложить: "Граждане, это Ариадна, которая вот-вот войдет в брачный чертог; Вакх, немного поразвратничав с богами, придет и найдет ее, и они вдвоем погрузятся в опьянение сладострастия". Входит Ариадна, одетая в свадебные одежды; она садится, задумчивая и дрожащая. Появляется Вакх в костюме бога, марширующий в ритме триумфальных арий, посвященных его торжественным празднествам. Ариадна жестами показывает, как она рада появлению мужа, но старается не встречаться с ним, даже не покидает своего места, но ее бьющаяся грудь, покрасневшие щеки, дрожь во всем теле выдают ее волнение. Вакх вдруг заметил ее и страстными движениями направился к ней. Пантомима ясно, если не целомудренно, выражала то, что не могло выразить устное слово, и в какой-то мере восполняла язык богов. Легко представить, какими могли бы быть басни о Пасифае, Леде, Иксионе и многие другие столь же чудовищные басни в интерпретации этой пантомимы, которая стремилась быть столь же верной, сколь и красноречивой. Обычно женские роли исполняли юноши, которых, по энергичному выражению святого Иеронима, с детства приучали к этому женскому маноз: "*In scenis theatralibus*, говорит святой Иероним, *unus atque idem histrio nunc mollis in Venerem frangitur, nunc tremulus in Cybelem*." Понятно, что при виде этих нечистых жестикуляций (*impuris motibus scenicorum*), как говорит святой Августин в своем "Городе Божьем", те, кто сохранил остатки скромности, краснели; но тем не менее в этой школе разврата они учились отвратительному разврату, которому потом старались подражать, а то и превосходить.

Были, впрочем, и женщины-актрисы, хотя большинство женских ролей доставалось мужчинам, чтобы еще больше возбудить самые развратные страсти. Эти актрисы, какое бы положение они ни занимали на сцене, были еще более презираемы, чем гистрионы, и к их клейму позора добавлялось клеймо блуда, какими бы честными они ни были в остальном. Им нужно было забыть о скромности своего пола, чтобы предаться постыдному рабству своей профессии. Прокопий в своей истории рисует портрет театральной куртизанки, чье непристойное искусство сделало ее столь же знаменитой, как и ее красота; этот портрет, взятый из жизни VI века, покажет нам, что в то время, несмотря на постоянные усилия христианской церкви, театр еще не подвергся нравственной реформе, к которой призывали все врачи и епископы: "Как только она достигла половой зрелости, несмотря на то, что родилась в свободном обществе, она захотела попасть в список женщин, которые занимались проституцией на сцене. Так она стала мерисью в театре, подобно тем несчастным женщинам, которых называют педерастами или педанеями, потому что они ищут счастья на пирах, не принося с собой музыкальных инструментов, или, скорее, потому что они ложатся на землю, чтобы отдаться грубым обидчикам (*quia ad terram se subigendas mœchis substernerent*, перевод иезуита Буленгера); ибо она не владела ни флейтой, ни арфой; она не научилась танцевать в оркестре; но она продавала себя каждому встречному, торгуя всеми частями своего тела. Затем она предложила свою помощь мимам во всем, что касалось театра, и стала спутницей шутов и гротесков, участвуя их сценической работе и играя свою роль в представлениях. Часто ее выставляли обнаженной перед глазами народа, и она оставалась в этом состоянии наготы, посреди сцены, не имея никакой другой одежды, кроме легкой вуали вокруг своих чресл (*βουβῶνας διάζωμα ἔχουσα μόνον*)".

Эти дерзкие обнажения, эти непристойные жесты, эти отвратительные пантомимы слишком хорошо подтверждают строгое суждение Тертуллиана о театре в целом и о печальных жертвах общественного распутства в частности (*publicæ libidinis hostiæ*): "Эти палачи собственной скромности, - говорит он, - по крайней мере, раз в году краснеют от своих ужасных проституций, которые они смеют показывать среди бела дня, и от которых народ часто приходит в ужас!" Святой Василий добавляет последний мазок к пугающей картине театральной нечистоты, нарисованной отцами Церкви, знакомя нас с поведением зрителей во время пантомимных представлений: "Оркестр, изобилующий непристойными зрелищами, - говорит он в своей четвертой гомилии *ad Examer...*, - является общественной и общей школой нечистоты, это общественная и общая школа блуда для всех, кто туда ходит и сидит, а звуки флейт и развратные песни, которые овладевают душами слушателей, не достигают иного результата, кроме как овладевают безумием всех тех глупцов, которые предаются разврату и отбивают время вместе с кифаредами и флейтистами". Греческий язык настолько выразителен в этом необычном отрывке, что нам не удалось перевести его на французский так же буквально, как иезуит Буленгер перевел его на латынь: *Оркестр*, говорит он, *quæ abundat spectaculis impudicis publica et communis schola impudiciæ iis qui assident, et tibiæ cantus et cantica meretricia insidentia audientium animis, nihil aliud persuadent, quam ut omnes fœditati studeant et imitentur citharistarum aut tibicinum pulsus*. Более того, отцы, осуждая порочность театра, не стесняются изображать и характеризовать ее без утайки; Арнобий говорит о тех подергиваниях чресл (*clunibus crispatis*), на которые нельзя смотреть спокойно; святой Киприан говорит, что пантомима - это искусство выражать руками все то, что непристойно в мифологических баснях; Лактанций утверждает, что театральная пантомима состояла прежде всего из жестов и поз, с помощью которых в танце имитируются все оттенки удовольствия (*impudici gestus, quibus infames feminæ imitantur libidines quas saltando expriment*); Сальвиан заявляет, что перечислять все имитации постыдных вещей, все непристойности слов и созвучий, всю мерзость движений, всю грязь жестов было бы слишком долго. Отцы, хотя и были христианами, возмущались тем, что боги и богини язычества превратились в мерзкие маскарады и отвратительную профанацию пантомимы; Арнобий был поражен тем, что кто-то осмелился превратить Венеру в гнусную куртизанку и ужасную вакханку, в Риме, где Венера имела столько храмов и статуй как божественная прародительница римского народа (*saltatur Venus et per affectus omnes meretriciæ vilitatis impudica exprimitur imitatione bacchari*).

Христианство, объявив вне закона все сценические игры, меньше заботилось о комедии, чем о танце, с которым были связаны все виды проституции. Танец, - как говорит Люсьен в своем диалоге об этом сладострастном искусстве, - восходит к колыбели мира и был рожден любовью". По этому поводу Люсьен приводит вифинский рассказ, согласно которому Приапе, отвечавший за воспитание Марса в детстве, обучал его танцам, а не оружию, чтобы развить как физическую силу, так и воинственный характер своего воспитанника. Именно поэтому, гласит мораль этой аллегорической басни, десятая часть добычи, взятой Марсом на войне, всегда достается Приапу. Отцы Церкви не считали, что это воинственное происхождение может оправдать эротический танец. Действительно, пирровы и другие боевые танцы, которые когда-то возвышали мужество Лакедемонии и опьяняли Грецию звоном щитов, давно перестали танцевать; сами религиозные танцы казались холодными и немymi. Зато повсюду, в театрах, гимназиях и на пирах, появились развратные танцы и мифологическая пантомима. Они были в моде как у стариков, так и у молодых: люди не уставали смотреть на баладинов, танцующих от восхода до заката (*ab orto sole ad occasum*, говорится в переводе Василия Блаженного, Ном. IV, *ad Examer.*). Эти танцы вызывали некий бред в рядах зрителей, которые, даже если они были лысыми и носили длинную белую бороду, тряслись в ритме на своих местах и позорно аплодировали танцорам, этим гнусным

гистрионам блуда, этим деградировавшим мужчинам и заблудшим женщинам, заклеенным печатью позора римским законом. Вот как Люсьен изображает старого философа в окружении куртизанок и развратников, качающего отбеленной головой и падающего в обморок от удовольствия, глядя на слабоумного негодяя, недостойного называться мужчиной: "Вы будете сидеть в оркестре, - говорит Кратон Люсьену, которого он жадно ищет, - чтобы опьянить ваши уши песнями и звуками флейты, чтобы очаровать ваши глаза зрелищем позорного человека, который, одетый в одежды нежности и повинующийся развратным кантиленам, подражает во всех своих излишествах страстям некоторых бесстыдных женщин, таких как Федра, Парфенопа, Родопа, и жестикулирует под замирающие звуки лиры, под стук ног, отмечающих каденцию!" Люсьен, поддерживающий искусство танца и провозглашающий его столь же полезным, сколь и приятным, не может, однако, не упомянуть о гимнопедии и других греческих танцах, в которых изображались обнаженные девы и дети: "Танец, - говорит он, - должен изображать нравы и страсти... Танец не имеет границ: он охватывает все предметы; это зрелище, объединяющее все остальные, инструменты, ритм, меру, голоса и хоры". Это объясняет, почему такое искусство было в высшей степени властно над чувствами, всегда готовыми к сладострастию; в то же время это объясняет, почему христианские епископы так старались подавить неодолимые соблазны танца.

Было бы слишком долго перечислять здесь все виды театральных или званых танцев, которые привлекали строгую бдительность церкви и которые казались ей прежде всего запятанными проституцией, но мы уже указали, в частности, те, которые напоминали какой-нибудь мифологический факт о любви на Олимпе. Самыми известными и наименее пристойными были "Танцы Венеры", ἄφροδίτη, своего рода развратный эпос, состоящий из множества пантомимных сцен, сопровождаемых непристойными песнями и возбуждающей музыкой. Вся история Венеры и ее бесчисленных прелюбодеяний воспроизводилась с такой нечистой правдой, что поэт "Метаморфоз" и "Искусства любви", сладострастный Овидий, покраснел, увидев, что его стихи переведены в движения, жесты и эротические позы: *Scribere si fas est imitantes turpia mimos*, сказал он, удивляясь правдоподобности таких постановок. Афинея дает нам названия ряда танцев того же рода, которые он не описывает, но непристойность которых он более или менее характеризует. Это *эпифаллос*, который произошел непосредственно от фаллических праздников и игр; *гедион* и *гедукомос*, танцы, смешанные с непристойными песнями; *бридалика*, происходящая из Лаконии, которую танцевали женщины в смешных масках чудовищной непристойности; *лампротера*, танцоры которой были полностью обнажены и провоцировали друг друга распутными высказываниями; *стробилос* или ураган, который поднимал платья актеров над головой; *кидарис* или шляпа, нескромный танец аркадян; *апокинос*, который состоял из невероятного трепетания бедер; *сибаритство*, полностью оправдывающее свое название; *мотон* или раб, позволявший себе множество вольностей; *рикноустаи* и *диарикноустаи*, к услугам которых было множество возбуждений и подергиваний тела, и так далее. Ученый Мурсий написал целый том эссе о танцах греков, и он далеко не исчерпал эту деликатную тему в том, что касается танцев любви.

Римляне также отмечали мягкость и дерзость этих танцев, которые исполнялись без вуали на театрах и ежедневно способствовали развращению нравов. Батилла, Пилад, Фабатон и другие знаменитые пантомимы были создателями различных танцев, которые были не менее развратны, чем танцы Египта и Греции. Но самым почитаемым танцем в Риме, который любили римляне, был кордас, обязанный своим успехом чудесному покачиванию поясницы и бедер. Сенека жаловался, что этот либидинозный танец был выведен на сцену (Nat. Quæst. I, I, с. 16). Из этимологии названия этого греческого танца следует, что первые танцоры

подвешивали себя на тресе и раскачивались в воздухе в тысяче шутовских и бесчестных поз: это было традиционное напоминание о тех *осциллах*, которые исполнялись на праздниках Вакха и которые иногда принимали столь необычные формы.

Почти все сценические танцы требовали невероятной ловкости тела и необычайной гибкости конечностей. Все танцоры были в большей или меньшей степени канатоходцами и тугодумами. В "Банкете" Ксенофонта мы видим, как маленькая танцовщица делает сальто назад, прижимая голову к пяткам, а шут делает сальто вперед под звуки двойной флейты. Танцоры так путаются в своих движениях, поворачиваясь на себя, что падают, обессилев от движения во все стороны. С древнейших времен эти танцоры были обнажены, некоторые носили непристойные амулеты, другие были намазаны тмином или шафраном, одни имитировали женский пол, другие увеличивали пропорции своего пола, все были с бритыми головами и подбородками, многие носили петас как знак женоподобного нрава. Эта обычная нагота корифеев танца особенно усиливала его постыдный характер. На фреске из Геркуланума изображен полностью обнаженный ребенок-танцор, танцующий в руках флейтиста, сидящего у подножия пиршественного ложа, где два гостя взаимно оживляются этим развратным зрелищем. Суидас упоминает еще один обнаженный танец, в котором актеры прикрепляли огромные мочевые пузыри, окрашенные в красный цвет, вокруг своих чресл или на шею, выглядящие как *осклизлые* и принимающие нескромный вид с каждым движением танца (см. отрывок Суидаса в трактате Буленгера "Театр", т. I, с. 52).

Вполне естественно, что наемники, которые предавались подобным играм в проституцию, должны были быть отмечены позором и включены в разряд мерингов и кинедов. Таким образом, в первые века существования латинского театра актеры, подвергавшие себя подобному общественному презрению, не только исключались из числа граждан, но даже могли быть изгнаны из Рима по приказу цензоров. Во времена цензурной скромности ни один мужчина не допускался на сцену в женском костюме, и различие между полами устанавливалось в глазах зрителя только особым характером театральной маски. Но, несмотря на решения магистратов, безнравственность театра вскоре прорвала все дамбы, и королевой этих нечистых собраний стала проституция. За некоторыми исключениями, которые могли определяться только талантом актера и характером человека, все, что появлялось на сцене, было позорным и порочным. Аплодисменты народа только подтверждали эту позорность. Среди актеров были только евнухи, кинеды, *пациенты*, спадоны и прочие соучастники противоестественного разврата; среди актрис - только проститутки всех мастей. Арнобий выражается по этому поводу с энергией, с которой не сравнится самый точный перевод; он говорит о развращающем влиянии музыки и пантомимы: "Эти женщины, - говорит он, - становятся меркантильными, играющими на арфах и инструментах, чтобы отдать свое тело безродной торговле, чтобы показать свое бесчестье перед народом, который принадлежит им, быстро бросаются в публичные дома, ищут приключений под сводами театра, не отказываются ни от какой нечистоты и предлагают свои уста для разврата: *In feminis fierent meretrices, sambucistriæ, psaltriæ, venalia ut prosternerent corpora, vilitatem sui populo publicarent, in lupanaribus promptæ, in fornicibus obviæ, nihil pati renuentes, ad oris stuprum paratæ.*" И все же именно из этих обещанных женщин христианство черпало своих мучеников и святых.

Основатели христианства почувствовали необходимость атаковать языческий театр с ног до головы, чтобы провести реформу нравов; они объединили все свои силы, весь свой авторитет, все свое красноречие против этого грозного врага, который защищался мощным оружием чувственности, удовольствия и проституции; но на протяжении более шести веков

театр выдерживал эти нападки и рухнул только после того, как были разрушены последние алтари многобожия. Проституция не была раздавлена под обломками сцены.

ГЛАВА VIII.

Резюме - Цель христианства в реформе общественной морали - *Вектигаль*, или *люстральный налог*, который платили проститутки в Римской империи - *Дневной и ночной труд* - Непристойный вектигаль.-Налог на меркурий при Гелиогабале -*Люстральная аура* - Сборщики люстрального налога на проституцию -Эпитафия агенту такого рода -Александр Северус решает, что *люстральное золото* будет использовано для общественных фондов.- Отмена права заниматься мужской проституцией.- *Хрисаргир*.- Люстральная капитуляция ограничена пятью годами.- Сборщики *хрисаргира*.- Эпитафия первого *люстрала* империи.- Его дочь *Верекундина*, или *Пудибонда*.- Эссе о происхождении слова *люстрал*.- Константин Великий не создавал хрисаргир.- Указы этого императора о *люстральной колляции*.Протест философов против налога на проституцию - Феодосий II отменяет налог на лены при сборе люструмов - Prolegomena к роману De lenonibus - Куртизанки остаются зависимыми от налоговых органов - Перепись проституток - Феодосий II отменяет налог на лены при сборе люструмов - Prolegomena к роману De lenonibus - Куртизанки остаются зависимыми от налоговых органов.-Перепись проституток - Объяснение Цедреном конституции хрисаргира - Протесты сборщиков нечистых вектигальных денег - Как эти агенты устанавливали роли проституции.Император Анастасий отменил налог на хрисаргир - Планы сборщиков налогов и крестьян по его восстановлению - Как Анастасию удалось разрушить их надежды - Налог на хрисаргир вновь появился при Юстиниане - Снисхождение этого императора к проституткам - Императрица Феодора - Дом уединения и покаяния для публичных женщин - Пятьсот затворниц императрицы.

Остается рассмотреть влияние, которое христианство оказало на римскую юриспруденцию и на указы императоров с точки зрения проституции. Это заметное влияние, исходившее от соборов, не отклонялось от их доктрины, и все христианские императоры, от Константина до Юстиниана, стремились ограничить проституцию в более узких рамках, под более строгим надзором, не ставя под угрозу безопасность общественной жизни попытками полного ее подавления. Несомненно, императоры руководствовались в этом случае просвещенными рассуждениями отцов Церкви, которые признавали существование проституции в государстве как необходимое и неизлечимое зло, как рану, которую не следует залечивать, а только ограничивать и скрывать. Но, с другой стороны, с помощью той же системы они стремились уничтожить зло в его сущности, налагая самое строгое наказание на все акты *lenocinium*. Таким образом, цель христианства в реформировании общественной морали посредством имперского законодательства можно сформулировать следующим образом: остановить прогресс проституции, сократить и ограничить ее масштабы, удалить всех ее нечистых паразитов, позволить ей существовать в тени презрения для использования несколькими извращенцами, сделать ее, если возможно, еще более позорной и унижительной, и провести более глубокую и заметную линию разграничения между ней и честной жизнью.

Но прежде чем обратиться к тому, что мы назовем христианской полицией проституции при Константине и его преемниках, мы должны рассмотреть смежную тему, которая заслуживает отдельного изучения. Речь идет о вектигальном или люстральном налоге, который платили проститутки по всей Римской империи со времен правления Калигулы, установившего этот налог. Примечательно, что этот скандальный вектигаль, взимаемый за социальную

развращенность, сохранялся до Анастасия Ier, и что христианские императоры до этого принца соглашались пачкать свои руки, черпая золото из этого безнравственного источника. Правда, они, кажется, хотели очистить это позорное золото через благочестивые и полезные фонды, среди которых мы находим учреждение дома убежища или покаяния для проституток. Налогообложение проституции в древности тем более интересно, что мы увидим его более регулярным и менее произвольным в наше время, под управлением администрации, которая претендует на то, чтобы быть основанной на морали и религии.

Римляне называли *вектигалом* любой вид налога, взимаемый (*vectus*) с имущества людей, которые его вносили: вектигалу подлежало все в вещах и привычках общественной жизни; но не похоже, чтобы проституция облагалась налогом до Калигулы, который приказал, чтобы каждая проститутка платила налоговнику восьмую часть своего дневного заработка (*ex capturis*), что создало пропорциональный налог, который следовал за течением проституции и рос или падал вместе с ней. Однако мы не принимаем различие между ночным и дневным трудом проституток, которое, по мнению Торренция, известного комментатора Суетония, следует проводить, утверждая, что только последние приравнивались к труду носильщиков и подлежали имперскому налогообложению. Слово *captura* не делает этого слишком тонкого различия, и Калигула не был настолько невинен, чтобы лишить себя лучшей части доходов от порнобизнеса. Это еще не все; чтобы еще больше увеличить доходы от непристойного вектигала, Калигула также заставил всех тех, мужчин или женщин, которые практиковали *meretricium* или *lenocinium*, делать взносы в него; но Суетоний не говорит нам, что это было за право, которое, несомненно, не имело ничего фиксированного или постоянного, поскольку на браки также распространялось право такого же рода (*nec non et matrimonia obnoxia essent*). Этот вектигаль, конечно, не был призван умерить злоупотребления проституцией, сделав ее более обременительной. Напротив, это была гарантия терпимости, которую власти требовали от всех агентов общественного разврата. Это было далеко от запретительных законов Тиберия, который ссылал или высылал патрицианских проституток и развратных конников, чтобы наказать первых за то, что они были внесены в списки куртизанок, а вторых - за то, что осмелились появиться на театре или арене. Созданный Калигулой налог не был отменен и в последующие царствования, но его основа и форма несколько раз менялись, чтобы он приносил больше прибыли и обложил как можно больше налогоплательщиков.

Мы уже видели (т. II, гл. 29), что мерзкий Гелиогабал вздумал, чтобы увеличить доходы от проституции, открыть публичные дома в собственном дворце и произвольно повышать тарифы этих императорских борделей, в которые стекались матроны и римские рыцари, ревнуя об увеличении доходов Цезаря. Но налог Меретрика больше никак не измерялся, и сборщики, ответственные за его взимание, устанавливали его в зависимости от своей прихоти или состояния отдельных лиц. Ксифилин использует греческое слово, аналогичное латинскому слову *captura*, из Суетония, описывая лупанарные учреждения Гелиогабала: *χρήματά τε παρ' αὐτῷ συνέλεγε, καὶ ἐγαυροῦντο ταῖς ἐμπολαῖς*. Вексель проституции, *meretricium*, включал в себя всевозможные пошлины, которые взимались с каждого, кто занимался развратом, независимо от его пола, возраста или звания: ленников и ленниц не щадили в этом произвольном взносе, а дети приносили большие суммы, чем женщины, поскольку были более многочисленны. Этот позорный налог, чтобы его не путали с другими всевозможными *вектигалиями*, сокрушавшими честное население, отныне маскировался под названием *aurum lustrale*, либо для того, чтобы обозначить, что налог имел характер искупления или был эквивалентен очищению от непристойного акта, либо для того, чтобы

намекнуть на само происхождение налога, который поступал в основном от лупанаров, известных как *lustra*. Сбирать этот налог, должно быть, было очень трудно, и сборщики, на которых возлагалась эта задача, несомненно, были вооружены неким авторитетом, позволявшим им преодолевать недоброжелательность деградировавших существ, поставленных под их надзор. Более того, можно с уверенностью сказать, что обязанности сборщика люстрального золота не несли на себе отпечаток бесчестия для тех, кто выполнял эту тяжелую общественную работу; в надписях Грутера, №347, мы находим эпитафию агента такого рода, который описывается следующим образом: P. AELIO T. F. AVRI LVSTRALIS COACTORI.

Налог на люстровое золото был слишком дорог для государственной казны, чтобы от него можно было легко отказаться. Поэтому Александр Север, ненавидевший это испорченное золото, решил очистить его, используя для общественных нужд: он направил его на восстановление театра, цирка, амфитеатра и стадиона, чтобы эти памятники, посвященные удовольствиям народа, содержались за счет проституции. (*Lenonum vectigal*, говорит Суетоний, *et meretricum et exoletorum, in sacrum ærarium inferri vetuit*). Ламприд, рассказывая об этой честной реформе, которой ознаменовалось правление Александра Севера, добавляет, что этот строгий и добродетельный принц задумал полностью уничтожить молодых помощников общественного разврата (*habuit in animo ut exoletos vetaret*); Но император опасался, что эта мера превратит общественное порицание в разгул особых страстей, "потому что, - говорит историк Цезарей, - люди сильнее желают того, что им запрещено, и увлекают себя к этому с какой-то яростью". Более того, поскольку Александр Север снизил все налоги (*vectigalia*) до одной тридцатой от того, что было при Гелиогабале, мы должны полагать, что он позволил налогу на люстровое золото остаться в прежнем размере. Однако этот налог претерпел различные изменения, для которых невозможно определить дату. При императоре Филиппе, который не скрывал своих христианских пристрастий, мужская проституция перестала облагаться налогом, поскольку она была полностью отменена в принципе, если не фактически, императорским эдиктом. (См. Ламприд, гл. 23 "Жизни Александра Севера"). Позже нечистый вектигаль выплачивался только раз в пять лет, как и другие налоги, обусловленные профессией и состоянием людей. Тогда он назывался *chrysargyrum*, слово, образованное от греческого и включающее два слова χρυσος и ἀργύριον, золото и серебро, чтобы выразить, без сомнения, что одни искупали свое позорное ремесло весом золота, другие - весом серебра, и что налог был неравным для всех, хотя причина его была однородна и различие в проституции не регулировало различие в законном тарифе.

Более того, у нас нет точного представления о размере налога на капитуляцию, который уплачивался в начале пятого года аренды, заключенной между государством и прямыми или косвенными агентами проституции. Уплата налога была как бы разрешением на занятие скандальным ремеслом, для которого требовались привилегия и патент, если можно использовать эти современные выражения для характеристики древнего факта, который они точно отражают. Люстральная привилегия была ограничена пятью годами, так что торговцы проституцией всегда могли до истечения этого срока заявить, что они бросают свое неблагородное ремесло и возвращаются к честной жизни. Сбор хрисаргирских денег был поручен добропорядочным офицерам, которые отвечали за установление налогов и их внесение в казну. Эти офицеры носили титул *lustralis*, , как видно из надписи в коллекции Фабриция: Primigenio lvstrali avgg. N. N. Alfia Verecvndina patri pientissimo. Эта надпись, которая, должно быть, датируется четвертым веком, показывает нам главного управляющего люстральными доходами или, скорее, первого *люстрала* империи; но она не называет его

имени, описывая его от имени его дочери как очень нежного отца для своих детей, *patri pientissimo*. Имя дочери этого фермера, занимавшегося проституцией, заслуживает внимания: *Verecundina* означает "благоразумная", и такое имя не слишком оправдывает двусмысленное положение дочери, которая воспитывалась в окружении нечистоплотных атрибутов дома своего отца. Мы не считаем, что следует связывать происхождение слова *lustralis* с пятилетним периодом, в течение которого проституция не должна была ничего платить налоговым органам; Ульпиан мог использовать *lustralis* в смысле *пяти лет* (от *lustrum*, *lustre*), не лишая это слово его примитивного значения, которое подразумевало своего рода искупительное наказание.

Зосима, греческий историк, весьма откровенно выступавший против христиан, горько упрекает Константина Великого в том, что он ввел новый налог, *meretricium*, поскольку слово *chrysargyre*, похоже, использовалось только в это время; однако Зосима не приводит никаких доказательств, подтверждающих обвинение, которое он выдвигает против самой евангельской морали, приписывая создание скандального и развращающего налога первому христианскому императору. Несомненно, что этот налог существовал со времен Калигулы и никогда не был отменен, но был ограничен и регламентирован. Константин планировал отменить и налог, и нечистую терпимость, которая была его предлогом: он издал новые эдикты о *люстральном обложении*, которое включало все виды налогов, требовалось от всех видов торговли, и разрешил ленонам и куртизанкам оставаться среди торговцев, которые должны были платить налоговому долю от своей прибыли. Это означало закрывать глаза на злоупотребления, противоречащие духу христианства и даже простой философии, но не означало создавать или одобрять эти злоупотребления, которые были частично реформированы только при Феодосии Младшем. Более того, уже во II веке философы выражали свое возмущение одиозным налогом, который обеспечивал безнаказанность разврата и ставил самые развратные действия под гарантию правительства. Юстин в своей "Апологии за христиан", написанной в середине II века, решительно обвиняет императоров в получении дани от проституции: "Как древние, - говорит он, - кормили огромные стада волов и коз, так и сегодня плодятся дети, обреченные на позор, и женщины доброй воли (*muliebrem patientiam*, согласно латинскому переводу), и это множество женщин, кинедов и феллаторов с нечистыми устами (*apicorum spurco ore*) платят пошлины, которые вы не стыдитесь принимать!"

Именно Феодосий II частично осуществил задуманное Константином, отменив налог на ленонов в люстральной колляции; он не мог сохранить этот налог и защищать леноциниум. Положив конец этой отвратительной торговле и запретив ее под страхом самых суровых наказаний, он не простил небрежности своих предшественников и упрекнул их за это в пролегоменах к роману *De lenonibus*, , обнародованному в 439 году: "Беспечность наших предков позволила одурачить себя, - говорил он, - проклятой хитростью ленонов, которым под предлогом некоего люстрального престижа было позволено торговать развратом и развратницей (*ut, sub cuiusdam lustralis prestationis obtentu, corrumpendi pudoris liceret exercere commercium*)." В этой же новелле император задается вопросом, можно ли позволить ленникам жить в столице Восточной империи и должна ли казна обогащаться за счет их позорного промысла (*aut eorum turpissimo quæstu ærarium videretur augeri*). Поэтому Феодосий исключил ленников из люстрального сбора, но не освободил от него куртизанок, которые по-прежнему зависели от налоговых органов. Хрисаргир по-прежнему взимался с особой строгостью со всех, кто занимался торговлей в любом качестве: леноны и молодые развратные ремесленники больше не включались в перепись, которая проводилась каждые четыре года, а не, как до правления Константина, каждые пять лет. Перепись проводилась очень скрупулезно в каждом районе и в каждом доме, так что каждый житель должен был

обосновать свои средства к существованию и заплатить долю императора. Те, кто не мог заплатить налог из-за своей крайней бедности, не избежали жестокого обращения со стороны сборщика налогов. Зосима рассказывает, что при Константине взимание налогов было настолько жестким, что матери продавали своих детей, а отцы проституировали своих дочерей, чтобы заплатить налог хрисаргир, самый обременительный и несправедливый из всех налогов. Мы видим, что нечистый вектигаль не переставал распространяться и опутывать своими сетями все наемное население городов.

Историки не сходятся во мнениях относительно применения этого налога, который затрагивал не только агентов городской проституции, и который в итоге стал ежегодным, а не выплачивался раз в четыре года. Однако Цедрен, составивший свою "Всеобщую историю" в XI веке на основе ныне утраченных летописей, тщательно объяснил, с его точки зрения, конституцию хрисаргира в том виде, в каком она существовала в конце V века. "Каждый нищий, - говорит он, - каждая проститутка (πορνή), каждая отвергнутая женщина, каждый раб, каждый вольноотпущенник платили определенную пошлину в казну. Мулы, обезьяны, кобылы и собаки, будь то в городе или в деревне, также облагались налогом. Мужчина или женщина, каждый человек, облагаемый налогом, платил одну серебряную монету; то же самое требовалось от каждой лошади, каждого быка и каждого мула, но осел и собака облагались налогом всего в шесть оболов за голову". В этом списке Цедрен, по-видимому, забыл о торговцах всех видов (*negociatores*), которые в той или иной степени участвовали в хрисаргире и которые коллективно обозначены в постановлениях, касающихся люстрального налога. Все историки единодушны в отношении суровости сборщиков налогов, которых они изображают, кроме того, как высокопоставленных лиц, удостоенных особого доверия императора. По этому поводу Цедрен говорит, что в городе, пригородах и соседних деревнях поднялся небывалый стон, когда налоговые власти послали на убой неумолимую армию сборщиков налогов, подобно стае саранчи. Тем не менее, похоже, что проститутки и их мерзкие сопровождающие пострадали больше других налогоплательщиков, вероятно, потому, что поборы с этих несчастных женщин взимались бесконтрольно и по милости налоговых инспекторов. Евагрий в своей "Экклезиастической истории" (Liv. III, гл. 39) рассказывает, что куртизанок и развратников выискивали в борделях и кабаре, хитростью и насилием убеждали их в том, что они проститутки, и не позволяли им пользоваться своим телом, пока не выдавали им патент (*charta*) с записью их гнусной профессии и остатка люстрального налога.

Императору Анастасию было поручено провести реформу, к которой христианская церковь призывала на протяжении веков и которую Константин Великий не смог осуществить, несмотря на свое желание. Это свидетельство анонимного писателя, автора отчета о Synodis, цитируемого Дюканжем в его Glossarium ad scriptores mediæ et infimæ græcitatatis. Евагрий приводит любопытный рассказ об отмене хрисаргира Анастасием в начале шестого века. "Этот отвратительный налог, - говорит он, - был оскорблением Бога, позором для самих язычников и оскорблением для христианской империи, поскольку он санкционировал бесчинства, позорную корысть которых он разделял". Коллекторы, руководившие сбором хрисаргира, были, однако, почтенными людьми, которые, обогатившись за счет порока, занимали самые внушительные должности в государстве и не стыдились тех мерзостей, которые их секретари и агенты совершали от их имени и под их руководством. Анастасию доложили обо всех ужасах, которые творились в люстральной колонии, и он немедленно решил положить конец этому скандалу. Напрасно умный человек Фукидид пытался защитить хрисаргир и доказать, что он столь же справедлив, сколь и необходим. Анастасий осудил его перед сенатом как безнравственный и незаконный и отменил законом, приказав сжечь реестры сборщиков налогов и фермеров. Они обещали себе, что добьются восстановления

хрисаргира, который приносил им такие прекрасные доходы, и ждали только нового царствования, чтобы восстановить основу этого налога с помощью оригинальных хартий, которые они сохранили или которые, как они знали, могли найти в случае необходимости. Но Анастасий, зная об их надеждах и планах, хотел нанести им последний удар.

Он притворился, что сожалеет о поспешности своих действий, лишив себя столь продуктивного источника государственных доходов; он вслух обвинил себя в безрассудстве и пожаловался, что не прислушался к совету Фукидида, который умолял его уважать налог, который императоры, начиная с Калигулы, считали богатством императорской казны. Разве это золото не было очищено в результате его использования, когда оно шло на расходы армии и богослужения? В этот момент Анастасий заявил о своем намерении восстановить налог. Он созвал сборщиков хрисаргира и заявил, что раскаивается в том, что обеднел, отменив налог на люстру. Все присутствующие были рады видеть императора в таком настроении и не скрывали от него, что еще можно собрать оригинальные хартии и титулы, по которым будут восстановлены налоговые реестры. Анастасий поздравил их с усердием и призвал не жалеть ни сил, ни труда, чтобы собрать все титулы, которые еще существовали. Крестьяне-хрисаргиры поспешили повиноваться и отправились на поиски этих титулов, в то время как в Меретрике, освобожденном от одиозного рабства, царило опустошение. Никто не понимал, почему император решил отменить акт, одобренный и одобренный всеми истинными христианами. Было известно, что иерусалимские монахи отправили в Константинополь депутацию с просьбой от имени Церкви отменить хрисаргир; монашеские посланники были приняты императором с большим уважением, он даже проявил большой интерес к представлению греческой трагедии, в которой Тимофей из Газы, не менее похвальный своей мудростью, чем поэтическим талантом, описывал мерзости этого налога, достойные Калигулы, его создателя. Анастасий скрывал это до тех пор, пока ему не были доставлены оригиналы хартий, благодаря усердию приемщиков, которым удалось обнаружить их в архивах и в частных домах. "Это все?" - спросил он первого *люстрала* империи. Получив утвердительный ответ, он велел трубачам объявить, что народ приглашается в цирк на зрелище, которого он никогда не видел и никогда больше не увидит. Народ не преминул откликнуться на призыв: все налоговые хартии были собраны в центре цирка; глашатай объявил присутствующим, что Хрисаргира приговаривают к сожжению как нечестивого и позорного. Все действительно было сожжено под одобрительные возгласы толпы, а пепел от этой груды папирусов посыпался на головы куртизанок и ленонов, которые не последними вторглись на трибуны цирка.

Однако, судя по всему, хрисаргира не была полностью уничтожена в огне и воскресла в другой форме, по-прежнему принося немалые суммы в государственную казну. Она существовала во времена правления Юстиниана, который, тем не менее, избежал ее упоминания в положении о сборщиках налогов (*De exactoribus tributorum*, C. Just., lib. X, tit. 19). Юстиниан также не упоминает о нем в своей новелле против ленников, которые подняли голову и открыто предавались своему ужасному ремеслу. Мы должны предположить, что только женщины были допущены к работам и налогам легальной проституции, которая больше не включала, по крайней мере, якобы, маклеров и агентов, склонных к разврату. Следует отметить, что Юстиниан был более снисходителен, чем Феодосий, по отношению к проституции и несчастным женщинам, которые ею занимались: Он отменил римские законы, по которым гражданам не разрешалось жениться на театральных женщинах, имевших дурную славу; он женился на Феодоре, бывшей знаменитой среди проституток, дочери куртизанки низкого класса, достойной уроков своей матери; Юстиниан прикрыл императорской мантией грехи этой балладницы, которая носила свой позор из города в город, прежде чем взойшла на трон императриц; но Юстиниан до сих пор помнит, что его

жена служила на сцене для удовольствий народа и была изгнана магистратами, обвинившими ее в развращении молодежи. Возможно, Феодора и сама не забыла об этом, и, чтобы искупить вину за излишества своей юности, она основала дом уединения и покаяния для своих бывших соратников по нечистоте. Вероятно, этот благочестивый фонд, который ей посоветовали создать воспоминания о ее первом состоянии, финансировался за счет средств от налога на люстру. Прокопий ничего не говорит об этом, когда рассказывает об этом новом типе монастыря в своем трактате о зданиях, построенных во время правления Юстиниана; но есть все основания предполагать, что, начиная с Александра Севера, доходы от нечистого вектигала использовались именно на общественно полезные работы. В духе христианства было использовать деньги от проституции для борьбы с ней и устранения ее пагубных последствий. Но Феодоре не удалось воплотить в жизнь свою идею, которая должна была принести счастливые плоды в других подобных попытках, часто повторявшихся в Средние века. Эта коронованная куртизанка оказалась достаточно неразумной, чтобы прибегнуть к насилию, а не к убеждению. Пятьсот публичных женщин были похищены с улиц Константинополя и перевезены в старинный дворец на азиатском берегу Босфора. Этот дворец был великолепно обустроен для приема затворниц; там было собрано все, что могло утешить их в связи с потерей свободы и государства; императрица не оставила камня на камне, чтобы кающиеся нашли там занятие, способное отвлечь их в назидание; Но эти несчастные женщины, оторванные от своих любовников и оргий, предпочли быструю смерть одинокой жизни, лишенной чувственных удовольствий; большинство из них бросились в море в первую же ночь, а те, кто остался в своей золотой тюрьме, умерли от томления или отчаяния. Прокопий не сообщает нам, продолжала ли Феодора свои безуспешные попытки насильственного морализаторства. Несчастные жертвы, которых она заперла насильно, с радостью вернулись бы к проституции, если бы им дали свободу покинуть печальное убежище, которое предоставила им Феодора.

ГЛАВА IX.

Законодательство христианских императоров о проституции - Меретриция считается законным промыслом - Позорное клеймо, налагаемое на дочерей ленонов и лупанариев - Антифизическая меретриция вычитается из люстрального налога - Закон о похищении девушек - Любовницы и служанки кабаре освобождаются от наказаний за прелюбодеяние. - Запрет на продажу христианских рабов для разврата - Грехи против природы караются смертью - Феодосий Младший защищает жертв леноциния. - Нечистый вектигаль был отменен по инициативе Флорентия, претора Константинополя. - Император Юстиниан. - Его роман против леноциниума. - Ужасающая картина оккультной торговли ленонами в Константинополе. - Закон об общественных банях. - Преемники Юстиниана.

Законодательство христианских императоров почти ничего не изменило в древнеримской юриспруденции в отношении проституции: Напротив, она должна была оставаться открытой и кровоточить в тени, как отдушина для дурных страстей и нечистых пороков, поскольку необходимо было предотвратить изнасилования, прелюбодеяния и соращение хороших женщин (*ad vitandum*, говорит Лактанций, *matronarum sollicitationes, stupra et adulteria*, lib. VI, c. 23). Таковы были всегда настроения первобытной Церкви; таков же должен был быть и мудрый нрав временной власти, которая почти всегда следовала советам власти духовной. Мы объяснили, как Соборы благоразумно воздерживались от фактической отмены проституции, которую они осуждали в принципе; мы показали, каким непрямым путем они

шли, чтобы постепенно добиться реформы нравов. Императоры, начиная с Константина и далее, не пошли по другому пути и атаковали проституцию во всех ее причинах и излишествах. Вот почему в кодексах Феодосия и Юстиниана мы не находим ни одного конкретного закона о проституции вообще, но встречаем то тут, то там множество титулов, относящихся к ней и регулирующих ее, налагая все более строгие ограничения. Терпимость была полной в отношении собственно меритрициума, который рассматривался как торговля и платил дань в казну; затем мужской разврат, который всегда был частью меритрициума, был исключен из него под страхом самых суровых наказаний, и, наконец, проституция была ограничена в своих естественных пределах, отныне ей было запрещено распространяться на пустырях леноциниума. Именно леноциниум преемники Константина были полны решимости всячески преследовать и бороться с ним; именно леноциниум Церковь осудила с неумолимой строгостью закона как главный источник проституции, как постоянное место обитания этого общественного бедствия.

Таким образом, под влиянием христианства римское право не изменилось в отношении легальной практики проституции, и куртизанка, как куртизанка, все еще могла прибегнуть к защите магистратов. Ульпиан, как язычник, а не как христианин, решает, что куртизанка не имеет права на возмещение сумм, полученных ею как куртизанкой, поскольку, если она и совершила нечто постыдное, занимаясь своим гнусным ремеслом, она не постыдно получила свою куртизанскую плату (*Illam enim turpiter facere, quod sit meretrix, non turpiter accipere, cum sit meretrix*, Digest, XII, tit. 5). Этот тонкий комментарий к природе подарка или жалования доказывает, что меритриция, как и любая другая торговля, юридически рассматривалась как ремесло, подчиняющееся определенным полицейским правилам и имеющее свою особую юриспруденцию. Далее в комментарии к этому закону, *De condictione ob turpem vel injustam causam*, юрист заявляет, что меритрикс не мог требовать в суде выполнения обещания, данного ему в роли меритрикса, поскольку такое обещание могло иметь только позорную причину. Наконец, отсюда следует вывод, что меритрикс использует свое право меритрикса, получая жалование, и что она даже получает это жалование честно, хотя просит его и зарабатывает нечестным путем (*Cod. Justin, tit. De legib. L. Non dubium; tit. De cond. ob turpem; tit. De donat. ante nupt.*). Поэтому неудивительно, что юристы, несомненно, в согласии с католическими врачами, стерли в пользу куртизанок позорное клеймо, которым были омрачены все агенты легальной проституции, и остановились на этом причудливом различии, реабилитировавшем женщину в *meretrix*. "Женщина с дурной репутацией - бесчестный человек, но, тем не менее, она не печально известна, если только ее не поймали на акте прелюбодеяния (*Meretrix est turpis persona, non tamen est infamis, nisi in adulterio esset deprehensa. L. Si quis à parente*)".

Позорная нота сохранялась за куртизанками вплоть до прихода христианских императоров. До Константина древние законы, касающиеся этой позорной оценки, были восстановлены Диоклетианом и Максимианом, которые хотели возвести плотину против всплеска общественной морали. Эти законы запрещали свободным гражданам жениться на вольноотпущенницах, которые могли или не могли вести развратный образ жизни; запрещали сенаторам и их сыновьям жениться на патрицианках, которые занимались проституцией (*Corp. Jur. Ulp, tit. 13; Cod. Justin, tit. 9, lib. IX, § 20, ad leg. Jul. de adult.*). Позднее клеймо бесчестия было наложено на дочерей ленонов и лупанов, чтобы предотвратить скандальные браки, соединявшие этих дочерей, обогатившихся за счет проституции и леноциний, с сенаторами (*Cod. Just., lib. 5, tit. 5, l. 7*). Более того, это клеймо позора переходило от отцов к дочерям; для ленников и хозяев публичных домов все еще не было другого наказания, кроме позорного клейма претора (*l. 1 и l. 4, § Ut prætor, D. de not. infam.*). Закон Юлия щадил их, кроме того, если они не были соучастниками прелюбодеяния, даже

без их ведома. После Константина их стали разыскивать и наказывать с такой строгостью, которая лишь делала их более искусными в переговорах и не вызывала желания отказаться от своего ужасного ремесла, которое было более прибыльным, чем торговля их несчастными жертвами.

Одним махом Константин отрезал половину проституток мира, вернув в тень преступление педерастии, которое до сих пор совершалось среди бела дня и повсюду гнало свои стада кинематографистов и наглых пациентов. Отныне то, что раньше считалось лишь распутством чувств, стало постыдным и греховным деянием, вызывающим отвращение у честных людей и подчиняющимся человеческим законам. Эта великая реформа, которую Александр Северус уже пытался провести ради чести морали и философии, была поддержана христианством, которое предало анафеме тех, кого претор наказывал телесными и денежными штрафами. Несомненно, тюрьма, штрафы и бесчестие не были немедленным и радикальным средством против ужасного порока, который на протяжении стольких веков развращал все слои общества; но, по крайней мере, правительство больше не санкционировало своим молчанием позорные привычки самого бесстыдного разврата, а скандал больше не способствовал распространению этого зла. Как мы показали в предыдущей главе, Константин не отменил люстральный налог полностью, но очистил его, запретив впредь применять его к антифизическим *meretricium* и патентным или скрытым *lenocinium*. Мало того, он ужесточил наказание, наложенное сенатом-консулом Клавдия на бесхитростных или свободных женщин, которые бросали себя на рабынь или вольноотпущенников: он также хотел бороться с одной из самых распространенных форм проституции среди бесстыдных патрицианок, которые выбирали себе крепких любовников из числа кучеров в цирке и гладиаторов в амфитеатре, когда те переставали незаметно брать их в свой эскорт евнухов-палачей или фальшивых буфонов.

Константин не стал дожидаться своего обращения в католическую веру, чтобы бороться с ослаблением нравов с помощью законов, которые, хотя и были очень строгими, едва ли были достаточными против эксцессов общественной коррупции. Среди этих эксцессов похищение девственниц становилось все более жестоким и дерзким, поскольку женские монастыри множились по всей империи, и эти приюты христианской девственности были постоянной добычей алчности распутства. Случалось и так, что молодые, красивые неофитки, давшие обет целомудрия и посвятившие себя жизни в келье, часто находили среди своих родителей и друзей семьи подстрекателей и соучастников похищения, которое должно было обесчестить их, вернув к мирской жизни. Закон *Si quis*, опубликованный 1st апреля 320 года, предусматривал, что каждый, кто похитит девушку, вопреки ей или с ее согласия, будет сурово наказан, а девушка, давшая согласие, понесет такое же наказание, как и ее похититель (*Cod. Theod., De rapt. virg. vel vid.*). В этом законе не говорилось, насколько суровым будет наказание для похитителя, так что судья мог быть настолько суров или снисходителен, насколько ему хотелось. Именно император Констанций устранил неопределенность закона, касающуюся наказания, и новым законом от ноября 349 года предписал обезглавливать виновных. Остальные положения первоначального закона не нуждались в пояснениях: все было предусмотрено и изложено с ужасающей точностью. В нем говорилось, что если кто-либо из друзей семьи, нянек девушки или других лиц посоветует похищение, то им в рот будет влит расплавленный свинец, чтобы та часть тела, которая посоветовала совершить столь великое преступление, была закрыта навеки. Дочери, похищенные против их воли и не взывавшие о помощи, будут лишены отцовского и материнского наследства. Если похититель согласится с родителями похищенной девушки молчать и остаться безнаказанным, каждый будет иметь право обвинить его и отдать под суд. Тогда доносчик получит вознаграждение, а родители, убежденные в том, что пытались

замять жалобу и скрыть злодеяние, будут изгнаны на необитаемый остров. Сообщники похитителя должны были понести то же наказание, что и похититель, но если они были подневольными, то их приговаривали к огню.

Вероятно, этот закон распространялся только на *бесхитростных* девушек, поскольку похищение вольноотпущенниц или рабынь не влекло за собой никакого наказания, кроме возмещения ущерба, который мог потребовать хозяин или владелец похищенной девушки. Несмотря на равенство людей, провозглашенное в Евангелии, женщина подневольного происхождения не имела права даже на уважение своей скромности. Так, закон, принятый Константином, освобождал любовниц и служанок кабаре от наказания за прелюбодеяние как недостойных подчиняться тем же законам, что и свободные граждане. Христианство не собиралось уменьшать позор, связанный с трактирным служением, в котором проституция занимала большее место, чем пьянство. Сдавать свой сан пьющим (*Si verò potantibus ministerium præbuit*, гласит закон *Quæ adulterium*) было для женщины верхом позора и синонимом проституции. Один из комментаторов в связи с этим задался вопросом, не означает ли латинское *præbere ministerium* нечто иное, чем наливание напитка, и не нуждаются ли пьяницы, которые обычно сами наполняют свои бокалы, в более деликатных обстоятельствах в доброй воле женщин кабаре: например, когда они трещат костяшками пальцев, чтобы попросить таз, и вызывают Бахуса или *Геркулеса-мочеточника*. В любом случае, любая трактирщица или служанка кабаре, будь она замужем или нет, не была обязана соблюдать законы скромности в силу ничтожности своего положения (*vitæ vilitas*). Закон Константина о разводе также затронул проституцию, включив послебрачный *lenocinium* в число оснований для отречения и лишив женщину, которая им воспользовалась, как приданого, так и всех брачных прибылей (Cod. Theod., lib. III, tit. 16, *De repud.*). Но, как ни старался Константин поощрять создание христианской полиции в империи, деморализация была общей во всех классах этого общества, где все еще жил дух многобожия, то есть проституции, и в Константинополе бордели были на каждой улице, женщины и мужчины разврата - в каждом доме, а куртизанки по вечерам расхаживали вокруг церквей, как в прошлом в Риме вокруг театров.

Два сына Константина Великого, Констанций и Констанций, не менее стремились законодательно положить конец злоупотреблениям проституцией, но они не более успешно, чем их отец, излечили эту проказу, оставшуюся от язычества. Они запретили продажу христианских рабов для публичного разврата и июльским законом 343 года объявили, что эти рабы, рожденные от христианских родителей или недавно крещенные, могут быть куплены только церковниками или верующими, которые должны обосновать свою религию. Однако этот закон несколько неясен, поскольку неизвестно, мог ли первый владелец этих рабов подвергать их бесчинствам борделя, если его право собственности возникло еще до указа императора. *Si quis feminas, quæ se dedicasse venerationi christianæ legis sanctissimæ dignoscuntur, ludibriis quibusdam subjicere voluerit ac lupanaribus venditas faciat vile ministerium prostituti pudoris explere, nemo alter easdem coemendi habeat facultatem.....* Очевидно, что собственность ленонов и лупанаев на рабов, считавшихся христианскими, сохраняется до того момента, когда речь идет об их продаже; только тогда хозяин раба, утверждающего, что он принадлежит к религии Христа, уже не может выставить этого раба на публичный рынок, от которого он уже не сможет избавиться, если только не найдет покупателя - епископа или христианина. Ученый Годфруа в своем комментарии к Феодосийскому кодексу объясняет этот закон как хитроумное средство помешать работоторговле и постепенно упразднить проституцию; Ибо если упрямые язычники получали извращенное удовольствие, бросая в дурные места тех бедных рабов-христиан, которых они покупали для этой позорной цели, то последним оставалось только рекомендовать себя благотворительности своих

братьев в Иисусе Христе, чтобы найти какую-нибудь добрую душу, которая заплатит за них выкуп и вместе с их свободой вернет им право оставаться чистыми. Среди христиан было благочестивым подражанием жертвовать своим земным имуществом ради выкупа рабов, которых закон рабства обрекал на проституцию. Святой Амвросий (Offic. II, 15) говорит, что Церковь больше заботилась о спасении женщин от бесчестия, чем о спасении мужчин от смерти. Поэтому легко понять, почему императоры Констанций и Констанций хотели способствовать выкупу христианских девушек, чье подневольное положение обрекало бы их на отвратительное служение легальной проституции.

Те же императоры сделали больше: они объявили смертную казнь любому мужчине, совершившему в любой форме одиозный грех против природы. Это было христианство, вернувшее в силу древний закон Скантинии, который не применялся уже шесть или семь столетий. Новый закон не определял четко и ясно природу преступления, которое могло совершаться столь различными способами, и не характеризовал степени наказания, которые должны применяться в этих различных случаях; но он с большим негодованием высказывался против всех действий такого рода и оставлял наказание на усмотрение судьи. Когда мужчина, - говорится в тексте этого закона, - меняет свою роль и становится женщиной, отдающейся другим мужчинам (*cum vir nubit in femina viris paritura*), что делать там, где пол потерял свои права; где начинается преступление, которое мы хотели бы игнорировать; где Венера претерпевает странную метаморфозу; где, наконец, мы ищем любовь и находим только бесчестие? Мы приказываем призвать все человеческие законы и вооружить правосудие мечом возмездия, чтобы позорники, виновные или пытавшиеся стать виновными (*qui sunt infames vel qui futuri sunt rei*), были преданы самым ужасным мучениям (*exquisitis poenis subdantur*). Такой закон в Римском кодексе был громким отказом от всех мерзких пороков, которые языческая цивилизация принимала и даже поощряла, но которые христианство с ужасом отвергало в поклонении ложным богам. Текст закона (Cod. Just., lib. IX, tit. 9, ad leg. Jul. de adult.) не кажется, кроме того, очень правильным, поскольку Альсиат предлагает читать *in feminam viris porrecturam* вместо *in femina viris paritura*, а определение преступления нуждается в комментариях, которые заполнили бы пробел, намеренно оставленный юрисконсультom. Это определение целиком содержится в слове *nubit*, которое использовалось как в судебном языке, так и в поэтике для общего выражения любого вида порока, противоречащего естественным законам и законным отношениям между полами.

Феодосий Младший, кодифицируя законы Римской империи, не осмелился дополнить эту судебную практику одним из самых позорных фактов - проституцией; но он объявил себя верховным защитником всех жертв леноциниума, который он преследовал с еще большей энергией, чем осмеливались делать его предшественники: ведь леноциниум не был отраслью, занимавшейся на благо народа, а, напротив, возбуждался и поддерживался страстями великих и богатых. Однако Феодосий не вернулся к источнику осуждаемого им леноциниума и не подумал о наказании тех, кто его спровоцировал. Он объявил, что отцы или хозяева, желающие принудить своих рабынь или дочерей к проституции, лишаются законной власти. Несчастливым женщинам, подвергшимся такому насилию или даже нечистым приставаниям, оставалось только просить поддержки у епископов, судей и губернаторов, которые должны были положить конец преступному гнету этих недостойных отцов или хозяев; если же они упорствовали в своих преступных чувствах, то должны были быть приговорены к изгнанию и работе в рудниках (Cod. Theod., lib. XV, tit. 8, De lenonib.). Закон добавляет, что это было наименьшее наказание, которое можно было применить в те времена к профессиональным сутенерам. Однако несколько лет спустя тот же император и его коллега Валентиниан нанесли более решительный удар по проституции, отменив вектигаль ленонов. Инициатива этой почетной меры принадлежала управляющему

константинопольским преторством, прославленному Флоренцию, который, видя, что леноциниум не знает границ и постоянно умножает число своих жертв, предложил обоим императорам отменить позорный налог, взимаемый из государственной казны, и посвятил свое личное состояние восполнению доходов от этого отвратительного налога. Приняв щедрое предложение Флорентия, оба императора пожелали упомянуть о нем в указной новелле, чтобы не отстать от благородных и благочестивых побуждений претора. Эта новелла (18, De lenon.) не только отменяла ленонский вектигаль; ее целью было косвенно уничтожить проституцию, поразив тех, кто наживался на ней и имел на нее монополию: "Отныне, - говорится в тексте закона, - если кто-либо в своей святотатственной дерзости попытается проституировать рабов, принадлежащих либо другим, либо ему самому, или свободных женщин, отдавших свое тело в наем (*ingenua corpora qualibet taxatione conducta*), несчастные рабы будут сначала возвращены на свободу, *ingenues* будут освобождены от своего нечестивого договора, а виновник скандала будет избит прутьями и изгнан из города, который был местом совершения этого преступления." В результате магистратам было приказано неукоснительно исполнять императорский указ под страхом штрафа в двадцать фунтов золота. Но этот указ, направленный против предпринимателей и торговцев развратом, не был направлен против отдельных проституток, которые сохраняли привилегию позорной безнаказанности и могли опасаться лишь преследований со стороны преторианской или церковной полиции. Так, если женщина с дурной репутацией поселялась по соседству с почтенными людьми, закон разрешал ее выселить, чтобы соседство с этой проституткой не развращало окружающие нравы. (Cod. Just. L. Mimæ, De episc. obed.). Это произвольное изгнание без какого-либо наказания доказывает, что проституция всегда находилась в труднодоступных местах, на окраинах городов и за городскими воротами.

Кодекс Феодосия, действовавший почти столетие, не подвергался изменениям в отношении проституции вплоть до правления Юстиниана, который лишь подтвердил большинство законов своих предшественников и дополнил их в католическом смысле. Как и Феодосий, он жестоко расправился с ленниками и попытался запугать их еще более непримиримыми мерами. Таким образом, он продолжил косвенную войну, которую христианские императоры вели против проституции на протяжении более чем двух столетий. Его первый роман против леноциниума тем более примечателен, что в пояснительной записке к нему представлена пугающая картина оккультной торговли леноциниумами в Константинополе в 535 году, когда был обнародован закон (14 ноября, authent. col. 2, tit. 1, De lenon.). Этот закон подводит итог всей имперской и христианской юриспруденции в отношении проституции, которая регулировалась им до конца Средних веков. Поэтому его полезно знать в полном объеме, и мы считаем, что должны перевести его целиком, как основу для законодательства о порнографии. Вот он, с небольшими дополнениями:

"Древние законы отвращали от государства и имени тех, кто торгует публичными женщинами (*lenonum causam et nomen*); некоторые из этих законов содержат суровые положения против них; мы сами давно уже усугубили наказания, которые ожидают этих несчастных; Кроме того, мы дополнили другими законами то, что, возможно, упустили наши предшественники, и только недавно, когда нам сообщили о скандальных беспорядках, которые вызывает подобный трафик в нашей столице, мы не преминули заняться этим вопросом. Мы узнали, что некие лица живут нелегально, используют жестокие и отвратительные средства для обогащения с помощью отвратительной корысти, путешествуют по провинциям и дальним странам, чтобы обмануть несчастных девушек (*juvenculas miserandas*), обещая им обувь и одежду, и что, поймав их на эту приманку (*et his venari eas*), они привозят их в этот благословенный город, поселяют в домах, которые им принадлежат, дают им скудную пищу и одежду, затем предают их публичному разврату и забирают себе доходы от этой

прискорбной проституции; Мы также узнали, что они заставляют этих печальных жертв подписывать определенные обязательства, согласно которым они обязаны выполнять свои нечестивые и преступные обязанности до тех пор, пока считают нужным; некоторые даже требуют от своих жертв поручительства; Преступления этого рода множатся так, что совершаются почти повсеместно, как в этом императорском городе, так и в странах за Босфором, и, что еще ужаснее, эти обиталища нечистот (*tales habitationes*) открываются рядом с самыми респектабельными церквями и домами. Наконец, в наши дни дела дошли до такой степени безнравственности и беззакония, что честные люди, которые, жалея этих несчастных женщин, хотели бы оторвать их от их гнусного ремесла и привести к законному состоянию брака, не могут добиться успеха. Есть даже такие негодяи, которые подвергают молодых девушек опасностям разврата еще до того, как им исполнится десять лет, и благотворители едва могут купить этих несчастных детей на вес золота и заставить их вступить в целомудренный союз. У развратителей есть десять тысяч уловок, которые невозможно выразить никакими словами, и зло достигло такого отвратительного уровня, что места разврата, которые раньше скрывались в самых отдаленных районах Константинополя, теперь распространились по всем округам и вокруг города. Кто-то давно и тайно предупреждал нас об этих безобразиях. Совсем недавно великолепные преторы, которым мы поручили расследовать это дело, сделали нам подобные донесения; и сразу же, выслушав их, мы сочли необходимым обратиться к Богу с мольбой о скорейшем избавлении нашей столицы от подобного осквернения.

"В связи с этим мы предписываем всем нашим подданным быть целомудренными, насколько это возможно; ибо целомудрие в сочетании с упованием на Бога одно только может возвысить человеческую душу; Но поскольку есть много хрупких духов, которые позволяют ввести себя в грех похоти хитростью, обманом или нуждой, мы категорически запрещаем заниматься проституцией (*nulli fiduciam esse pascere meretricem*, что очень неясно), иметь женщин в своем доме, публично предаваться с ними разврату (*publice prostituere ad luxuriam*) или покупать их для какого-либо другого промысла. Мы также запрещаем подписывать договоры о разврате, требовать поручительства и совершать любые другие действия, которые заставляют этих неосмотрительных девушек терять целомудрие против их воли. Больше не будет позволено обманывать их при помощи одежды, украшений или простой еды, чтобы заставить их обесчестить себя. Мы не потерпим ничего подобного в будущем, и мы постановили в этом отношении с необходимой осторожностью, так что любое поручительство, предоставленное в качестве обеспечения подобных обязательств, будет объявлено недействительным. Мы не позволяем недостойным ленонам отнимать у девушек то, что они им дали, но мы также приказываем изгнать их самих из этого благословенного города, как зачумленных, как разрушителей общественного целомудрия, как развращающих рабов и свободных женщин, как доводящих их до необходимости продавать себя, как обманывающих их и разводящих их на всеобщий блуд. Поэтому мы приказываем, что если впредь кто-либо осмелится увести девушку вопреки себе, держать ее в своем доме под предлогом кормления и присваивать себе плоды проституции этой девушки, то он будет схвачен по приказу достопочтенных преторов народа этого благословенного города и осужден на последние муки. Ибо если мы возложили на магистратов обязанность наказывать за убийство и кражу денег, то тем более мы поручили им преследовать за убийство и кражу целомудрия! Если кто поселит в своем доме одного из этих ленников и позволит ему заниматься там своим мерзким ремеслом, и не изгонит его, как только узнает об этом, то сам он должен быть оштрафован на сто фунтов золота, а его дом конфискован. Если в будущем развратник, взявший в свой дом девушку, заключит с ней письменное соглашение, в обеспечение которого девушка даст ему поручителя (*fideijussor*), то развратник должен знать, что он не может воспользоваться ни основным обязательством

девушки, ни обязательством поручителя, так как обязательство девушки недействительно во всех его частях, а поручитель, следовательно, не имеет никаких обязательств перед леноном. Более того, как мы только что сказали, последний понесет телесное наказание и будет изгнан из этого великого города.

"Поэтому мы хотим, чтобы женщины (и умоляем их об этом) жили целомудренно, не позволяя невольно склонять себя к развратной жизни и не принуждая к пороку, ибо мы запрещаем и наказываем линоцинию не только в этом городе и соседних местах, но и в провинциях, ранее принадлежавших республике, и особенно в тех, которые Бог присоединил к нашей империи, поскольку мы хотим сохранить чистыми и непорочными дары, которые мы имеем от него. Мы верим в Бога, Господа нашего, и полагаем, что наше усердие к целомудрию будет славой и силой нашего правительства, ибо Бог воздаст нам по делам нашим. Итак, уважаемые граждане Константинополя, пользуйтесь благами этого целомудренного закона; позже мы прибегнем к святому голосу Церкви, чтобы вы знали нашу заботу о вас и наши усилия, направленные на то, чтобы воцарились целомудрие и благочестие, с помощью которых мы надеемся увидеть республику в полном процветании".

Этот прекрасный закон, датированный консульством Белисария, календы декабря 535 года, был разослан всем магистратам Западной империи с приказом опубликовать его и довести до сведения всех граждан путем последовательных прокламаций, чтобы никому не пришлось утверждать, что он не знал о его предписаниях. Однако от него все равно уклонялись, и леноны продолжали торговать проституцией, беря под залог девушек, которые с ними заключали контракт. Они не только всегда требовали совместного поручительства, но и связывали своих жертв страшной клятвой, которую те не смели нарушить, и, чтобы не лжесвидетельствовать, молча терпели бесчестье своего ремесла. Кроме того, магистраты не делали различий в характере и назначении поручителей и, чтобы сохранить верность букве древнеримского права, приговаривали любого поручителя к исполнению его обязательства, независимо от того, было оно нечистым или нет. Юстиниан был вынужден добавить новый закон к первому, через несколько лет после его обнародования. Этот новый закон (Authent. collat. V, tit. 6, nov. 51), вызванный жалобами Иоанна, префекта претория, дважды консула и патриция, указывал на позорную хитрость, которую придумали леноны, чтобы обмануть своих несчастных пансионеров, которые, считая себя связанными клятвой, думали, что поступают благочестиво, соблюдая ее ценой своего целомудрия, как будто нарушение такой клятвы не более угодно Богу, чем ее соблюдение: "В самом деле, - говорит предварительный закон, - если бы кто получил от другого, например, клятву совершить убийство, или прелюбодеяние, или какое-либо другое злое дело, то не следует соблюдать эту клятву, так как она постыдна, незаконна и ведет к гибели". Таким образом, любой, кто требовал подобной клятвы, должен был быть оштрафован на десять фунтов золота, а судья, разрешивший эту одиозную клятву, должен был понести такое же наказание, какими бы ни были его мотивы и намерения. Этот штраф должен был быть выплачен женщине, давшей клятву, чтобы она могла вести более честную жизнь (*ad aliquem bonæ figuræ vitam*), и таким образом несчастная была бы избавлена от святотатства перед Богом и людьми.

Это была не последняя законодательная мера, принятая императором Юстинианом для реформирования нравов в империи и залечивания ран, нанесенных проституцией. Он не преминул, например, строго следить за соблюдением старого закона об общественных банях и дополнил его некоторыми моральными предписаниями, призванными пресечь любую возможность разврата. Так, хотя мужские общественные бани были отделены от женских, он хотел, чтобы такое же разделение существовало и в частных банях, и прямо запретил представителям обоих полов мыться вместе, за исключением случаев, когда муж

купается вместе с женой. Но она не могла мыться с другими мужчинами или даже с детьми под страхом отречения и лишения дара. Что касается мужей, которые купались с чужими женщинами, то они наказывались потерей всех подарков, которые могли ожидать от своих законных жен (Cod. Just., De repud., l. 1, и nov. 22, De nupt.). Из Кодекса Юстиниана можно извлечь и ряд других положений, в большей или меньшей степени направленных против актов публичного распутства, которые косвенно затрагивали эти предосудительные деяния в глазах морали, а не закона. Влияние императрицы Феодоры ни в коем случае не было пагубным для охраны нравственности, но снисходительность законодателя к печальным жертвам проституции признается повсеместно, когда он сурово расследует и преследует подстрекательство к разврату.

Преемники Юстиниана внесли мало дополнений в его юриспруденцию: они лишь усилили наказание для *lenocinium*, которые всегда прятались за *meretricium* и даже рисковали пытками, чтобы обогатиться; что касается *meretresses*, то они были действительно защищены, хотя и находились под наблюдением и в строгих полицейских условиях, особенно в Константинополе и крупных городах. Легальная проституция регулировалась примерно таким же образом в христианском мире, которому предстояло "изменить свое лицо, не меняя порока", по словам ученого М. Рабуто, первого историка проституции в Европе.

КОНЕЦ ВВЕДЕНИЯ.

ИСТОРИЯ

САЙТА

ПРОСТИТУЦИИ.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭРА.

ФРАНЦИЯ.

ГЛАВА ОДНА.

Краткое содержание -Галлы и кимры до завоевания Юлием Цезарем -Проституция не могла иметь среди них регулярного и постоянного существования -Как германцы обращались с женщинами, осужденными за проституцию -Браки у кельтов -Женский сенат -Преимущество женского пола у галлов -Доказательства подозрительного отцовства -Рейн как судья и мститель за брак -Личная жизнь галльских женщин -Принципы, регулирующие их поведение -Добродетельная Кюмара -Женский суд, ответственный за оценку их поведения. -Личная жизнь галльских женщин -Принципы, регулирующие их поведение -Добродетельная Киомара - Суд женщин, ответственный за рассмотрение дел о чести и вынесение решений по оскорблениям -Германское и галльское отвращение к проституткам -Гостеприимство среди галлов -Друидизм, друиды и друидессы -Женщины острова Мона -Вторичные божества галлов. -*Феи* - *Людоеды*, *гномы*, *ундины* и т. д. - Галльская теогония - Богиня Онуава - *Змеиное яйцо* - Бог Гурм - Богиня физической любви - Бог Марун - Маиры или норны. -Нравы галльских богов -*Гаурики* -*Сулевы* -*Тусы* и *Дусиены* -Инкубы и суккубы -История прекрасной Каммы -Преданность Эпонины своему мужу Сабину. -Развратные обычаи галлов. -Завоевание Галлии Юлием Цезарем. -Разрушение друидизма и друидов. -Язычество в Галлии. - Проституция у галло-римлян. Языческие божества, которыми галлы предпочитали заменять *Teutates*. - Социальное разложение кельтских рас. - Куртизанка Криспа. - Вторжение франков. - Чистые нравы франкского народа. - Салический закон.

Почти невозможно установить на основе исторических выводов моральный облик галлов и кимров, населявших Галлию за пятнадцать или шестнадцать веков до христианской эры; мы даже не знаем с уверенностью происхождения этих диких народов, которые, по мнению самых ученых исследователей нашей истории, пришли с севера, а не с востока; мы не можем вернуться к их колыбели, чтобы обнаружить их инстинкты и привычки с социальной точки зрения. Поэтому мы должны прибегнуть к гипотезам, возможно, опасным, чтобы найти в столь смутные времена какие-то беглые и нерешительные следы проституции в частной жизни галлов до завоевания Юлием Цезарем. Проанализировав немногочисленные греческие и латинские источники, сохранившие традиции первых жителей Галлии, мы намерены поставить под сомнение, что проституции среди них не существовало, да и не могло существовать в законном виде; однако мы считаем, что нашли в друидической религии явные следы священной проституции: что касается гостеприимной проституции, то она, похоже, не сочеталась с благородными и великодушными идеями, которые эти гордые народы связывали с культом гостеприимства. Тем не менее, общественные нравы галлов далеко не всегда были строгими и безупречными.

Могла ли проституция в строгом смысле этого слова иметь регулярное и постоянное существование среди народа, который сделал женщину привилегированным существом, своего рода земным божеством, живым связующим звеном между небом и землей? В этом исключительном состоянии женщина даже не имела права отдавать или продавать себя кому-либо под страхом потери своего божественного ореола; любой мужчина, соучаствовавший в подобном посягательстве на женское достоинство, считался святотатцем. Поэтому проституция никогда не была чем-то большим, чем единичным и очень редким явлением, всегда окутанным тайной, которую делала непроницаемой безопасность виновных. Несомненно, среди галлов и кимров были женщины, порочные из-за чувств или из-за жадности; были и мужчины пылкой и распутной натуры, для которых было недостаточно тех чувственных компенсаций, которые не стыдились получать старики и молодые, позоря друг друга из уважения к женскому полу. Но проституцией занимались только вдали от лагеря или городских стен, в глубине лесов, под покровом ночи. Не было ни одной титулованной проститутки, которая занималась бы этим постыдным ремеслом открыто или призналась бы в этом, поскольку деградировавшую женщину, которая таким образом лишила себя божественного характера и посвятила себя общественному презрению, с позором выследили бы. Германцы, которые были братьями галлов, несмотря на взаимную вражду и войны, вели себя по-разному по отношению к женщинам, которых заставляли за проституцией или убеждали, что они ей не чужды: их выводили из деревни, которую они оскверняли своим присутствием, и каждый житель племени вооружался камнем, чтобы бросить в них. Обычно этим несчастным позволяли бежать, не смея больше появляться и хороня свой позор глубоко в лесу; но иногда несчастная женщина, сбита камнем, когда она подчинялась приговору об изгнании, в одно мгновение оказывалась забитой камнями до смерти под звуки освистывания и смеха всей деревни. В сознании германцев это наказание было аналогично проступку, так что куртизанка, жившая за счет всеобщих подарков, погибла, раздавленная камнями, которые все в ярости бросали в нее, подгоняемые криками своих жен, которые не могли простить друг другу забвения своих обязанностей.

В целом кельты относились к женщинам с уважением, которое исключало всякое понятие о проституции. В большинстве племен, по словам Афиней (I. XIII, с. 4), молодые девушки свободно выбирали себе мужей. Именно на пиру, устроенном для юношей, достигших брачного возраста, родители девушки предоставляли ей возможность выбрать одного из женихов, которые рассказывали о своих подвигах на войне или охоте, пили сидр и медовуху, распевая старинные национальные бардыты. В конце трапезы дочь объявляла выбранного

ею жениха самым красивым или самым храбрым, поднося воду одному из гостей и давая ему умыться, если воспользоваться выражением, которое рыцарство приняло вместе с этим древним обычаем. Вероятно, на языке кельтов это ручное омовение символизировало забвение прошлого и чистоту супружеской жизни. Замужняя женщина выполняла в племени роль своеобразного жреца, тем более что пророческий гений приписывался женской природе, и люди всегда были готовы увидеть богиню в самой обычной женщине: Именно она высказывала свое мнение на всех собраниях, где обсуждались вопросы мира или войны; именно она вмешивалась в ссоры и драки, возникавшие в разгар оргий; именно ее, наконец, все слушали или с ней советовались, как с оракулом. Существовал даже женский сенат, состоявший из шестидесяти членов, представлявших шестьдесят основных племен Галлии; и этот сенат, который, по-видимому, датируется двенадцатым веком до нашей эры, был суверенным правителем галльских конфедераций. Такое превосходство женского пола не позволяет нам признать возможность организованной проституции, тайной или признанной. Женщины не могли рассматриваться как орудие наслаждения или использоваться для разврата.

Однако муж имел право жизни и смерти над своей женой и детьми, и следует предположить, что в некоторых деликатных обстоятельствах он жестоко использовал это высшее право. Так, когда у него возникали сомнения в своем отцовстве, он принимал новорожденного ребенка в тот момент, когда мать его рожала, и обнаженным выставлял его на большой плетеный щит, который бросал на волю течения близлежащей реки. Если течение выталкивало щит с ребенком на берег, где мать протягивала руки, ей нечего было бояться ревности мужа: ведь джинн реки только что провозгласил законность ребенка и невинность его матери. Напротив, когда ребенок погружался под воду, словно река не хотела приносить плод прелюбодеяния, мать должна была умереть в свой черед, убежденная в том, что она предала супружескую веру, а возмущенный муж убивал ее собственной рукой или погружал в пучину, поглотившую ее ребенка. Это ужасное испытание, связанное с подозрительным отцовством, тем не менее доказывает, что галльские женщины не были застрахованы от ошибок сердца или притяжения чувств. Из всех рек Рейн был наиболее известен своим отвращением к бастардам; ни один муж не посмел бы отступить от одного из решений, вынесенных этой священной рекой для спасения колыбели. В , одном из писем Юлиана, император рассказывает о древнем суеверии, связанном с течением Рейна, который кельты обожествляли: "Именно Рейн, - говорится в эпиграмме в Антологии, - именно эта река с ее стремительным течением, которая среди галлов проверяет святость брачного ложа. Как только новорожденный ребенок выходит из чрева матери и издает свой первый крик, муж хватается его; он кладет его на щит и бежит, чтобы подвергнуть его капризам волн, ибо он не почувствует, как бьется в его груди отцовское сердце, пока река, судья и мстительница за брак, не вынесет роковой приговор". Прелюбодеяние, должно быть, было крайне редким явлением среди галлов, как и среди германцев: *Severa illic matrimonia*, говорит Тацит; и мужу не было нужды искать справедливости в суде, поскольку он сам был и судьей, и палачом в своем деле.

У галлов, как правило, была только одна жена; тем не менее, вожди и самые знатные люди племени заводили себе несколько жен, но не из распутства, а в знак превосходства (*non libidine, sed ob nobilitatem*, говорит Тацит). Действительно, климат Галлии, покрытой в то время болотами и лесами, был холодным и сырым во все времена года, и темперамент населявших ее племен был подвержен влиянию этой туманной атмосферы и согревался только в случае невоздержанности за столом. Женщины, кроме того, жили уединенно и скрытно, вдали от мужских глаз, за исключением общественных, религиозных или военных церемоний, которые выводили их из уединения материнства. Эти женщины, занятые детьми

и домашним хозяйством, не видели никаких горизонтов за его пределами и оставались преданными повиновению своих суровых мужей. *Nec ulla cogitatio ultra*, - говорит Тацит, - *nec longior cupiditas*". Кроме того, у них были гордые и независимые души; они предпочли бы смерть позору, а стыдиться себя было бы слишком накладно. Легко понять, почему они были хорошими хранительницами - одни девственности, другие супружеской верности, - если вспомнить принцип, служивший основой их морали: "Женщина, отдавшаяся мужчине, не может перейти в объятия другого". В соответствии с этим регулирующим их поведение принципом они даже не считали себя вправе вступать в брак во второй раз. Однако закон не мешал им вступать в новый брак, особенно в некоторых племенах, где этот обычай подтверждался пословицей: "Женщина, переспавшая с двумя мужчинами, виновна, если они оба не спят одновременно". Добродетельная Кьомара, которую цитирует Плутарх в своем "Трактате о выдающихся женщинах", предпочла нарушить святость закона народов, чем оставить в живых автора и свидетеля своего бесчестия. Кьомара была женой Ортиагонта, вождя галатов, или азиатских галлов, которые были побеждены и покорены римлянами в 565 году. Плутарх не говорит, была ли Кьомара красива, но он сообщает, что она была изнасилована римским центурионом, который взял ее в плен. Она, казалось, смирилась с этим оскорблением, и когда посланники мужа принесли ей выкуп, она сказала им по-галльски, что у нее тоже есть выкуп, который она может потребовать. Она ловко заманила оскорбившего ее центуриона в ловушку, и галаты отрубили ему голову, а затем отвели ее обратно к Ортиагону. Последний, которому она предложила окровавленную голову бедного сотника, был возмущен убийством, совершенным вопреки клятве: "Я действительно клятвопреступница, - сказала она, - но на земле должен был остаться только один человек, который мог бы похвастаться тем, что владел мной".

Если прелюбодеяние было почти неизвестно среди галлов, мы вправе полагать, что проституция там была еще более редким явлением; ведь прелюбодеяние возмущало единственного мужа, тогда как проституция распространяла возмущение на всех женщин, которые чувствовали себя одинаково оскорбленными проступком человека их собственного пола. Закон друидов давал женщинам право судить отдельные случаи оскорбления. Дюкло, который рассказывает об этой необычности в мемуарах о друидах, добавляет, что в договоре, заключенном между галлами и карфагенянами во времена Аннибала, было указано, что если галл жалуется карфагенянину на оскорбление, то дело передается карфагенскому магистрату; если же жалуется карфагенянин, то спор рассматривают галльские женщины. Таким образом, существовал суд, состоящий из женщин, который рассматривал дела о чести и выносил решения об оскорблениях. Варварские народы были не менее чувствительны в этом отношении, чем греки и римляне, и из всех оскорблений, которые могли быть направлены на женщину, оскорбление *проститутки* считалось самым серьезным. Позже мы увидим, что Ротари, король лангобардов, налагал большой штраф за это оскорбление, которое, по-видимому, было тем более частым, чем менее заслуженным. Поэтому галльские женщины были естественными судьями всего, что оскорбляло людей, и им приходилось разбираться с актами проституции. Например, если галл, будь то знатный или плебей, женился на женщине с дурной репутацией, либо неосознанно, либо полностью зная об этом, женщины собирались вместе, чтобы дать совет и расследовать недостойность жены. Тацит отмечает ужас германцев перед проститутками, который разделяли и галлы: *Non solum senatoribus*, говорит он, *sed et plebeis hominibus meretrices uxores ducendi jus denegabatur; cum virgines solum duci posse*. Женщины, собравшиеся вместе, несомненно, иногда были призваны выносить решения по вопросам галантности и чувств, которые вновь появились в Средние века вместе с судами любви.

Гостеприимство, как мы уже говорили, у галлов было развито лучше, чем у всех других народов, поскольку они считали преступлением, достойным грозы, закрывать дверь перед незнакомцем или причинять вред гостю после того, как он его принял. Гость становился для них братом, другом, священным доверенным лицом; но первым его долгом было уважать ложе того, кто его радушно принял. Галл слишком ревностно относился к своей чести мужа, чтобы когда-нибудь пойти на трусливые уступки гостеприимной проституции. Что касается священной проституции, то ей, конечно же, не было места в религии друидов, совершенно метафизической религии, содержащей в себе самые высокие догмы религий Египта и Индии, таинственном культе, который окружал себя мраком и ужасом, не стремясь предложить материальные соблазны своим жрецам и служителям. Друиды были философами, большинство из которых прошли проверку возрастом, жили то в общине, то в глубоком непроницаемом уединении: с мирянами они общались лишь в редких случаях, во время торжественных праздников, в которых не было ничего привлекательного или сладострастного, и которые часто заканчивались человеческими жертвоприношениями. Кроме того, друиды были не только служителями культа: только они отвечали за законодательство, управление и народное образование; они преподавали точные науки и священные или философские науки. Их жизнь могла быть столь же строгой, как и их учение, и они старались не подрывать почитание, которое им оказывали, смешивая разврат или удовольствия с предметами культа. Более того, в их колледжах были пророчицы и девственницы, которые, возможно, не ограничивались служением в церемониях друидизма. Эти друидессы, которых мы то и дело видим в истории Галлии в виде темных явлений, прятались в пещерах и дуплах древних дубов: они избегали приближения людей и произносили свои оракулы только ночью, при свете молний, раскатах грома и шуме бури. Несмотря на престиж, которым эпос наделил прекрасную и трогательную Велледу, можно утверждать, что эти *ваки* обычно были старыми и отвратительными, подобно сибиллам римского язычества. Казалось, они забыли о своей половой принадлежности и всяком чувстве скромности, поскольку на некоторых друидических церемониях они появлялись полностью обнаженными, их тела натирались маслом и окрашивались в черный цвет, как бы подражая цвету кожи эфиопов. (*Tota corpore oblitæ*, говорит Плиний в XXII книге своей "Естественной истории", *quibusdam in sacris et nudæ incedunt, Æthiopum colorem imitantes*). Когда римляне после восстания иценов в Англии хотели захватить остров Мона (Англси), который был одним из центров друидизма, женщины острова, черные от ярости, бросились обнаженными, с факелами в руках, в самую гущу сражающихся. Римляне были напуганы этим видом больше, чем криками и яростным сопротивлением своих врагов.

Если в высшем культе друидов священная проституция не имела никаких оснований для существования, то среди их уроков философии и метафизических учений, а также в отношении их предсказаний, извлекаемых из пульсирующих внутренностей распластанного человека или через дым, поднимающийся от костра человеческих жертв, запертых в плетеных колоссах; С большой долей вероятности можно предположить, что он фактически или в принципе существовал в низшем культе, то есть вокруг диких алтарей некоторых второстепенных божеств, которые были созданы суеверием людей, и которые друиды не считали враждебными своей трансцендентной религии. У галлов, несомненно, были развращенные умы, истеричные натуры и плотские инстинкты, как и у любого другого народа, хотя они были более редкими и менее дерзкими. Те, кто в виде исключения испытывал тягу к чувствам и смутное любопытство к распутству, прибегали для их удовлетворения к постыдному предлогу - проституции. Они придумывали богов, для которых жертва девственности была приятным подношением; они поощряли похоть, создавая для нее святилища и санкционируя ее как божественное посвящение. Можно с уверенностью предположить, что среди *ваки*, которых народная традиция прославила под именем *фей*,

были и такие, которые, когда к ним обращались в глубине их логова, требовали доказательств благодушия и доброжелательности, чему не очень способствовали их преклонный возраст, уродство и страшный характер. Все чудесные легенды Средневековья свидетельствуют о странных сделках друидесс с их дерзкими посетителями, которые никогда не верили, что заплатили достаточно за свои оракулы. То, что делали эти старые галльские сибилы, некоторые эвбаги, некоторые симнотеи, некоторые выродившиеся члены друидических коллегий, делали для собственной выгоды и утверждали себя, используя свою силу, в качестве богов или хранителей рек, источников, лесов, гор и камней. Они поселялись в тех самых местах, где был основан их культ, и взымали непристойную дань с неосмотрительных мужчин и женщин, которые пересекали их владения или приближались к их крепости. Именно они вели заблудившегося или задержавшегося путника через пустынное болото, по крутой морене, через опасное дефиле; именно они держали лодки на самых темных озерах и охраняли мосты, перекинутые через пропасти. Горе той девушке, чья злая судьба отдала ее на милость этих свирепых пожирателей плоти! Наши сказки до сих пор полны далеких, замаскированных отголосков неслыханной жестокости, которой предавались огры, гномы, ундины и другие джинны кельтского одиночества. Но в этих древних и причудливых легендах о священной проституции, сохранившихся в памяти вульгарных людей после стольких угасших поколений, нет ничего точного и достоверного. Огромное поле открыто для предположений и догадок относительно фей и огров, которые, несомненно, в бесценные времена были действующими лицами или посредниками священной проституции.

У нас есть лишь неопределенные представления о галльской теогонии, и мы не можем, следовательно, выделить эротические атрибуты божеств, известных нам только по имени. Однако по находкам некоторых памятников мы можем предположить, что эти божества зачастую были не более приличными в своих образах и привилегиях, чем итальянские и греческие. Например, богиня Онуава, которую археологи XVII века путали с персидской Митрой, была представлена в виде женской головы с двумя большими расправленными крыльями, двумя большими чешуйками в качестве ушей и двумя змеями, венчающими ее своими переплетенными хвостами. Этот образ аллегорически представлял сладострастие, которое порхает то тут, то там, всегда с открытыми глазами и закрытыми ушами, и которое проскальзывает повсюду, чтобы схватить и сожрать свою жертву. Иногда она изображалась в виде женской головы, выходящей из грубого камня, на котором была изваяна змея. Эмблематическая змея также играла важную роль в религии друидов, а с находкой и обладанием коричневым или белым овальным ископаемым камнем, известным как *змеиное яйцо*, связывали идею счастья. Считалось, что это яйцо наделяет тех, кто его носит, особой плодотворной силой. Бог Гурм изображался в виде обнаженного гермафродита с головой собаки. Богиня физической любви, чье галльское имя римляне изменили на *Мурсия*, когда связали ее культ с культом Венеры, не имела других образных представлений, кроме черных камней или гранитных валунов, вырезанных в форме конуса и стоящих у обочины дороги. Бог Марун (*Марунус*), которого римляне также переодели в Меркурия, управлял путешествиями в горах, особенно в Альпах: он принимал облик галльского крестьянина, покрытого бардокукулем, большим плащом без рукавов с чепцом или капюшоном: этот бардокуколь можно было снять, чтобы показать фаллос, установленный на двух обутых ногах, связанных ремнями. Это был идол домашней расы, как и *маиры* или *норны*, в обязанности которых входило следить за рождением детей и укачивать их в колыбели.

Что касается морали галльских богов, то мы не знаем о них достаточно, чтобы оценить, были ли они в большей или меньшей степени запятнаны проституцией. Однако мы знаем, что гаурики, чудовищные гиганты, которых можно было встретить ночью возле дольменов и

пульванов, особенно в Бретани, предавались отвратительному разврату между собой. Мы знаем, что сульфы (*sulèves* или *sulfi*) были безбородыми джиннами с мягким, убедительным голосом, которые подстерегали путников по вечерам, чтобы получить постыдные ласки, наполовину из силы, наполовину из страха. Наконец, мы знаем, что туссы и дусиены (*dusii*) приходили к девственнице во сне и лишали ее девственности, или предлагали пылкому юноше мечту о ночи любви, или даже испытывали свою развращающую силу на мерзких животных. "Повсеместно распространено мнение, - пишет святой Августин в своем "Городе Божьем", - что некие демоны, которых галлы называют *dusiens*, совершают нечистые нападения на спящих людей (*hanc assidue immunditiam et tentare et efficere*)". Святой Августин добавляет, что о существовании этих демонов-распутников свидетельствует так много людей, что мы не имеем права сомневаться в этом. Церковь, по сути, признала среди дел дьявола ночные сюрпризы инкубов и суккубов, которые имели галльское происхождение. Вполне вероятно, что, несмотря на строгую добродетель галльских женщин, демоны похоти расставляли для них ловушки, и эти добродетельные матроны не всегда спасались. Например, Страбон (lib. IV) рассказывает об их страсти к драгоценностям, которую разделяли и мужчины: и мужчины, и женщины украшали себя золотыми цепями, ожерельями, браслетами, кольцами и поясами. Самые высокопоставленные и знаменитые по происхождению носили золотые диадемы, короны и митры, украшенные драгоценными камнями. Можно сказать, что во все времена и во всех странах золотое дело было одним из самых мощных орудий проституции.

На примере Кьомары мы видели, что супружеская верность была одной из обычных добродетелей галльских женщин. Плутарх также рассказывает историю другой галатийки по имени Камма, одной из самых красивых в своем народе. Галл Синорикс влюбился в нее и, зная, что не заставит ее уступить ему ни добровольно, ни силой, пока жив ее муж, убил ее мужа, который был римлянином и звался Синатом. Камма укрылась в храме Дианы. Там Синорикс стал преследовать ее с любовью, которую она с ужасом отвергала. Но она сделала все возможное и притворилась, что согласна выйти замуж за убийцу Сината. Но в день свадьбы она поднесла ему отравленный ею брачный кубок, и, допив его, он вернул ей наполовину наполненный: "Великая богиня, - воскликнула она, обращаясь к алтарю Дианы, - ты знаешь, как тронула меня смерть Сината; ты свидетель, что желание отомстить за него было единственным, что сохранило мне жизнь; я умираю довольной. А ты, трус, - обратилась она к Синориксу, - ты, который хотел восторжествовать над его смертью и моей верностью, ищи теперь не ложе, а могилу !" Преданность Эпонины своему мужу Сабину еще более возвышенна, чем у Каммы, потому что длилась десять лет. И все же эти галлы, внушавшие своим женам такую преданную и неподкупную нежность, сами не были столь сдержанны и не понимали верности в ее самом скрупулезном смысле. Великий историк Мишле в своей "Истории Франции" рисует их "распущенными из-за легкомыслия, слепо и наугад предающимися бесчестным удовольствиям". Действительно, хотя галлы и уважали своих жен, они не уважали себя и, следуя примеру осканских народов Италии, предавались самым ужасным противоестественным расстройством, главным образом после пиров, где они неумеренно употребляли перебродившие напитки. Эти расстройства не были, как у римлян и греков, продуктом преувеличенной цивилизации и пороком воображения, а не чувств: они отвечали грубой потребности в недержании, которая пробуждалась под влиянием пьянства и походила на избыток яростного безумия. Пиршество, затянувшееся надолго под звуки пьяных вызовов и непристойных взрывов смеха, заканчивалось сумбурной оргией, где в темноте царило равенство проституции. Диодор Сицилийский даже утверждает, что галлы ассоциировали своих наложниц с этими ночами слепого разврата; вот латинский перевод греческого текста, который показывает странное отклонение нравственного чувства у этих варваров: *Feminæ licet elegantes habebant, nimium tamen illorum consuetudine afficiuntur, quin*

potius nefariis masculorum stupris, et humi ferarum pellibus incubantes, ab utroque latere cum concubinis volutantur. Et quod omnium indignissimum est, proprii decoris ratione posthabitâ, corporis venustatem aliis levissimè prostituunt, nec in vitio illud ponunt, sed potius cum quis oblatam ab ipsis gratiam non acceptperit, inhonestum sibi id esse dicunt. На следующий день, когда вернулся свет, все забыли о случившемся, чтобы не испытывать стыда. Наконец, самое отвратительное скотоложство даже не пытались скрыть средь бела дня, а кельты хорошего воспитания (*ingenui*) любили своих кобыл и сук как спутниц в своей авантюрной и воинственной жизни.

Такова была моральная ситуация в Галлии, когда Юлий Цезарь установил римское правление. Галлы, легкие и впечатлительные натуры, так быстро подражали своим завоевателям, что стали римлянами, сохранив свои недостатки и качества в этом блестящем рабстве. Они уже были немного греками в окрестностях Марсея и городов Фокеи; но влияние Рима еще сильнее ощущалось в глубине Бельгийской Галлии, и все главные города, Лион, Аутун, Бордо, Вьенн, Лютеция, вскоре не имели ничего галльского, особенно после уничтожения друидизма и друидов. В течение более чем двух столетий сохранялось несколько блуждающих следов друидических институтов; пророчиц все еще можно было найти в глубине лесов; норны все еще танцевали в лунном свете на полянах; но религия греков и римлян исповедовалась в Галлии с большим рвением, чем в остальной части империи; законодательство следовало за религией, и все в галльских обычаях было сформировано на греческий и римский манер. У нас нет специальных сведений о состоянии проституции среди галло-римлян, но мы можем с уверенностью предположить, что она ничем не отличалась от той, что была в Риме и азиатских провинциях. Однако галльские женщины сохраняли самоуважение и надменную гордость, которые характеризуют их в истории, и вряд ли они могли предоставить много материала для публичного разврата. Но за Альпами не было недостатка в иноземных женщинах, а губернаторы, магистраты и военные вожди, которых Рим отправлял в Галлию, привозили с собой все утонченности роскоши, к которым они привыкли. Они были бы не рады обойтись без своих кинестетов, евнухов, танцовщиц, цитар и всего своего распутного персонала. Вскоре, благодаря галльскому настроению, в Галлии, одетой в тоги (*Togata*), , как и в волосатой Галлии (*Comata*), возродилась общительная роскошь, а трапезы Юлия Сабина в Лангресе были не менее пышными, чем у Лукулла в Риме.

Несомненно, метаморфозы, которые римская оккупация принесла в Галлию, были менее заметны в сельской местности, чем в городах; но богов и богинь Рима везде встречали с одинаковым энтузиазмом. Некоторым из этих богов и богинь отдавалось предпочтение, как более соответствующим характеру жителей и обычаям страны. Геркулес, Вакх, Венера, Исида и Приапе - все они имели храмы и статуи, привлекавшие множество подношений. По сходству вкусов галлы выбирали менее суровых божеств и тех, кто лучше всего взывал к их чувствам: они устали от ужасных мистерий Тевтата и хотели только развлекаться в честь новых богов, которых им прислал Рим. Это было блестящее время процветания легальной проституции, и, как все народы, внезапно приобщившиеся к прелестям цивилизации, кельтские расы быстро достигли последней стадии социального разложения. Достаточно прочитать стихи Авсония, почтенного профессора из Бордо, который был учителем императора Грациана, чтобы осознать глубокую деморализацию, охватившую галльское общество: Авсоний, конечно, не одобряет ужасы разврата, которые он выставляет перед глазами своего читателя, но он описывает их как человек, который понимает их, испытав их на себе. Сам способ, которым он их критикует, еще более непристойный, чем самые энергичные пассажи Ювенала и Горация. Это не что иное, как фетишистские и чудовищные удовольствия, возмущающие природу: все, что может изобрести извращенность чувств, все,

кроме скотоложства, перечислено и рассказано в нескольких эпиграммах галло-римского поэта, который обратился с молитвами в стихах к Христу, истине истины, свету света (*ex vero verus, de lumine lumen*)! После прочтения этих благочестивых христианских ораций удивительно, что Авзоний должен был запятнать свой разум, рисуя развратные извращения знаменитой куртизанки Криспы.

Когда сикамбры ворвались из Германии в римскую Галлию, когда северные варвары спустились в самые цветущие провинции империи со своими колесницами, на которых везли своих богов, женщин и детей, они не смешались с этой цивилизацией, которая была напугана их приходом и, казалось, пересохла при их приближении, как река, исток которой иссяк. Эти бесчисленные орды постоянно обновлялись, распространяясь по Галлии и угрожая поглотить галло-римское население. Племя салиев отправилось в поход последним, но оно хотело обосноваться на земле, которая уже была опустошена столькими вторжениями. Салиски или салиане, этот грозный род франков, остановившихся у устьев Иссы, начали утверждаться в Бельгийской Галлии в середине V века, продвигаясь от города к городу в сторону Лютеции. Они были красивы и благородны, высоки, с голубыми глазами и светлыми волосами; они выглядели мягкими и умными; но они опустошали, грабили, убивали, но не насиловали. Их отношение к побежденным было скорее презрительным, чем жалостливым. Нравы франков оставались нетронутыми в течение некоторого времени под защитой их религии и их законов; они бы презрели, став римлянами или галлами: таким образом они уберегли себя от пятна проституции, которое никогда не проникало ни в их храмы Ирменсула, ни в их гостеприимные шатры, ни в их укрепленные деревни. Салический закон не признавал куртизанок среди франкского народа.

ГЛАВА II.

Краткое содержание. - Франки. - Свободные женщины и *слуги*. - Положение *ingenues* или свободных франкских женщин. - Положение слуг. - Законная проституция не существовала среди франков. - Наложницы. - Частная жизнь свободных женщин. - Сакральная проституция была неизвестна франкам. - Религиозный разврат в феврале - Происхождение праздника дураков - *Стрии* или ведьмы - Франконское гостеприимство - Условия для овдовевших женщин - Цена за девственность свободной бургундки - Свидетельство о браке - Законы, защищающие женскую скромность. - Кодекс Ротари - *Сова и ворона* - Покушение на волосы, распутные прикосновения и непристойное насилие - *Рынок проституции* - Суровость закона рипуариев в отношении виновных в непристойном насилии над женщинами. - Две степени наказания за кастрацию. - Законы варваров против прелюбодеяния. - Закон Слезвига об инцесте. - Юриспруденция варваров в вопросах проституции. - Декрет Рекареда, короля вестготов.

Франки, чье имя в тевтонском языке означает не *свободный*, а *гордый и неукротимый*, как латинское слово *ferox* соответствует *frek* или *frenck*, не признавали, как их предки германцы и галлы, господства женщин и не отдавали никакого превосходства этому полу, который они считали ниже своего собственного. Это было одной из отличительных черт франкского племени, которое считало, что благородство состоит из силы тела и энергии души. Среди этих варваров, нетерпеливых к войне и не заботящихся о смерти, женщины не были окружены тем престижем и религиозным уважением, которые издревле приписывали им галлы и германцы; они сознавали свою слабость и держали себя в стороне от управления

общественными делами, в отцовском и супружеском подчинении. Поэтому проституция, какого бы рода она ни была, не имела бы оснований существовать в обществе, управляемом жестокими и грубыми законами, полном воинственных привычек, не знающем развращающих искусств цивилизации, равнодушном к удовольствиям мягкости и презрительном к любым плотским связям. Вскоре мы увидим, что, хотя проституция иногда существовала, она всегда была скрыта и не давала о себе знать.

Франкский род делился на две категории людей: свободных, *ingenui* латинян, и рабов или крепостных, *servi*. Последние, вероятно, происходили от саксов или тевтонцев, которых сикоманы или салийцы обратили в рабство и которые через несколько поколений смешались со своими завоевателями. Как бы то ни было, между свободными женщинами и служанками существовало четкое разделение. Последние принадлежали господину, а остальные - только своим родителям или мужьям. Женщина, будь то дочь, невеста или вдова, никогда не была вольна решать за себя; она находилась как бы под опекой или в рабстве. Все племя могло призвать ее к ответу за ее поведение, когда она уже не отвечала перед мужем или отцом. В таком состоянии постоянной покорности *изобретательные* франкские женщины не осмелились бы предаваться проституции, которая низвела бы их до рабынь, а последние, имея каждый своего господина и повелителя, не могли проституировать с кем-либо, не подвергая себя телесным наказаниям и не заставляя своих сообщников нести серьезную ответственность за свои расстройствa. Кроме того, во все времена и во всех странах женщины хороши лишь настолько, насколько хороши мужчины, которые их создают, а франки, несмотря на свою свирепую отвагу, воинственный пыл и буйную живость, по темпераменту не были склонны к удовлетворению чувств. Они заключали неразрывные союзы, единственной целью которых было рождение детей мужского пола; понятно, что для этого они охотно имели несколько наложниц наряду со своими женами; эти наложницы, как прямо указывает ученый Дом Буке (*Histoire des Gaules*, t. II, p. 422, note), были обычно не более чем служанками, которые с течением времени становились почетными женами, проходя через благородные функции матери семейства. Франкские женщины вели очень уединенную жизнь в своих домах, кормили и воспитывали своих многочисленных детей, пряли лен и шерсть, делали ткани и шили одежду, готовили постель и стол для своих мужей, за которыми они не ходили на войну, охоту, судебные собрания или конные игры. Они едва осмеливались открывать свои шатры или выглядывать издалека, между частоколами своего форта, чтобы увидеть исход битвы, поединка или охоты. Они жили между собой, наблюдая и охраняя друг друга так, что сама мысль о недержании не проникала в их сознание.

В религии франков также не было ничего, что благоприятствовало бы священной проституции. Эта религия была грубым язычеством, которое придавало ужасные и чудовищные формы изображению природных стихий - воды, огня, земли, бури, луны и солнца. Они не поклонялись никаким другим богам и поклонялись им экстравагантно, с песнями, танцами, гримасами, искажениями и маскарадами. Более того, мы не знаем, из чего состоял этот культ, который Григорий Турский описывает как безумный (*fanaticis cultibus*), и который оставил в христианстве различные суеверия. Например, в перечне языческих обычаев, составленном после синода Лептинов в Хайнауте в 743 году, мы отмечаем развратные действия в феврале (*De spurcalibus in februario*), в которых можно распознать происхождение карнавала; в том же перечне мы читаем: *De pagano cursu quem yrias nominant*. В январские календы, - пишет аббат Дерош в "Mémoires de l'Académie de Bruxelles", - женщины переодевались в мужчин, а мужчины - в женщин; другие, надев шкуры и рога, превращались в зверей: все бегали по улицам, кричали, прыгали и совершали тысячу

экстравагантных поступков. Так начался знаменитый праздник дураков, который сохранялся в христианской церкви до XVIII века. Наконец, в "Индикуле" о суевериях, которые кажутся нам скорее франкскими, чем галльскими, говорится о женщинах, повелевающих луной и пожирающих мужские сердца. Это были стригои или ведьмы, которых франки считали такими страшными и которых они обвиняли в союзе с силами зла. Вскоре мы докажем, что эти ведьмы, жившие в самых непроницаемых лесных логовах, занимались там, под влиянием внушаемого ими ужаса, проституцией, которую они также хвастались тем, что практикуют со злыми духами.

Франки не уважали клятвенную веру (*familiare est ridendo fidem frangere*, говорит Флавий Вописк), и все же, по словам Сальвиана, они были верными хранителями гостеприимства. Это гостеприимство ни в коем случае не означало, что хозяин должен иметь дело с женой, наложницей или служанкой; они даже избегали показывать свои лица, а гости пили из одного кубка, обменивались кинжалами или браслетами, играли в азартные игры и в итоге спали в одной постели. Путешественники, останавливавшиеся в салийском лагере или деревне, не имели иного намерения, кроме как отдохнуть и утолить голод или жажду, чтобы на следующий день снова отправиться в путь. Поэтому этому путешественнику не нужно было искать по дороге никаких чувственных развлечений, которые бы только утомляли его и которые, к тому же, не входили в программу франкского гостеприимства. Он хотел лишь избежать тяжелой рамы и скимитара врага, с которым познакомился на поле боя и который щедро принимал его в своих домах. Франк не только не требовал проституции жены, дочери или рабыни ради гостя, которого он принимал как брата и друга, но и держал их на расстоянии и не позволял им видаться с чужаком, боясь нарушить их скромность. Законы варваров показывают нам, что они очень ревностно относились к добродетели своих жен и не терпели ни малейшего посягательства на нее. Мужья, отцы и хозяева имели право жизни и смерти над рабами, дочерьми и женами; превышение власти почти не наказывалось; например, муж, убивший свою жену, чтобы жениться на другой, согласно древним капитуляриям, не подвергался другому наказанию, кроме лишения права носить оружие (*armis depositis*). Убийство жены за прелюбодеяние было общим законом, и этот закон не предполагал ни медлительности, ни колебаний; часто муж не ждал, пока преступление будет совершено, и сначала удовлетворял свою ревность, прежде чем узнать, обоснована она или нет. Капитулярий доволен тем, что обезоруживает франка, убившего свою жену без всякой причины (*sine causa*).

Невозможно переоценить одно препятствие для занятия проституцией. Женщина никогда не принадлежала самой себе, даже когда становилась вдовой; хотя ей больше не приходилось отвечать за себя перед родителями, мужем или детьми, она оставалась как бы в общем рабстве, привязанной к глебе налогоплательщика, и все, так сказать, следили за ее нравственностью. Если вдова хотела снова выйти замуж, она должна была заплатить своего рода вектигаль или выкуп ближайшему родственнику покойного или в казну принца или короля, которого она признавала своим господином. Эта плата составляла всего три золотых су и один денарий (Lex sal., tit. 46, *Reipus*). Бургундский закон гласит, что вдова, добровольно вступившая в преступную связь с мужчиной (*quod si mulier vidua cuicumque se non invita sed libidine victa sponte miscuerit*), не может требовать возмещения ущерба или заставить своего сообщника жениться на ней, поскольку проституция сделала ее недостойной ни мужа, ни денежной компенсации. Тот же закон, однако, предоставлял дочери свободного бургундца, соблазненной варваром или римлянином, право требовать от соблазнителя пятнадцать золотых монет, как бы в уплату за свою обещанную девственность; но после этого девушка оставалась обремененной позором, нанесенным ей потерей чести (*illa vero facinoris*

sui deshonestata flagitio, amissi pudoris sustinebit infamiam). Эти пятнадцать золотых солей, которые соблазнитель вручал в суде своей жертве или ее сообщнице, составляли цену *meretricium*, а девушка, осмелившаяся претендовать на них, приравнивалась к куртизанке. Однако, судя по всему, законодательство варваров, признавая рабство женского пола, признавало и то, что девушка, еще не знавшая мужчины, имела небольшую долю в передаче своего тела мужу; ведь последний, согласно старым обычаям салического права, заключал с ней брак только после того, как дарил ей сол и динарий, как бы платя ей за девственность по общему тарифу. Этот брачный обычай сохранился до наших дней, хотя и получил христианское толкование в церемонии выдачи свидетельства о браке, которое жених и невеста благословляют у священника вместе с кольцом. Эти соль и динарий, которые женщина получала, выходя замуж, были ценой единственного имущества (*præmium*), которое она могла претендовать на свое собственное, и в передаче которого, хотя часто и принудительно, она была заинтересована: кроме того, она не владела ни землей, ни рентой, ни правами наследования. Приданое, которое муж должен был дать женщине, на которой он женился, было лишь обязательством кормить ее, и это приданое возвращалось в семью женщины в случае ее смерти. Обычно подарки, которые эта семья принимала от одобренного ими будущего мужа, представляли собой своеобразный рынок, на котором женщина была не более чем пассивным товаром. Браки, заключенные таким образом жадными родственниками или хозяевами, имели характер дикого леноциниума, в котором доля женщины (один сол и один денарий) была гарантирована законом.

Варварский кодекс защищал женщину во всех случаях, когда ее скромность могла быть нарушена; но чтобы получить право на эту постоянную защиту, женщина должна была заслужить ее своим достойным и благородным поведением. У нас есть все основания предполагать, что ведьмы и развратники не пользовались защитным правом и не имели права требовать всеобщего уважения. Из статьи салического закона следует, что допускалось доказательство оскорбления любой женщины, которая заявляла, что ее обидели, и приходила на сайт за поддержкой судьи. Такое выяснение моральных качеств сторон, безусловно, способствовало формированию судебной практики по делам об оскорблениях, а рассмотрение жалоб иногда останавливалось из-за страха перед информацией и свидетельскими показаниями. Вот текст салического закона, из которого, как нам кажется, видно, что оскорбление женщины было подчинено состоянию и нравственности этой женщины, так что она всегда была готова оправдать свой образ жизни: "Если кто-либо назвал женщину благородного рода *стригоем* или *мерином* и не может убедить ее в этом (*si quis mulierem ingenuam striam clamaverit aut meretricem et convincere non poterit*), то он должен быть приговорен к уплате 7500 денариев или 187 золотых су." Из этой статьи ясно, что любой человек, обвиненный в оскорблении или нанесении какого-либо ущерба женщине, мог защищаться, утверждая, что эта женщина, будучи ведьмой или мерисью, недостойна пользоваться благами закона, поскольку женщина, занимающаяся нечестным и преступным ремеслом, не может быть возмущена ни при каких обстоятельствах. Следует также отметить, что самыми серьезными оскорблениями, которые могли быть нанесены свободной женщине, были оскорбления *ведьмы* и *куртизанки*. Огромный штраф, который должен был заплатить преступник, несомненно, женщине, получившей оскорбление, доказывает, что франки ничего так не презирали, как ведьм и развратных женщин. Что касается способа доказательства, то мы можем основывать наши гипотезы только на судебных привычках франкской расы, которая допускала клятвы, единоборство и свидетелей для установления факта перед магистратом.

Существует несколько версий Салического закона, составленных в разное время и разными племенами; во всех этих версиях в заголовке *De heburgio* (XXXIII), содержащем столь суровые

положения, касающиеся двух самых жестоких оскорблений, которых должна была опасаться женщина, наблюдаются некоторые колебания в размере штрафа, который, по-видимому, уменьшался по мере того, как квалификация *ведьмы* и *куртизанки* вызывала меньший ужас. Так, в Салическом законе, измененном Карлом Великим, штраф в 7500 денариев снижен до 800, а в другом кодексе того же закона - даже до 600. Согласно одной древней рукописи, штраф за оскорбление *куртизанкой* бесхитростной женщины составлял 45 золотых монет, а согласно другой - даже 15 золотых монет. Но мы не беремся дать точную оценку размера этого штрафа из-за постоянных колебаний денежной стоимости. Для сравнения можно лишь отметить, что штраф в 7500 денариев, или 187 золотых монет, был значительным; ведь ведьма или стригои, уличенная в поедании человеческой плоти (*si stria hominem comederit*), должна была заплатить штраф в 800 денариев, или 20 золотых монет. Салический закон признавал только два оскорбления для мужчин, эквивалентные *stria* и *meretrice* для женщин; но наказание за эти оскорбления было не таким суровым, несомненно, потому, что они были более частыми: Первое, *chervioburgus* или *strioportus*, означало *камердинера ведьмы* и наказывалось штрафом в 2500 денариев или 62 с половиной су; второе, которое мы находим только в Салическом законе, исправленном Карлом Великим, похоже, аналогично нашему слову *фальсификатор*, поскольку под *falsator* в основном понимался клятвopреступник, давший ложную клятву. В одной из статей Салического закона Карловингов оскорбление *фальсификатора* и оскорбление *меритрикса* ставятся почти в один ряд, облагая первого 600 денье или 15 золотых су: *Si quis alterum falsatorem et mulier alteram meretricem clamaverit*. Что касается *стриопортиуса*, игравшего ужасную роль в тайнах магической проституции, то его обвиняли не только в том, что он несет котел на шабаш ведьм и их inferнальную кухню (*illum qui inium dicitur portasse ubi striae cocinant*, согласно тексту в Салическом законе); он также, как говорили, обладал способностью служить всадником для этих печально известных ведьм, перенося их на ночные сборища через пространство. Ведьма не всегда сидела на плечах своего любезного камердинера; иногда она держала его на руках, а иногда даже подвешивала себя к хвосту персонажа, превращенного в собаку или свинью. Наконец, в воздухе, словно стрела, летал *червонец* с двумя или тремя полосами, который опирался на него, как на метлу. Эти различные виды оскорблений были настолько зверскими по своей природе, что их не причисляли к обычным осуждениям (*convicia*), а называли *heburgium*, что означало настоящее отравление и не могло быть адекватно охвачено словом "*клевета*".

Кроме того, все варварские законодатели были полностью согласны с характером оскорбления свободной женщины, называя ее куртизанкой, но все они также признавали за оскорбителем право доказать истинность своего утверждения. Текст салического закона, однако, очень краток и неясен в этом вопросе, и для того, чтобы истолковать его и дать ему необходимое развитие, мы имеем в лангобардских законах Ротариса главу, которая, несомненно, содержит все законодательство франков в отношении *heburgium*. Ротари, опубликовавший свой кодекс в 643 году, взял его из варварских законов и, в частности, из Салического закона, который он часто не более чем уточнял и комментировал. Согласно кодексу Ротариса, если кто-то громко назвал девушку или свободную женщину "*стригой*" или *проституткой* (*fornicariam aut strigam*), он должен был исправиться или доказать свои слова. В первом случае при помощи двенадцати свидетелей, которые ручались за его присягу, он клялся, что произнес это ужасное оскорбление (*nefandum crimen*) только в порыве гнева и не имея полномочий отстаивать его справедливость; поэтому, чтобы наказать себя за несдержанность в выражениях, он платил штраф в 20 золотых су и обязывался не повторять подобной клеветы. С другой стороны, если обидчик упорствовал в своем обвинении и утверждал, что может его доказать, то он допускался к Божьему суду и должен был сразиться с чемпионом, выставленным против него оскорбленной женщиной. Если исход поединка доказывал, что несчастная женщина достойна звания *бродяжки* или

проститутки, то она платила штраф в размере 20 золотых центов. В противном случае, если побеждал защитник этой женщины, побежденный должен был заплатить денежную сумму, чтобы выкупить свою жизнь, которая варьировалась в зависимости от рождения и состояния женщины, которую он несправедливо оскорбил (см. *Recueil des lois des barbares*, изданный Полем Канчиани, т. I, с. 79). В салическом законе это оскорбление (*meretrix*), направленное против свободной женщины, называлось на деревенском языке *extrabo*, которое схолиасты пытались перевести на саксонский язык как *entroga*, что не имеет никакого смысла.

Другие оскорбления, которые могли быть нанесены доброй женщине и которые не требовали доказательств, в салическом законе не указаны: сова или ворона, единственная из указанных, соответствует оскорблению *strie*, поскольку ведьмы совершали свои злодеяния только ночью. Что касается выражения "полоса", которое связано с выражением "проститутка", то оно применялось прежде всего к старухам, которых подозревали в посещении субботы, где, под призывом сил зла, совершались тысячи грязных развратных действий, которые, как мы увидим, увековечились в развратных действиях магии. Но в интересах женского пола салический закон рассматривал не столько словесные, сколько материальные оскорбления. Эти оскорбления подразделялись на три основные категории, которые можно описать следующим образом: оскорбление волос, развратные прикосновения и непристойное насилие. Известно, что волосы женщины, как и волосы франкского мужчины, были священны и неприкосновенны. Дешевле было убить толстую женщину пинком или ударом, чем потрепать ее волосы. Так, если беременная женщина умирала от удара ногой в живот, убийца получал всего 22 золотые монеты, тогда как за срыв головного убора и падение распущенных волос на плечи (*si vitta sua solverit aut capilli ad scapula sua tangant*) взималось 30 монет, а если волосы женщины были просто растрепаны так, что ее головной убор упал на землю, - 15 монет. Прикосновения наказывались весьма скромными штрафами. Свободный мужчина, пожавший (*instrinxerit*) руку или палец свободной женщины, облагался налогом в 600 денариев или 15 золотых су; если он остановил ее за руку (*destrinxerit*), то 1 200 денариев или 30 су; если он сжал (*strinxerit*) ее руку выше локтя, то 1 400 денариев или 35 су; если, наконец, он коснулся ее горла (*mamillas capulaverit*), то 1 800 денариев или 45 золотых су. Это была фантазия, которая стоила вдвое дороже, чем смерть толстой женщины, и тот, кто не имел требуемой по закону суммы, лишался носа, или ушей, или еще чего-нибудь. Однако размеры штрафов, указанные в текстах салического закона, настолько различны, что их невозможно примирить или удовлетворительно объяснить. Так, в тексте, который, возможно, является самым древним, за убийство беременной женщины, которая умерла от жестокого обращения, которому ее подвергали, избивая (*trabattit*), полагается штраф в размере 28 000 денариев, что оценивается в 700 золотых монет. Если ребенок умирал в утробе матери, штраф составлял еще 8 000 денариев или 200 су.

Изнасилование, должно быть, было очень редким явлением среди тевтонских народов, которые не были слишком склонны к бредням чувств. Однако оно все же нашло свое место в законах варваров и грозило страшным наказанием распутникам, не сдерживаемым уважением к чужой жене. Если невеста (*druthe*, по-саксонски), направлявшаяся к мужу, встречала по дороге мужчину, и он знакомился с ней насильно, то виновника этого нападения можно было получить по составу, только заплатив 8 000 денье или 200 су. (*Si quis puellam sponsatam ducentem ad maritum et eam in viâ aliquis adsalierit et cum ipsâ violenter mœchatus fuerit.*) На деревенском языке эта композиция называлась *changichaldo*, что означает "рынок проститутток". Если признавалось, что невеста отдалась добровольно, то она теряла свою *изобретательность*, если принадлежала к свободному состоянию. Штраф

был не выше, если мужчина, путешествуя в компании со свободной женщиной, пытался совершить над ней насилие (*adsalierit et vim ille inferre præsumpserit*). Горе виновному, если он не был свободен и если звание *бесхитростного* не говорило в его пользу: раб или вольноотпущенник, он подвергался наказанию или предавался смерти. Закон рипуариев был еще более строг, чем Салический закон, по отношению к тем, кто совершал нечистые акты насилия над женщинами. Похищение свободной женщины рабом не подлежало денежной компенсации. Знатный похититель платил 200 су. Раб, соблазнивший чужую служанку и причинивший ей смерть (в рипейском законе не сказано, каким образом), кастрировался или выкупался за 6 золотых монет; если служанка не умерла в результате соблазнения, раб получал 120 ударов плетью или выплачивал 120 денариев владельцу служанки, которую он незаконно присвоил. Наказание в виде кастрации, которое так часто встречается в кодексах варваров, практиковалось в два этапа, представляющих собой два вида наказания: здесь - удаление яичек, там - полное удаление мужественного члена. Трудно поверить, что пациент в любом случае часто поддавался этому ужасному увечью, которое сегодня почти всегда сопровождается смертью. Операторы были настолько искусны, а жертвы настолько крепки, что кастрация не сопровождалась несчастными случаями, а выздоровление не занимало много времени.

Что касается прелюбодеяния, то оно каралось варварами с беспощадной суровостью; но из этой суровости не следует делать вывод, что народы, применявшие ее, имели очень точное представление об этом преступлении с моральной и социальной точки зрения. Варвар, вестгот, бургундец, рипуарий или франк, рассматривал прелюбодеяние только как плотскую кражу и посягательство на владение законно приобретенным предметом. Кража 40 денариев, согласно салическому закону, влекла за собой кастрацию или штраф в 6 золотых су для свободного мужчины; кража жены у мужа, согласно закону рипуариев, требовала штрафа в 220 золотых су. Если жена во время отсутствия мужа, которого она могла считать умершим, вступала в наложные отношения с другим мужчиной, а первый муж внезапно возвращался, он имел право, согласно кодексу вестготов, распоряжаться женой и наследником, которого она ему подарила, по своему усмотрению: он мог продать их, или убить, или помиловать. Закон рипуариев под названием *De forbattudo* рисует пугающую картину мести, которую муж мог совершить над своей счастливой соперницей под предлогом самозащиты. Если он заставлял жену за прелюбодеянием, а виновник преступления делал вид, что сопротивляется, оскорбленный муж имел право убить того, кто украл его честь: затем, призвав свидетелей, он клал труп на дыбу и тащил его на перекресток города, где в течение сорока дней оставался рядом со своей жертвой. Всем допрашиваемым он рассказывал об обстоятельствах, при которых совершил убийство, и провозглашал его справедливость. По истечении сорока дней он возвращал труп семье убитого и представал перед судьей, чтобы поклясться, что невольно убил человека, который мог бы убить его самого и который уже бил его, вместо того чтобы пасть к его ногам и просить о пощаде. Отец также имел право лишить жизни человека, которого он застал обесчестившим его дочь. Если он не убивал его на месте, то по салическому закону *теоктидией* называлось завладение *бесчестной* дочерью без согласия ее отца и матери: человек, который просто получил согласие девушки, платил ее родителям штраф в размере 1800 денариев или 45 золотых монет. Но в законе не сказано, заплатив штраф, он тем самым приобретал разрешение на продолжение незаконных отношений с девушкой, или же его принуждали жениться на ней и забрать ее с собой. Бургундский закон, похоже, компенсирует молчание салического закона в этом отношении, говоря, что женщина, которая свободно и по своей воле вошла в дом мужчины (*ad viri cortem*) и сожительствовала с этим мужчиной по своей воле, не будет удерживать его против его воли в этом виде прелюбодеяния (*is cui adulterii dicitur societate*

permixta): ему придется только заплатить родителям женщины брачный налог (*nuptiale pretium*), и тогда он будет волен жениться на ком пожелает, ничего не опасаясь.

Салический закон не содержит никаких особых правил относительно проституции как таковой; но, судя по законодательству варваров, можно утверждать, что в отдаленные периоды нашей истории она нигде не была терпимой и что ей оставалось только скрываться или бежать, как только о ней узнавали в лагере или деревне этих суровых и диких народов. Древний закон Шлезвига, в котором, по-видимому, сохранились законы сикамских и салийских франков, говорит нам, что кровосмешение больше не каралось законом, если совершалось с развратной женщиной. Только женщина, которая не была печально известна и не продавала свое тело (*quæ prius scortum non fecerit, nec infamis fuerit*), принадлежала к семье и должна была сохранять свои семейные узы; женщина же, которая отдавалась всем остальным, уже в силу этого факта была вне закона. (См. "Историю датского права" Петера Кофоданчера, 1776, in-4°, tom. II, p. 5). Древний закон готов, который также связан с салическим законом, гласит, что женщина, осужденная за проституцию, изгонялась из города, как недостойная быть частью гильдии, и это позорное изгнание, говорит комментатор (J.-О. Стьернук в своей книге "De jure Sueonum et Gothorum vetusto", 1672, pag. 321), было достаточным наказанием, чтобы заставить куртизанку искупить вину за свою профессию и позор своей жизни. Закон рипуариев не налагал изгнания на *бесхитростную* девушку, которая отдалась нескольким мужчинам; но тот, кто был пойман с ней (*si quis cum ingenuâ puellâ mœchatus fuerit*), платил за других и не освобождался, пока не заплатит огромный штраф в пятьдесят золотых монет; этот штраф, очевидно, шел вождю племени или *королю*. Мы считаем, что судебная практика варваров в вопросах проституции оформлена в законе вестготов, где указ короля Рекареда, взойшедшего на престол в 586 году, полностью запрещает проституцию с суровыми наказаниями. Рекаред был католиком, и его декреты, несомненно, были подчинены епископам, которые вмешивались в церковную власть во всех мирских державах и держали под опекой государей, которых они обращали в свою веру; но мы видели, что благодаря Соборам католическая церковь подчинялась римскому законодательству во многих моральных вопросах и закрывала глаза, в частности, на публичную проституцию. Законы варваров, с другой, не допускали этой развращающей терпимости и безжалостно преследовали женщин с дурной репутацией, которые позорили целый город, где они жили, и своими неблагородными привычками.

Декрет Рекареда очень подробный и четкий; его можно считать общим кодексом проституции у варваров, франков Бельгии и вестготов Испании. Если девушка или женщина свободного положения, публично занимавшаяся проституцией в городе, была признана проституткой (*meretrix agnoscatur*) и часто попадалась на прелюбодеянии; если эта несчастная женщина, лишенная всякой скромности, имела незаконные отношения с несколькими мужчинами, согласно обычаям ее гнусного ремесла, она должна была быть арестована по приказу городского совета и изгнана из города в присутствии всех жителей, публично получив триста ударов плетью. Ей было предписано впредь не попадаться на проституции, а вход в город был закрыт для нее навсегда. Если же она осмеливалась вернуться в город и возобновить свой образ жизни, городской совет назначал ей еще триста ударов плетью и отдавал в рабство к какому-нибудь бедняку, который держал ее под строгим надзором и не позволял ей ходить по городу. Если эта нескромная женщина признавалась отцу или матери, что занимается развратом до такой степени, что ее развратные похождения дают ее родителям средства к существованию, то этот позорный отец или мать, питающиеся бесчестьем своей дочери (*pro hac iniquâ conscientia*), получали сто ударов плетью.

Любая служанка с распущенным нравом получала триста ударов плетью и после бритья по приказу судьи возвращалась к хозяину, который был обязан вывезти ее из города и держать в надежном месте, чтобы она никогда не вернулась. Если хозяин не хотел продавать служанку и позволял ей вернуться в город, его самого приговаривали к тремстам ударам плетью публично; тогда его рабыня становилась собственностью какого-нибудь бедного горожанина по выбору короля, судьи или графа, а новый хозяин этой бродяжки заботился о том, чтобы она не вернулась на место своих блудных походов. Однако в случае, если эта служанка занималась проституцией в интересах своего хозяина (*adquirens per fornicationem pecuniam domino suo*), хозяин разделял позор и наказание своей рабыни, получая триста ударов плетью. С обычными женщинами, арестованными в деревнях и городах, которые могли быть осуждены за привычное распутство, обращались так же сурово.

Судья, который по неосторожности или из-за коррупции воздерживался от исполнения указа Рекареда, сам подвергался, помимо увольнения, суровому наказанию, и приговаривался городским советом к ста ударам плетью и штрафу в 30 су в пользу своего преемника.

ГЛАВА III.

Резюме - Франки, завоеватели Галлии, не испытали влияния галло-римской коррупции.- Обращение Хлодвиг.- Формирование французского общества.- Состояние проституции при Меровингах.- Гинекеи.- Кубическая проституция.- Физический и моральный портрет франков.- Моральное состояние франков после их обращения в христианство.- Дворяне.- Плебеи.- Усилия галльского духовенства по моральному воспитанию франков.- Состояние франкских женщин.- Салические браки.- *Утро настоящего времени*.- Добровольное унижение франков по отношению к своим мужьям.- *Дистаф и меч*.- Многочисленность брачных союзов при королях первой расы.- Принудительная терпимость церкви к наложницам.- Различные степени брачного союза.- *Полубрак и брак левой руки*.- Состояние семьи во Франции.- *Бастарды дома*.- Описание франкского *гинецея*.- Происхождение серала в магометанстве.- Гинецеи римлян Восточной империи.- Гинецеи королей Меровингов и Карловингов.- Капитулярии Карла Великого.- Различные категории гинецев.

Франки, которые с середины V века шаг за шагом продвигались в Галлию, поначалу не сливались с галло-римлянами, которых они подчинили своему господству; они сохраняли свои обычаи, свою религию и свои привычки, не позволяя влиять на себя контакту с блестящей и сладострастной цивилизацией, которую они встречали в завоеванных городах; Они презирали все, что не происходило от их предков, и, казалось, хотели сохранить свою дику индивидуальность среди различных рас, религий и политических государств, которые смешались на территории Галлии. Но в то же время они не пытались изменить образ жизни или характер исконных владельцев земли; они не налагали на них никаких подражательных ограничений; они просто не поддавались влиянию соседей и примеров. Разделительная линия между галло-римлянами и варварами оставалась настолько четкой, что во всех странах, где установилось франкское владычество, салический закон использовался по отношению к Феодосиеву кодексу, который действовал в Галлии так же долго, как и в остатках Римской империи. Эти два закона, имевшие взаимную силу права для победителей и побежденных, образовали особый кодекс *мирских законов* (*lex mundana*), в котором каждый находил свое право, в зависимости от происхождения. Позже кодекс Феодосия был заменен кодексом Алариха II, короля вестготов, а затем кодексом императора Юстиниана для римской юриспруденции; что касается варварской юриспруденции, то законы германцев, баварцев и рипаров были просто добавлены к салическому закону. Это

объединение двух таких разных и противоположных юриспруденций свидетельствует о том, что франки не собирались подчинять своему национальному кодексу население, с которым они избегали смешения; это также показывает, что они не признавали для себя авторитет обычного права своих рабов или крепостных. Поэтому несомненно, что проституция, которая была легальной в галло-римских городах, продолжала существовать там на тех же условиях и после завоевания франками, не развращая суровый и гордый аскетизм этих завоевателей.

Главные вожди франкских племен были призваны в Галлию католическими епископами, которые предпочли сохранить свою власть под властью варваров, нежели уступить свою епископскую кафедру арианству, защищенному римскими муниципалитетами. Эти франкские вожди просто подчинились тайному договору, подписанному с влиятельными представителями галльского духовенства, о сохранении церквей, монастырей и христианского богослужения. Они не оставались со своими воинственными ордами в городах, которые брали силой или которые открывали перед ними свои ворота: они жили вокруг этих городов, в деревнях, на фермах, в укрепленных лагерях, в пределах своих повозок, нагруженных добычей; они всегда были готовы отправиться в поход и начать войну заново; они жили в изоляции и избегали всех привычных отношений с коренными галлами и римскими колонистами. Слияние рас и обычаев произошло только после обращения Хлодвиг и его сикамбров в христианство. В этот момент франки задумались о переселении в Нейстрию и Аустразию; затем раздел земли и людей в пользу вождей франкской нации создал новое общество, которое вскоре охватило галло-римское и полностью его поглотило. Став христианами, франки также стали галлами и римлянами, не потеряв при этом печать своего рождения и не перестав быть варварами. Более двух столетий под эгидой институтов Меровингов медленно развивалось это французское общество, состоящее из множества различных элементов и несущее в себе зачатки христианской цивилизации. От Хлодвиг до Карла Великого епископы были настоящими законодателями, а церковный кодекс доминировал над кодексом Юстиниана и тевтонскими законами. Проституция, осужденная церковью, не имела регулярного и законного хода; расстройства недержания были тем более неукротимыми и дерзкими. Строго говоря, в городах, управляемых епископами, не было куртизанок и проституток, занимавшихся этим постыдным ремеслом, но повсюду, в каждом феоде (*feudum*), в каждом сельском жилище (*mansio*), существовало нечто вроде сераля, гинецея, в котором свободные или подневольные женщины работали за веретеном или иглой, и где хозяин находил легкие удовольствия и всегдашнее подражание в их обслуживании. Именно супружеская проституция заменила все другие виды проституции, пока брак не освободился от паразитических скандалов, которые его позорили.

Франки, как мы уже говорили, не знали, что такое чувственность, когда спустились в Галлию; они использовали своих жен только для рождения детей, и для них было благочестивым долгом дать своему племени много воинов, ибо, по словам софиста Либания в его речи к императору Константину, "они вкладывают все свое счастье в войну, которая, кажется, является их истинной стихией: Покой для них невыносим; их соседи никогда не могли убедить их или заставить жить в мире. Эти варвары день и ночь заняты планированием вторжений". Поэтому им некогда было думать о раздражающих удовольствиях наслаждений, о тех, чьи нравы, по словам Евсевия (Жизнь Константина, Liv. I, гл. 25), напоминали нравы свирепых зверей. Сидуан Аполлинер изобразил их в не менее страшных красках: "Их любовь к войне опережает годы. Если их одолевает численность или невыгодное положение, они отдаются смерти, а не страху. Они кажутся непобедимыми даже в своем поражении, и их жизнь угасает раньше, чем их мужество". У них не было природной склонности к нежным любовным утехам; "они не заботились о том, чтобы любить или быть любимыми своими женами", - говорит Тацит о германцах, которые ничем не отличались от франков V века; они

были заинтересованы лишь в том, чтобы наводить на себя страх и казаться в глазах своих врагов больше, отвратительнее и чужероднее. Поэтому они красили свои светлые волосы в рыжий цвет, которые, сбритые за затылком и зачесанные назад от макушки до лба, спадали в длинные косы или завивались в плюмаж над черепом. Такое обилие волос было эмблемой их физической силы и привилегией их расы; они называли себя *волосатыми воинами*, а от бороды у них остались только конические усы, которые часто доходили до груди. Что касается их обычного костюма, то он не был предназначен для праздной и сладострастной жизни: Узкие одеяния из оленьей кожи или кожи гребенщика облегали их сильные конечности, позволяя делать все гибкие и ловкие движения; широкая сбруя поддерживала изогнутый меч, известный как *скрамасакс*, а на поясе висел обоюдоострый топор; они не расставались с оружием даже на ночных пиррах, где пиво наполняло их черные или красные фаянсовые кубки каждый раз, когда они повторяли припев одной из своих военных песен. Они прибывали всегда пьяными в постель одной из своих жен или служанок, и не преминули покинуть ее до рассвета, словно стыдясь видеть аримана (*heere man*, man of war) в объятиях женщины.

Однако у франков было божество, которое управляло браками, а точнее, поколениями: это была Фреа или Фригга, жена Водана, скандинавского Одина, бога войны и резни. Она исправляла беды, причиненные ее свирепым мужем; она давала жизнь после того, как он давал смерть; она давала отдых и удовольствие храбрым (*pacem voluptatemque largiens mortalibus*, говорит Адам Бременский в своей "Экклезиастической истории"). Адам Бременский добавляет, что поклонники этой Венеры Севера представляли ее в виде чудовищного фаллоса (*cujus etiam simulacrum ingenti Priapo*), но никаких других свидетельств в поддержку этой причудливой конфигурации богини Фреи не приводится, и нам было бы очень неудобно использовать древние авторитеты для обоснования присутствия фаллоса в религии франков. Как бы то ни было, этот фаллос не был символом распутства и непристойных страстей: он представлял собой не что иное, как божественный акт порождения, и был характерен для творческой природы. Большинство фаллических традиций, распространенных в регионах, где жили франки, следует, пожалуй, отнести к культу Фреа, а не Приапе, а Венеру Севера увидеть в идолах, в стоячих камнях, в резных стволах деревьев, в атрибутах Приапе, которого жители уважали и которому поклонялись вплоть до IX века. В руинах нескольких франкских станций на Рейне было обнаружено большое количество фаллосов из бронзы и слоновой кости, которые, должно быть, были памятными подношениями, преподнесенными Фрею женщинами, а не мужчинами. Только в идолопоклонстве финикийцев Венера или женская природа символизировалась фаллосом. В конце четвертого века, когда богиня Фреа, почитаемая франками из Исселя, возможно, привнесла в римское язычество новый вид Венеры, часовни были посвящены двум божествам, которые, возможно, были франкского происхождения, и которых Святой Августин в своем "Городе Божьем" показывает нам как обоих, способствующих самому тайному акту порождения. Это были Liber и Libera, занимавшие один и тот же храм, где половая часть мужчины располагалась рядом с женской, как симулякр этих божеств, называемых *отцом* и *матерью*. Святой Августин цитирует необычный отрывок из Варрона на тему атрибуции Liber и Libera, который мы без колебаний признаем во Фреа франков: *Liberum a Liberamento appellatum volunt, quod mares in coeundo, per ejus beneficium, emissis seminibus, liberentur. Hoc idem in feminis agere Liberam, quam etiam Venerem putant, quod et ipsas perhibeant semina emittere, et ob hoc Libero eamdem virilem corporis partem in templo poni, femineam Liberæ.*

Но Хлодвиг, крещенный святым Реми, низверг идолов, которым поклонялся, и франки, следуя его примеру, крестились снова и снова, отрекаясь от богов своих предков. Долгое

время их католицизм был таким же грубым, как и их идолопоклонство; они не понимали ни догм, ни морали принятой ими религии, которая для них сводилась к определенным практикам и обрядам. Тем не менее епископы успешно использовали свой церковный авторитет, чтобы смягчить и исправить нравы свирепых сикамбров: Они постоянно воевали с этими варварами, не знавшими иных законов, кроме своих инстинктов и жестоких страстей; они применяли отлучение от церкви и подвергали себя оскорблениям, жестокому обращению и даже смерти, выступая против своих неофитов, которые с дикой страстью предавались всевозможным излишествам и, в частности, насмехались над таинством брака. У царей, как и у леудов и летеов, было несколько наложниц, которые сменяли друг друга, а иногда и правили одновременно. Основываясь на единодушном мнении соборов, церковь разрешила каждому мирянину иметь одну законную жену или наложницу, в соответствии с обычаем римского права, пережившего политеизм. Сами клирики пользовались теми же привилегиями, и не было ничего более обычного, чем увидеть женатого епископа или священника с наложницей. Но франки не довольствовались католической терпимостью, позволявшей каждому иметь либо наложницу, либо жену; они не ограничивались сменой наложниц так часто, как им хотелось создать новый законный или разрешенный союз; они содержали, помимо титулярной жены, несколько наложниц, которые одновременно делили постель хозяина; в самой уединенной части дома у них был гинецей из женщин или служанок (*ancillæ*), которые рожали им детей и по очереди ложились в их постель. Таков был обычай всех варваров, которые показывали свою знатность и богатство количеством жен, лошадей и собак. Среди бедняков и плебеев брак был моногамным, потому что муж не мог позволить себе содержать несколько жен; но эта жена или наложница часто уступала место другой, потому что развод был не более формальным, чем брак.

Легко понять, до какой степени галльскому духовенству приходилось бороться с испорченными нравами этих варваров, которые возмущались любой формой принуждения и рассматривали любое предписание божественного и человеческого закона как невыносимое рабство. Франки не позволяли священнику видеть, судить и осуждать то, что было скрыто в святилище домашнего очага: Они охотно участвовали во всех расходах на богослужения; они щедро раздавали милостыню; они щедро давали на строительство и украшение церквей, на содержание монастырей, на святыни, реликвии и гробницы святых, но они становились безвольными и мятежными, как только их частное поведение сталкивалось с порицаниями и анафемами епископов и клириков. Более того, они не следовали евангельским предписаниям о том, что женщины должны быть равны мужчинам и что они должны стать одной плотью: в их представлениях женщина была не столько спутницей мужчины, сколько его рабыней или служанкой, и эта служанка, эта рабыня, отнюдь не освобождаясь от брака, находила в нем лишь более тяжелое ярмо и менее легкого хозяина. Более того, все женщины франков смирились с положением рабыни и неполноценности, приписываемым им их полом, и даже не были благодарны духовенству за защиту, которую оно пыталось им предоставить; ведь отлучение, поражавшее их мужей или хозяев, затрагивало и их, подвергая кровавым репрессиям. Франк, отрекшийся от жены или изгнавший наложницу, не колеблясь, скорее убьет ее, чем примет обратно, повинувшись предписаниям своего епископа и, казалось бы, склоняясь перед угрозами Церкви. Правда, большинство этих браков и наложничества не были освящены религиозным благословением; они совершались по салическому закону, с помощью пенни и динария, которые женщина получала в качестве символа брачного контракта; Этот договор, заключенный в присутствии свидетелей, писался и подписывался только в том необычном случае, когда муж на следующий день после брачной ночи назначал жене приданое, бросив ей на грудь кусок соломы и сжав левой рукой ее мизинец. Утренний подарок (*morghen gabe*) почти в одиночку скреплял союз, начавшийся накануне с вручения золотого пенни и

серебряного динария, которые муж вкладывал в руку жены. Этот пенни, по-видимому, был общим и единым налогом (*præmium*), который женщина, независимо от ее ранга, должна была требовать в качестве цены за свою девственность.

Приняв от мужчины пенни и динарий, женщина считала себя проданной ему и больше не принадлежала себе, пока цепи этого рабства не разрывались разводом или смертью. О подчинении жены мужу можно судить по словам, которые она произносила, обращаясь к нему на сайте : "Мой господин и мой муж, говорила она ему, я, твоя покорная слуга (*Domini et jugalis mei, ego ancilla tua*)". Именно так, в Формулах Маркулапия (lib. II, с. 27), женщина обращается к своему господину и повелителю. Было только одно обстоятельство, при котором замужняя женщина могла вырваться из рабства своего положения и подняться с более низкой ступени. Если дочь, рожденная от свободных родителей, связывала свою судьбу с судьбой крепостного и отдавалась ему по любви или по неосторожности, она следовала состоянию этого недостойного ее мужа и становилась такой же служанкой, как он; но закон рипуариев всегда предлагал ей, ради чести ее семьи, средство вернуть себе свободу. По просьбе родственника или друга ее вызывали к королю или графу, который допрашивал ее о бесчестном браке; она признавалась в этом и отдавалась на суд короля или графа. Король или граф вызывал мужа крепостной и ставил его перед женой, которой он молча вручал дистаф и меч. Если жена выбирала вату, она навсегда оставалась рабыней и находилась во власти человека, которого любила настолько, что пожертвовала ради него всем; если же она брала меч, то становилась свободной, убив человека, который сделал ее рабыней. Таким образом, она стирала позор своей проституции в крови мужчины, который был виновен в этом, возможно, вопреки себе. Кошачий хвост (*conucula*) был эмблемой подневольного состояния, которое брак налагал на женщин. Они больше не появлялись на публике, не посещали мужские компании, выходили на улицу только под вуалью и в свободной одежде, в которой всегда были утоплены ноги и руки; они проводили свою жизнь, прядя пеньку и шерсть, изготавливая и окрашивая ткани, рожая и воспитывая детей. Всякий раз, когда историки времен Меровингов вводят нас в квартиры женщин, даже королев, они показывают их занятыми домашними делами и рукоделием, вдали от любопытных глаз и грязных похотей.

Брачные союзы, отвечавшие нравам франков, настолько размножились при королях первой расы, что франк должен был быть очень беден, чтобы иметь в своем доме только одну жену и двух слуг. Церковь закрывала глаза на эти беспорядки до тех пор, пока казалось, что она не знает о них, и пока люди не обращались к ней, чтобы положить им конец. Она была настолько снисходительна к хозяевам страны, что разрешала им иметь постоянные отношения со своими слугами при условии, что они обойдутся без всех брачных формальностей; Но Сальвиан, который был галлом и писал в середине пятого века, рассказывает, что церковная терпимость в отношении наложниц была настолько неверно истолкована, что большинство из тех, кто жил в наложничестве, считали себя законно женатыми и не брать других жен, кроме своих служанок, с которыми они сожительствовали, воздавая им обязанности мужей (*ad tantam res imprudentiam venit, ut ancillas suas multi uxores putent, atque utinam sicut putantur esse quasi conjuges, ita solæ haberentur uxores*). Сальвиан в этом примечательном месте (*De gubern. Dei*, l. IV, с. *De concubinis*) говорит, что Церковь почитала наложничество и считала его целомудренным по сравнению с нерешительной и бродячей проституцией; ведь мужчина, который довольствовался наложницами, накладывал своего рода тормоз на свои желания и ограничивал их более или менее узким кругом вспомогательных любовных связей. Хотя такие любовные связи были незаконными, они находили поддержку у канонического суда, поскольку предотвращали беспорядки и обеспечивали спокойствие христианского общества. В конце V века папа Лев распространил

свою папскую мантию на злоупотребления наложничеством, заявив в письме к епископу Нарбонны: "Дочери, которые выходят замуж с разрешения родителей, не в чем себя упрекнуть, если жены, которые были у их мужей до этого, не были настоящими женами, потому что одно дело - замужняя женщина, другое дело - наложница". Мы полагаем, что слово "*наложница*" в то время, когда оно так часто употреблялось и почти всегда было к месту, относилось к разным степеням супружеской связи; но если это слово в единственном числе обычно имело только честный смысл, то то же самое слово во множественном числе приобрело оскорбительный и непристойный смысл.

Вплоть до правления Карла Великого, как пишет аббат де Кордемуа в своей "Истории Франции": "Статус *наложницы*, сведенный к понятиям честности, обозначал женщину, вышедшую замуж с честью, и чей брак, хотя и заключенный с меньшим количеством формальностей, чем тот, который называется *торжественным*, все же был действительным". Самый ученый из наших правоведов (Куджас) говорит, что наложничество было настолько законной связью, что наложницу можно было обвинить в прелюбодеянии так же, как и жену; что закон позволял некоторым людям жениться в качестве наложниц, если они считались неравноправными из-за отсутствия определенных качеств, необходимых для поддержания полной чести брака; и что, несмотря на то, что брак превосходит наложничество по достоинству и гражданским последствиям, имя *наложницы* все же является почетным именем, совершенно отличным от *имени любовницы*; но что, наконец, простой народ во Франции спутал эти два слова, не понимая, что такое наложничество, хотя оно очень широко используется в некоторых местах, где оно называется *полубраком*, и, другими словами, *браком левой рукой*." Аббат де Кордемуа, полагаясь на авторитет Кужаса, не вспомнил, что этот ученый юрист изучал римское, а не варварское право. Конкубинат у франков и галло-римлян, которые вскоре подражали своим господам, не всегда носил характер полубрака, который ему приписывала римская юриспруденция. Он тем более отличался от полубрака тем, что постоянно возобновлялся и иногда включал в себя несколько женщин в рамках одного и того же режима наложничества. В некоторых случаях, правда, король, магнат или дворянин, женившийся на женщине низшего статуса, давал ей не титул жены, а титул наложницы, что не означало празднования христианского брака. Обычно наложницей становилась служанка или рабыня, которая ложилась в постель своего господина и повелителя. Такая наложница могла претендовать на своего рода законность брака, если только не делила свои самые деликатные обязанности с другой женщиной. Франки, особенно их вожди, брали наложниц, на которых женились по-франкски, за гроши и пятаки, чтобы в случае развода или отречения их не удерживали ограничения религиозного брака. Церковь не имела никакого отношения к союзам, в которые не вступала, и хотя иногда неохотно вмешивалась, когда скандал не позволял ей сохранять нейтралитет, она не сталкивалась с ужасными вопросами святотатства и христианского двоеженства: она лишь решала между сторонами вопросы недержания и блуда. Мы упорно считаем, что при первой и даже второй расе наших королей женщина, вышедшая замуж по церковному обряду, называлась *женой*, а женщина, вышедшая замуж только по салическому закону, - *наложницей*: *Secundum legem salicam et antiquam consuetudinem*, говорят формулы Маркульфа по поводу гроша и динария, которые составляли гражданский брак франков.

Конкубинат, будучи по своей природе недоступным для церковной санкции, зависел исключительно от каприза людей, которые заключали его по своей прихоти и разрывали без дальнейших угрызений совести. Таково было состояние семьи во Франции на протяжении более чем трех столетий: наряду с законной женой, единственной, признанной церковью, существовали одна или несколько наложниц, к которым хозяин дома относился с большим или меньшим уважением, в силу их рождения, поведения или привязанности, которую он к

ним испытывал. Иногда этих наложниц было так много под одной крышей, что мужчина, который кормил и содержал их за свой счет, был вынужден уволить некоторых из них, чтобы они все не умерли от голода. Салический брак использовался только для девушек франкского происхождения, которые выходили замуж за мужчин своей расы в качестве наложниц. Эти наложницы, как правило, осознавали свое низшее положение по отношению к законной жене-католичке, и последняя, довольная своим положением и своей долей в браке, позволяла им выполнять свою наложническую роль на ее глазах. Дети, рожденные от этих наложниц, не обладали теми же правами, что и дети, рожденные от законной жены, но, тем не менее, имели полулегалитет, и их статус бастарда не приносил им никакого позора, поскольку они гордились этим и называли себя бастардами дома; Однако они оставались в состоянии неполноценности и почтительной покорности по отношению к своим братьям, рожденным от истинной жены, которые одни представляли наследственную ветвь и делили между собой имущество отца. Наложницы, казалось, не имели иного назначения, как восполнять недостатки и препятствия жены, когда она отсутствовала на брачном ложе по причине месячной болезни, недомогания или кормления новорожденного ребенка. Между наложницами также существовало множество степеней: одни, свободные и франкской расы, считали себя настолько же состоящими в браке, как если бы церковь санкционировала договор пенни и динария; другие, подневольные и иноземной расы, никогда не могли претендовать на роль законной жены. Служанка, которая проводила время только в постели хозяина, сохраняла некую власть над своими товарищами, которые оказывали ей некоторое почтение: эта власть возрастала с течением времени, и хозяин (*dominus*) подтверждал ее благосклонностью, с которой он почитал старую госпожу.

Все женщины в доме, как жены, наложницы и служанки, жили вместе внутри жилища, куда ни один мужчина не входил без разрешения хозяина. Комната, отведенная для женщин, называлась *гинецеем*, как у франков, так и у галло-римлян (латинское *gynæseum*, греческое γυναικείον). Слово *gynæseum* подверглось различным изменениям в зависимости от варварских диалектов, которые его приняли, и мы видим его написанным *genecium*, *genicium*, *генесæум* и *genizeum* у авторов низшего латинского происхождения. Это помещение было более или менее просторным, в зависимости от размеров дома. Оно состояло из нескольких комнат или нескольких зданий; часто в нем находились различные мастерские и большое общежитие, в котором собирались все состояния и возрасты. Хозяйка дома, либо жена, либо главная наложница, отвечала за работу в гинецее. Эта работа включала в себя, в частности, производство тканей и одежды. В те времена, как и во всей античности, мужчинам было стыдно прикладывать руки к этим женским работам (*muliebre opus*), и в домашнем искусстве они занимались только работой с топором и молотом. Древние глоссарии сходятся в том, что прядение шерсти относилось прежде всего к гинекеям Севера, а прядение шелка - к гинекеям Юга. Папий говорит, что гинецей называется *textrinum* (мастерская), "потому что женщины, собравшиеся там, работают над шерстью" (*quod ibi conventus feminarum ad opus lanificii exercendum conveniat*). Поллукс говорит, что гинеций можно назвать *сайри*, потому что именно там женщины работают над шелком. Такие гинекеи существовали, с аналогичной целью, у римлян Восточной империи; они были даже созданы в более широком масштабе в Константинополе, и уже не вызывает сомнений, что они дали начало сералам, которые магометанство не делало столь трудоемкими, посвящая их исключительно браку. Среди римлян Востока существовали гинекеи для обоих полов, которые работали там отдельно или коллективно, в зависимости от прихоти хозяина; но в эти значительные гинекеи принимались только рабыни, подвергавшиеся самому строгому принуждению и склонявшиеся под кнутом и палкой. Гинецеи императоров, магистратов и императорских офицеров были также пенитенциарными мастерскими, куда на определенный приговором срок отправляли бедняков и бродяг, совершивших

правонарушение и неспособных заплатить штраф. В "Страстях святого Романа" говорится, что святой был одет в шерстяную рубашку и заперт в гинекее в знак презрения (*ad injuriam*). Лактанций в своей книге "О смерти гонителей" рассказывает, что матерей и патрицианских дам, которых подозревали в обращении в веру христиан, с позором бросали в гинекеи (*in gynæseum rapiebantur*).

Следуя примеру византийских императоров, короли Меровингов и Карловингов устраивали гинекеи в своих сельских жилищах, и в этих гинекеях содержалось целое население женщин, из которых эти государи не гнушались выбирать капризные утехы для своего королевского ложа. В капитулярии *Виллиса* перечисляются различные работы, которые выполнялись в этих огромных мастерских, где трудились также рабы и евнухи: "В наших гинекеях, - говорит Карл Великий, - находится все, что необходимо для работы, то есть лен, шерсть, гауда, кохиня, мадера, гребни, прокатные станы, чесальные машины, мыло, масло, вазы и все, что необходимо в этом месте". Другой капитулярий, датированный 813 годом, добавляет: "Пусть наши женщины, находящиеся у нас на службе (*feminæ nostræ quæ ad opus nostrum servientes sunt*), берут шерсть и пеньку из наших магазинов, из которых они будут делать накидки и рубашки". В книге "Чудеса святого Бертина" (*Act. SS. Bened*, т. I, стр. 131), что маленьких детей отдавали в подмастерья к великим гинекеям, где они учились прясть, ткать, шить и выполнять все виды женской работы (*in genecio ipsius, nendi, cusandi, texendi, omnique artificio muliebris operis edoctus*), Хозяин, кем бы он ни был, очень ревностно относился к своим гинекеям и никому не позволял входить в свой гинекарий, который был защищен, как святилище, законодательством варваров. "Если кто, - гласит закон германцев, - совокупился с дочерью гинекея, которая ему не принадлежит, и это против воли той дочери, пусть он будет облажен налогом в 6 золотых центов (*si cum puellâ de genecio priore concubuerit aliquis contra voluntatem ejus*)". Текст закона в рукописях различается, но смысл не сильно меняется; только Карл Великий в новой редакции этого закона, приложенной к его капитуляриям, наказав завершенное изнасилование, а не попытку соращения (*si quis alterius puellam de genicio violaverit*), устранил неопределенность, связанную с видом насилия, о котором гинеколог мог сказать, что оно было совершено *против ее воли*.

Несомненно, что гинекологи не все были одного порядка, или, по крайней мере, у них были разные категории, которые регулировались характером работы, каждая из которых была более тяжелой или менее неприятной, чем следующая. Так, самые тяжелые работы поручались подчиненным рабам или дисциплинарным цехам. Однако это не значит, как пытается доказать Дюканж в своем Глоссарии (под словом *Gynæseum*), что большинство гинецеев заменяли собой публичные дома и были просто центрами проституции. Текст, который Дюканж заимствует из закона лангобардов, не включает в себе той индукции, которую он хочет из него извлечь: "Мы постановили, что если женщина под любой маскировкой будет схвачена на месте преступления за разврат (*si femina, quæ vestem habet mutatam, mœcha deprehensa fuerit*), ее не следует помещать в гинекологию, как это было принято до сих пор, поскольку, занявшись проституцией с одним мужчиной, она не потеряет возможности заняться проституцией с несколькими." Этот текст, напротив, доказывает, что закон обеспечивал чистоту гинекологической морали. Однако гинекеи, как частные, так и королевские, часто заслуживали дурной славы, и даже в X веке их название стало синонимом места разврата. Хозяину дома было невыгодно заключать брачный договор со своими служанками и работницами, которые соперничали друг с другом за честь разделить его ложе: "Если кто, - говорит Регинон (*De Eccles. discip.*, l. II, c. 5), - согласится прелюбодействовать в своем собственном доме со своими служанками или гинекеями...". Этот отрывок, по-видимому, указывает на то, что в гинекеи, помимо служанок, допускались женщины-пансионеры, которые сдавали себя в аренду на определенных условиях. Поэтому

содержание гинецея обходилось очень дорого: в 75-й главе синода в Мо, которую цитирует Дюканж, говорится о мирянах, имевших собственные часовни и собиравших с них десятину, которую они использовали для кормления собак и гинецеев (*inde canes et gyneciarias suas pascant*). Гинекеи уменьшались до менее амбициозных размеров по мере того, как появлялись фабрики и, поскольку торговля, распространяя свои товары повсюду, сделала ненужным производство множества тканей и предметов в частных домах. Но жизнь женщин не перестала быть общинной, и, несмотря на раскрепощение, которое рыцарство давало им в некоторых торжественных случаях, их частная жизнь оставалась замкнутой; в этих святилищах семьи, где законная жена, окруженная слугами и детьми, подавала им пример труда, порядочности и добродетели, больше не было наложниц.

ГЛАВА IV.

Краткое содержание - Брачные излишества франкских королей - Клотарь I - Ингонда и Арегонда - Прелюбодейная невоздержанность Кариберта, короля Парижа - Марковьева и Меровледа - Кариберт отрекается от своей жены Ингоберги - Теудехильда. Братья Кариберта - Гонтран, король Орлеана и Бургундии - Хильперик, король Суассона - Авдогья - Фредегонда - Галесвинд - Дагоберт I^{pp} - Пепин и его наложница Альпаис - Убийство Сен-Ламбера Додоном, братом Альпаиса. - Развратные нравы Бертрама, епископа Бордо. - Брюнехо. - Карлемань. - Наложницы Мальтегард, Герсуинд, Режина и Адаллинд. - Его дочери. - Картуларий аббатства Лорш. - Легенда о любовной связи между Эгингардом и Иммой, дочерью Карла Великого - Картуляр Карла Великого о соучастниках проституции - Происхождение функций проректора королевского дворца и должности *короля рибаудов*. - Медицинские обыски у подозреваемых лиц и проституток по приказу Карла Великого - Наказания, которым подвергались женщины с дурной репутацией и их сообщники - Евреи, посредники в проституции - *Королевская нога*. - Диссертация о росте Карла Великого - Легенда о мертвой женщине и камне с созвездиями - Капитулярный 805 года - *Голые мужчины* - *Мангоны и кокионы* - *Торговцы лошадьми* - Легенда о святом Леногезиле - Преемники Карла Великого. - Луи Дебонер - *Испытание крестом* - Испытание конгрессом Императрица Юдифь - Тетберж, жена Лотаря, короля Лотарингии, обвиненная в кровосмешении - Поборник или *наместник* Тетбержа выходит триумфатором из *испытания горячей водой*. - Тетберж, оправданная, предстала перед консисторией под председательством Лотаря. Она обвинила себя, а затем отказалась от своего признания. Собор в Меце. Лотарь был отлучен от церкви.

Короли первой расы постоянно враждовали с Церковью из-за своих наложниц, которых они брали поочередно и отрекались от них, не советуясь с епископами. Несмотря на угрозы и анафемы, епископы не могли заставить франков уважать религиозный институт брака, потому что новообращенные оставались язычниками в своих обычаях и с трудом переносили евангельское иго. История этих королей полна их войн, преступлений и эксцессов; но прежде всего в своих любовных делах они вынуждены жаловаться на назойливую полицию церковной власти, которая не дает им ни мира, ни перемирия и не терпит среди них примера Проституции. Однако скандал обычно остается в лоне гинецея, и общественная молва почти не раскрывает того, что там происходит. Как только отголосок этих расстройств доносился до ушей духовника, он вооружался своим отлучительным гневом и не подпускал грешника к святому столу, пока тот не очищал свое ложе и не порывал с женским демоном. Брачные излишества франкских королей можно правильно понять, только прочитав наивный рассказ Григория Турского об одном из браков короля Клотаря, сына Хлодвиг, у которого было семь

жен или допущенных наложниц. "Он уже имел Ингонду в качестве жены и любил ее беззаветно, когда она спросила его: "Мой господин поступил со мной так, как хотел; он принял меня в свою постель; теперь, чтобы сделать его благодеяния полными, пусть мой господин король соблаговолит выслушать, о чем его слуга просит его. Я прошу вас подыскать для моей сестры, вашей рабыни, способного и богатого человека, который возвысит меня, а не унизит, и даст мне возможность служить вам с еще большей привязанностью?" При этих словах Клотер, и без того склонный к сладострастию, воспылал любовью к Арегонде, отправился в деревню, где она жила, и связал себя с ней узами брака. Когда она стала его, он вернулся к Ингонде и сказал ей: "Я трудился, чтобы добиться для тебя этой высшей милости, о которой просила меня твоя нежная особа, и в поисках богатого и мудрого человека, достойного соединиться с твоей сестрой, не нашел ничего лучшего, чем я сам; знай же, что я взял ее в жены; не думаю, что это тебе неприятно... - Что покажется хорошим в глазах моего господина, ответила она, пусть он это делает; только пусть его слуга всегда живет в милости у короля!" Эта любопытная картина обычаев показывает нам, как обстояли дела в гинекеях королей.

Сыновья Клотаря Ier были, как и он, полигамны, и, в большей степени, чем он, склонны к прелюбодейному недержанию. Старший, Кариберт, король Парижа, был женат на Ингоберге, чье знатное происхождение возвышало ее над соперницами: "К ее услугам были две юные дочери, рожденные от бедного ремесленника; одна, по имени Марковьева, носила религиозный обряд; вторую звали Меровфлед, и король был безумно влюблен в нее". Ингоберг, завидуя тому интересу, который они вызывали у короля, задумал принизить этих двух сестер, показав Кариберту подневольное состояние их отца, который чесал шерсть во дворе дворца; Но Кариберт, раздраженный своей женой, которая решила заставить его краснеть, отказался от нее и взял в жены Меровфледу и Марковьеву, но на этом не остановился; вскоре он предпочел другую служанку, по имени Теудехильда, отец которой был пастухом. Хотя она была наложницей последнего порядка, она завладела сокровищами Кариберта, когда принц умер, не оставив наследника, в объятиях Теудехильды, Марковьевы и Меровфледы, которые разделяли его последние ласки. Братья Кариберта также страдали недержанием. Гонтран, король Орлеана и Бургундии, будучи столь же набожным, менял жен так же часто, как и Кариберт, и имел наложниц низкого происхождения, причем епископы, которые называли его *добрым* Гонтраном (*bonus*), не мешали ему в любовных делах. Чилперик, король Суассона, - тот, кому современные летописцы приписывают наибольшее количество жен, сочетавшихся браком по закону франков, за кольцо, пенни и динарий. Одна из этих женщин, по имени Аудовер, имела в услужении Фредегону, молодую девушку франкского происхождения, столь же замечательную по красоте, сколь и по проницательности. Не успел Чилперик ее увидеть, как влюбился в нее, но Фредегонда была слишком честолюбива, чтобы довольствоваться ролью подчиненной наложницы. Когда Аудовер родила в отсутствие своего мужа-короля, Фредегонда в сотрудничестве с епископом, которого она привлекла к своим интересам, настолько злоупотребила простодушием королевы, что уговорила ее крестить ребенка самостоятельно. Теперь, согласно церковной доктрине, статус крестной матери был несовместим со статусом жены. Когда Чилперик вернулся с войны, все дочери его королевского рода вышли ему навстречу, неся цветы и воспевая ему хвалу. Первой явилась Фредегонда: "С кем мой господин будет спать сегодня ночью?" - нахально спросила она (*Cum quâ dominus meus rex dormiet hac nocte?*); ведь королева, моя госпожа, сегодня его сплетница, будучи крестной матерью его дочери; что ж! К нему пришла Аудовер с ребенком на руках: "Женщина, - сказал король, - ты совершила преступление по простодушию, ты моя сплетница, и не может больше быть моей женой". Он немедленно уволил ее и заставил принять постриг в монастыре. Фредегонда занимала место Аудовера всего несколько месяцев. Хильперик попросил Галесвинду, дочь

короля готов, выйти за него замуж и, чтобы добиться руки этой принцессы, уволил своих жен и отстранил любовниц, даже Фредегонду, которую он не переставал любить. Но вскоре он сблизился с этой прекрасной наложницей и принес ей в жертву королеву, задушив ее, пока она спала. Фредегонда, на которой он потом женился, окутала его паутиной сладострастия, которая свела его на нет по милости его преступной спутницы.

Такова история почти всех королев династии Меровингов, которые не гнушались убийствами и кровопролитными войнами, чтобы служить своим возлюбленным, брать или содержать наложниц. Они жили в своих королевских владениях, вдали от глаз подданных, которые едва слышали шум оргий этих праздных королей, предававшихся разврату и постоянно срывающихся от пьянства к похоти. Внутренняя жизнь дворца была не чем иным, как трясинной проституции, в которую франкская королевская власть погружалась все глубже и глубже. Дагоберт Ier, который все же обладал некоторыми качествами короля, был не более континентален, чем его предшественники, и его министр Святой Элой, похоже, не был озабочен частной моралью этого принца, который строил церкви, основывал монастыри, покрывал золотом мощи и гробницы святых, но в то же время имел множество наложниц, следуя примеру царя Соломона (*luxuriæ supramodum deditus, tres habebat instar Salomonis reginas maxime et plurimas concubinas*, говорит Фредегер в своей хронике). Однако епископы не уставали анафематствовать бесчинства королей и принцев; они смело подвергали себя гневу этих распутников, которые слишком часто были неисправимы; они даже не боялись смерти или мученической смерти, когда речь шла о защите святости католического брака от дерзких авантур языческих наложниц: Пртекстат, епископ Руанский, был убит посланцем Фредегонды; Дидье, епископ Вьеннский, был забит камнями до смерти по приказу Брюне; Сен-Ламбер был убит человеком по имени Додон, который не простил ему того, что он хотел разлучить принца Пепина с его наложницей Альпаис: Святой Ламберт, - рассказывают Хроники Сен-Дени (708 г.), - упрекал принца Пипина за то, что тот оставил Альпаис, даму, которая не была его супругой, вместо Плектруды, его собственной жены. Брат этой Альпаис, носивший имя Додон, окликнул святого Ламберта за это лишь до тех пор, пока тот не отвратил Пипина от его греха". Епископы и священники, которых проституция, а точнее скандал, всегда встречала на своем пути как непримиримых противников, не все были защищены от упреков, которые они адресовали своим соседям и которые падали на них самих. Григорий Турский изображает Бертрама, епископа Бордо, в самом отвратительном свете (книги VIII и IX), который развращал слуг и замужних женщин и даже бесчестил королевское ложе. В то время, когда святой Колумбан, аббат Люксейский, посещал двор Теодориха II, короля Бургундии, чтобы заставить его устыдиться своих прелюбодеяний и предложить ему изгнать своих наложниц, папа Григорий Ier написал королеве Брунехо и повелел ей наказывать дерзких и порочных священников (*sacerdotes impudici ac nequiter conversantes*). Именно Брунехат извратила юность своего внука Теодориха II, окружив его наложницами и подавая ему пример самого позорного разврата. Обе королевы, Брунехо и Фредегонда, соперничали друг с другом в пороках и преступлениях вплоть до эпохи, когда огонь сладострастия был уже потушен: они словно соревновались друг с другом в том, кто заведет больше любовников, кто сможет с большей пылкостью противостоять им и кто раньше всех покинет кольцо амурных вшей. Первым умер Брунехо, привязанный к хвосту резвого коня, провезенный по полям и разорванный на куски после того, как его три дня везли голым на верблюде, подвергая бесчинствам солдат Клотера II, сына Фредегонды.

Мы не будем перечислять всех королей и королев первой и второй рас в длинной и монотонной номенклатуре их прелюбодеяний и депортаций; но, чтобы показать, насколько привычка к наложничеству ослабила супружеские узы, вспомним, что Карл Великий, этот мудрый и славный монарх, опора и честь Церкви, имел четырех законных жен и пять или

шесть наложниц, не говоря уже о множестве временных любовниц. Его наложницы, о которых Эгинхард рассказывает не все, не были, как его жены, знатного и княжеского происхождения; Эгинхард называет только Мальтегарду, Герсуинду, Регину и Адаллинду, подаривших ему несколько детей, которых он заботливо воспитывал под своим присмотром: "Его дочери были очень красивы, - говорит Эгинхард, - и нежно любимы своим отцом. Поэтому очень удивительно, что он так и не захотел выдать замуж ни одну из них, ни за своего, ни за чужого. До самой смерти он держал их всех рядом с собой в своем дворце, говоря, что не может обойтись без их общества. Хотя в других отношениях он был счастлив, он чувствовал злобу судьбы, когда дело касалось его дочерей. Но он скрывал свою печаль, как будто против них никогда не возникало никаких дурных подозрений, и слухи об этом никогда не распространялись". Этот необычный отрывок, в котором историк явно смущен, несомненно, недостаточен для того, чтобы поддержать идею о том, что Карл Великий имел кровосмесительные отношения со своими дочерьми; но он открывает путь для интерпретаций, которые наименее благоприятны для морали этого великого императора. По преданию, одна из дочерей Карла, по имени Имма, вышла замуж за Эгинхарда, который не преминул бы похвастаться этим, если бы стал зятем своего грозного повелителя. Именно в картулярии аббатства Лорш, написанном в XII веке, эта легенда пересказывается как достоверный факт. Эгинхард любил Имму, которая была обручена с греческим королем; Имма тоже любила его с неистовой страстью, которая только усиливалась. Однажды вечером он осторожно постучал в дверь спальни Иммы; она открыла и приняла его, забыв о времени суток в долгих разговорах; она предалась поцелуям своего возлюбленного (*statim versa vice solus cum solâ secretis usus colloquiis, et datis amplexibus, cupito satisfecit amori*). Но рассвет был уже не за горами; Эгингард вырвался из объятий своей любовницы и собрался уходить, как вдруг понял, что все выходы закрыты: ночью шел снег, и следы ног мужчины на снегу стали бы уликой, подтверждающей его ночное пребывание в квартире Иммы. Девушка, осмелевшая от любви, придумала выход: она предложила отнести Эгинхарда на своих плечах в ту часть дворца, где он остановился. Она пообещала вернуться домой тем же путем, следуя по его следам. Карл Великий, не спавший в эту ночь, поднялся еще до рассвета и смотрел во двор дворца. Вдруг он увидел, как его дочь, пошатываясь, идет вперед под тяжестью ноши, которую она с волнением опустила, чтобы поспешить к себе домой. Ноша была Эгинхарда, но на снегу не осталось никаких следов, кроме шагов Иммы. Карл Великий, охваченный одновременно изумлением и горем, хранил молчание об увиденном. Имма отказалась выйти замуж за короля греков, а Эгингард попросил императора о дальнем поручении в награду за свои прежние заслуги. Карл Великий уже не сдерживал себя и представил его перед судом графов и баронов, но решил простить его: "Я не стану подвергать моего слугу, - сказал он, - наказанию, которое скорее увеличит, чем уменьшит бесчестье моей дочери! Я считаю более достойным для нас и более подходящим для славы нашей империи простить им их молодость и соединить их в законном браке, тем самым прикрыв позор их вины завесой честности". Настало время признать твои прошлые заслуги, - сказал ему Карл Великий, - и вознаградить твою преданность мне самым великолепным подарком, который ты только можешь пожелать. Я дарю тебе свою дочь, твоего носильщика (*vestram scilicet portatricem*), которая, подпоясав платье вокруг своих чресл, с таким удовольствием служила тебе верхом (*quæ quandoque alte succincta vestræ subvectioni satis semorigeram exhibuit*)".

Эта изящная легенда, основанная на традиции, которая почти современна событию, которое она увековечивает, как нам кажется, имеет некоторую аналогию с капитулярием, в котором Карл Великий, изгоняя из своих владений женщин с дурной репутацией, подвергает позору неосторожного или распутника, который дает приют одной из них, неся ее на своей спине на рынок, где она должна была подвергнуться наказанию. Судя по рассказу в Лоршском

картулярии, можно предположить, что Карл Великий имел в виду наказание, которому подвергался человек, открывший свой дом для проститутки, когда приказал Эгинхарду жениться на своем *носильщике*. Согласно традиции, роман Иммы и Эгинхарда произошел в Ахенском дворце, и именно в этой резиденции в 800 году был издан капитулярный, налагающий наказание на пособников проституции, в котором мы находим реминисценцию поведения Иммы по отношению к Эгинхарду. Не могли бы мы предположить, что Карл Великий издал свой капитулярный только после того, как стал свидетелем странного зрелища, ожидавшего его снежной ночью, когда он увидел юношу, которого несла молодая женщина? Возможно, он не узнал главных героев этого любовного эпизода; возможно, он не сразу объяснил себе намерения двух загадочных фигур, которые медленно пробирались сквозь снег. Это предположение основано на историческом сравнении, предложенном в главе, обращенной к офицерам, ответственным за охрану дворца, - главе, в которой мы также находим происхождение функций проректора королевского дворца и должности *короля рибальдов*. Карл Великий приказал каждому дворцовому чиновнику (*ministerialis palatinus*) провести строгую перепись своих агентов и коллег, чтобы выяснить, не скрываются ли среди гостей неизвестные мужчины или беспутные женщины (*meretricem*). Если такой мужчина или женщина будет обнаружен, ему не должны дать сбежать, а подозреваемого следует держать под охраной до тех пор, пока не будет сообщено императору. Что касается человека, в обществе которого был обнаружен такой мужчина или женщина, то если он не пожелает исправиться, то будет изгнан из императорского дворца. Такие же предписания император издал и в отношении офицеров своей любимой жены и детей. Этот капитулярный, в котором говорится о неизвестном мужчине и проститутке, пребывающих во дворце и не имеющих права там находиться, должен был быть вызван особым обстоятельством, вполне совпадающим с историей Иммы и Эгинхарда. Этот неизвестный мужчина - он, эта проститутка - она.

Остальная часть капитулярия носит более общий характер, хотя и относится к этому тщательному расследованию с целью выяснить состояние людей, живущих королевском домике и городе Ахене. Радберту, сборщику королевских денег (*актеру*), поручено провести тщательный обыск в домах крепостных императора, как в Аахене, так и в зависимых от этой резиденции хозяйствах. Петру и Гунзо было поручено аналогичным образом осмотреть *скруа* и хижины крепостных; Эрнальдус также должен был посетить лавки купцов, как христиан, так и евреев, выбирая время, когда последних не будет дома. Несомненно, этот тщательный обыск дворца в Эксе и его хозяйственных построек должен был выявить одного или нескольких подозрительных лиц. Поэтому Карл Великий запретил всем, кто распоряжался во дворце, собирать или прятать людей, совершивших кражу, убийство, прелюбодеяние или любое другое преступление или пришедших совершить их. Тот, кто осмеливался нарушить приказ императора в этом отношении, должен был, если он был свободным человеком, нести преступника на спине до рыночной площади, где больной подвергался поруганию. Если же крепостной ослушался императорского приказа, то он, как и дворянин, нес злоумышленника к столбу, а оттуда его везли на рынок, где подвергали заслуженному наказанию. Точно так же в отношении развратников и проституток (*de gadalibus et meretricibus*), - добавляет капитулярный, - мы хотим, чтобы их несли те, кто предоставил им ночлег, на рыночную площадь, где они должны быть подвергнуты кастрации. Если виновный откажется нести женщину с дурной репутацией, найденную в его доме, мы приказываем, чтобы его били прутьями вместе с ней и на том же месте". Этот капитулярный, устанавливающий внутреннюю полицию дворца, показывает отвращение Карла Великого к женщинам развратной морали, поскольку он не допускает их не только в свою резиденцию и поместья, но и под крыши своих самых скромных крепостных и даже в дома евреев, называемых здесь посредниками в проституции.

Карл Великий, как мы уже говорили, не всегда отличался образцовой строгостью, и у него были большие чувственные потребности, которые нужно было удовлетворять. Мы знаем, что этот император, которого романсы и *шансон де гест* изображают великаном с *грифаиновой* (угрожающей) *бородой*, был на голову и плечи выше своих доблестных воинов, и его рост составлял не менее семи футов; И по *ноге короля* мы можем судить о длине его ступни, которая установила меру, недавно свергнутую метрической системой; но мы не можем в отношении этой меры (*pedale, mensura pedis*) вступать в тонкий спор, направленный на выяснение истинного происхождения королевской ступни. Достаточно сказать, что в средние века люди искали пропорции между различными частями тела, и что ступня с древнейших времен свидетельствовала о мужественности мужчины, тогда как у женщины она имела еще более непристойное значение: именно в этом смысле Гораций говорил об уродливой женской ступне в своей первой сатире: *Depygis, nasuta, brevi latere ac pede longo est*. Мы отсылаем любопытных к тому, что было сказано о росте Карла Великого и его аксессуарах в книге Маркварда Фрехера "Φιλοπόνημα", перепечатанной Дюшеном, Дом-Буке и Перцем. Этот чудовищный рост оправдывает то, что традиция рассказывает о его любовных похождениях. Весьма оригинальная легенда, собранная Петраркой в Экс-ла-Шапель, где все полно воспоминаний о великом императоре, говорит о том, что этот монарх, который был также канонизирован, испытывал искушения, как святой Антоний, и не раз впадал в грех по злобе дьявола. Карл, безумно влюбившийся в некую женщину, которую Петрарка никак не упоминает, внезапно забыл об интересах своего народа и славе своего царствования. У него не было других забот, кроме как жить ради своей любовницы. Она внезапно умерла. С тех пор он предался отчаянию, которое ничто не могло успокоить и которое день и ночь привязывало его к бранным останкам, которые он не хотел возвращать на землю. Он продолжал целовать труп, который уже был охвачен тлением. Архиепископ Кельнский, почтенный прелат, которому император обычно слепо доверял, не смог утешить его и забрать любимое мертвое тело: он начал молиться, и Бог открыл ему причину упрямой любви Карла. В рот женщины был вложен камень с созвездиями, оправленный в кольцо, и этот талисман нерушимо привязывал императора к тому телу, мертвому или живому, которое обладало этим кольцом. Как только талисман был извлечен изо рта трупа, Карл Великий почувствовал, что его любовь угасает, и спросил, почему эта гниль так долго оставалась у него под глазами. Однако внезапно Карл полюбил прелата, носящего талисман, совсем по-другому: он не мог его оставить и не позволял ему покинуть себя. Чтобы освободиться от уз талисмана, архиепископ бросил его в озеро близ Ахена. Погрузившись на дно озера, кольцо не потеряло своей силы и продолжало вызывать в Карле Великом ту же страсть, но уже с другой целью. Карл был влюблен в озеро в то время; он больше не хотел покидать его; он сделал его своей резиденцией, основал там свою империю и в своем завещании приказал похоронить себя там, чтобы из глубины своей могилы он слышал, как озеро с любовью ропщет на отголоски его бессмертного имени.

Карл Великий был в слишком хороших отношениях с церковью, чтобы опасаться ее нападений; , кроме того, он тщательно избегал поводов для скандала, и все, что касалось его наложниц и любовниц, оставалось спрятанным в гинекологических комнатах его дворцов. Он не терпел распущенных нравов среди своих подданных, на которые епископальная власть доносила ему, признавая себя бессильной их исправить. Именно для укрепления этой власти в 805 году он издал капитулярий, запрещающий лицам любого пола под страхом святотатства совершать прелюбодеяние, блуд, содомию, кровосмешение и другие грехи против брака. Император основывал эти запреты на наблюдении, что страны, население которых предается незаконному сладострастию, прелюбодеянию, содомскому разврату и торговле проститутками (*multæ regiones, quæ jam dicta inlicita et adulteria vel sodomicam luxuriam vel commixtionem meretricum sectatæ*), не имеют ни постоянства в вере, ни мужества

на войне. В результате любой, кто был уличен в этих нарушениях, лишался звания и прав и отправлялся в тюрьму, чтобы дожидаться дня публичного покаяния. Мы с удивлением не находим в капитуляриях Карла Великого никаких предупредительных или строгих мер против *lenocinium*, который назывался *lenonia* и который пережил гонения Феодосийского и Юстиниановского кодексов. Однако существует капитулярный неопределенной даты, который, по-видимому, касается *ленонии*, хотя эта позорная торговля не указывает четко на суровость магистратов. В этой главе (Baluz., t. I, p. 515), где священникам, дьяконам и другим клирикам предписывается не принимать в своих домах чужих женщин (*extraneam*); где монахам и клирикам предлагается не входить в общежития, чтобы есть или пить; примечательна следующая статья: *Ut mangones et cociones et nudi homines qui cum ferro vadunt, non sinantur vagari et deceptiones hominibus agere*. Мы не знаем, кем могут быть эти голые мужчины с мечами, и не будем далеки от мысли, что текст был изменен в случае со словом *nudi*, которое не имеет никакого значения и которое можно было бы заменить на *nundi*, что мы, несомненно, переводим как *forains*. Таким образом, эта статья означала бы: "Чтобы торговцы лошадьми, маклеры и ярмарочные торговцы, которые ходят с оружием, больше не могли ходить туда-сюда и делать из людей дураков". В филологической диссертации легко доказать, что в низком латинском языке слово *mangones* употреблялось в значении *наездников, плутов, сутенеров*, а не *лакеев и воров*: *mango* сменило *leno*. Что касается *cociones*, которые буквально следует переводить как *койоны*, то это были маклеры самого низкого пошиба. Писатель X века (Nic. Specialis, De reb. sicul.), которого цитирует Дюканж, говорит, что воры обозначались только общим термином *mangones*, примерно в это время. Дюканж также говорит, что *cociones* - это синоним сутенеров, реграттеров и дилеров, которые бродили по ярмаркам и занимались только постыдной торговлей.

Леноны, безусловно, существовали, даже если они скрывались за заимствованными именами и статусами: например, можно доказать, что в Средние века торговцы лошадьми не ограничивались продажей и покупкой лошадей, мулов и ослов; более прибыльным делом для них была проституция. Но весьма примечательно, что выражения *lenocinium* и *lenonia*, *leno* и *lenarius*, *lena* и *lenaria* очень часто встречаются у католических писателей Мерovingской и Карловингской Франции. Однако мы не считаем, что отсутствие слова должно означать отсутствие факта. Так, применяя историческую критику к легенде седьмого века, мы обнаружили Ленона, причисленного к лику святых под именем Леногезилус. Нам кажется неоспоримым, что это имя образовано от *leno* и *Gesilus*, что было бы именем персонажа, в то время как *leno* было бы просто его титулом. Этот Леногезилус, живший во времена Хлотаря II (619 г.), заманил (*traduxit*) в свою келью девственницу по имени Агнефледа и заставил ее принять постриг: они жили вместе и доблестно сражались на путях Господних (*strenue Domino militant*). Дьявол позавидовал счастью двух членов паствы и нашептал королю, что некий Леногезилус, соблазнив девственницу с помощью магии, живет с ней в нечестии и распутстве (*modo legitima conjugia violantes, inter se invicem nefandis studiis commiscetur*). Клотер вызвал двух предполагаемых сообщников, но был полностью напутствован чудом, доказавшим невиновность Леногезилуса. Этот святой человек, прибыв во дворец короля, который отсутствовал, пожаловался на холод; он послал попросить огня у пекарей, которые топили хлебную печь; но у Агнефледы не было достаточно огня: "Возьми свой плащ!" - сказал ему один из пекарей, смеясь. Агнефледа подняла переднюю часть своего платья и приняла горящие угли, но платье ее не сгорело и не опалилось. Те, кто был свидетелем чуда, доложили об этом королю, который осыпал Леногезилуса и Агнефледу подарками и отправил их обоих обратно в их кельи. Так Ленон Гезилус стал святым Леногезилусом в легенде, сохранившейся у болландистов; что касается его спутницы Агнефледы, то она не удостоилась чести быть канонизированной, как он.

Преемники Карла Великого, вероятно, издали несколько капитуляриев против проституции, которыми мы не располагаем; Ж. Дютийе, имевший в своем распоряжении *Trésor des Chartes* и написавший свой *Recueil des rois de France* только на основе оригинальных документов, говорит, что первой заботой Людовика Дебонара после смерти его августейшего отца "было очистить и реформировать упомянутый двор от этой грязи, зная, что она обычно заражает империю или королевство". В капитулярии, сохранившемся у нас (Baluz., t. II, col. 1198 и 1563), к наказанию за распутство добавляется странный обычай. Любая женщина, уличенная в скандальной жизни, приговаривалась к сорокадневным скитаниям по сельской местности, обнаженная с головы до пояса, с табличкой на лбу, в которой излагались причины ее осуждения. Любой человек мог обвинить женщину в проституции, прелюбодеянии или любом другом преступлении. Судья принимал обвинение и действовал в соответствии с ним, но роль обвинителя влекла за собой определенные неудобства, которые вызывали отвращение у тех, кто был наиболее склонен к такому виду мести. Обвинитель должен был доказывать свою правоту судебными доказательствами, крестом, кипятком, раскаленным железом или боем. Обвиняемую женщину на суде представлял защитник, которому она платила условно. Этот защитник, как бы он ни был уверен в правоте своей клиентки, не проходил испытания без тревоги, из которой вытекало оправдание или осуждение одной из сторон. Из всех этих испытаний крест был наименее опасным и зависел не столько от случайности, сколько от физической силы пациента. Тот из двух противников, кто, опираясь на дерево креста, дольше всех продержался на нем в позе распятого Иисуса, выигрывал дело; другой платил штраф и нес наказание за преступление, в котором был обвинен. Часто обвиняемая женщина, не найдя защитника, готового пройти испытания вместо нее, вынуждена была проходить их сама, причем ни ее пол, ни ее слабость не принимались во внимание. Особенно в крестном испытании женщина, как бы слаба она ни была, часто имела преимущество. Поэтому это испытание предпочитали, когда муж, обвиненный женой в бессилии, должен был доказать, что он выполнил свой супружеский долг. В то время, когда Верберийский собор (757) сформулировал этот канон, в котором говорится о разлучении мужа-импотента, *конгрегационного* теста еще не существовало: *Si qua mulier proclamaverit quod vir suus nunquam cum eâ coisset; exeant inde ad crucem, et si verum fuit, separentur*. Сама императрица Юдифь, увидев себя обвиненной в прелюбодеянии с Бернардом, графом Барселонским, предложила оправдаться огнем или битвой; но ее враги, которыми были не кто иные, как сыновья ее мужа, Людовика Дебонара, уклонились от любого возможного способа оправдания и заставили отца и свекровь удалиться в монастырь. Часто женщина, обвиненная в разврате, хотя и была невиновна, предпочитала подчиниться наказанию за приписываемый ей поступок, нежели подвергать себя ужасным испытаниям законной дуэли.

Один из самых ярких примеров судебных процессов по делам о проституции произошел примерно в это время (858 г.), по случаю развода Лотаря, короля Лотарингии. Этот принц, второй сын императора Лотаря, до женитьбы на Тетберге, дочери графа Босона, любил девушку по имени Вальдраде, которая воспитывалась в императорском гинекее в Экс-ла-Шапель; но он не мог привыкнуть жить отдельно от своей бывшей любовницы, поэтому вернулся к ней в одно из своих поместий в Эльзасе, и когда Вальдраде родила ему сына, он захотел расторгнуть свой законный брак. Появились свидетели, обвинившие Тетберж в кровосмесительной связи со своим братом Гукбером, в беременности и в том, что ее ребенок умер. Эти свидетели, очевидно, вызванные Лотарем и Вальдраде, утверждали, что настолько хорошо осведомлены о тайных подробностях кровосмешения, что приписывали Хукберту самые отвратительные нечистоты и не объясняли, как Тетберж, отдавшаяся ему,

смогла зачать преступное семя. Вот странные подробности, в которые не боится вдаваться почтенный Хинкмар (Opera, t. I, p. 568): *Frater suus cum eâ masculino concubitu inter femora, sicut solent masculi in masculos turpitudinem operari, scelus fuerit operatum, et inde ipsa conceperit. Quapropter, ut celaretur flagitium, potum hausit et partum abortivit*. Анналы Сен-Бертина подтверждают тот же факт, не предполагая, что противоестественная связь принесла плоды: *Fratrem suum Hucbertum sodomitico scelere sibi commixtum*. Королева Тевтберга выбрала себе защитника, или *викария*, который от ее имени подвергся испытанию горячей водой. Викарий слушал мессу, принимал причастие, переодевался в дьяконскую тунику, выпивал полный рот святой воды и ждал, пока вода закипит в котле: Через три дня мешок был вскрыт, и, поскольку рука оказалась целой, Тевтберге, оправданный, вернулся в королевскую опочивальню.

Но Лотарь и Вальдраде хотели, чтобы развод был признан. Они пытались оспорить действительность испытания и требовали нового, более решительного. Наконец, чтобы прервать эти проволочки, в январе 860 года Лотарь созвал шестьдесят преданных ему людей на торжественную консисторию, которую он сам вел в своем дворце в Ахене. Тевтберг предстала перед этим собранием и призналась, что ее брат Гючберт действительно надругался над ней, применив насилие (*non tamen sua sponte, sed violenter sibi inlatum*, говорится в Деяниях Эксского собора, *Conc. de Labbe, t. VIII, col. 696*). На второй консистории, состоявшейся в следующем месяце, Тевтберге снова явилась и повторила свое признание: "Итак, я признаю, - сказала она, - что мой брат клирик Гукберт развращал меня с раннего детства и совершал на моем лице безнравственные действия против природы (*profiteor quia germanus meus Hucbertus clericus me adolescentulam corrumpit et in meo corpore, contra naturalem usum, fornicationem exercuit et perpetravit*)". Тевтберге приговорили оставить мужа и покаяться в монастыре, но вскоре она отказалась от своего признания и отправилась к папе Николаю Ier, чтобы выразить протест против несправедливо постигшего ее осуждения. Папа поручил двум епископам предотвратить "гниение короля Лотаря на свалке похоти" (*in luxuriæ stercore putrefieri*, говорится в письме Николая Ier) и руководить работой собора, который собирался в Меце для вынесения окончательного решения по этому делу. Собор подтвердил приговор первых судей. Тогда папа изрек анафему на короля Лотаря: "Если, однако, - сказал он, - можно назвать *королем* того, кто, не укрощая свои аппетиты здоровой диетой, поддается незаконным движениям похоти, которая его подтачивает". Он отменил решение совета Меца, заявив, что "это не столько совет, сколько место проституции, поскольку там поощряется прелюбодеяние (*tanquam adulteris faventem prostibulum appellari decernimus*)". Лотарь не внял анафеме святого отца и сохранил Вальдраде; но папа обратился ко всем государям и всем епископам с призывом бороться с королем Лотарем мирским и духовным оружием. Мирянин, имеющий жену и наложницу одновременно, отлучен от церкви, - писали Николай и его сторонники в циркулярах, будораживших христианство. Нельзя бросать законную жену, чтобы взять другую или заменить ее наложницей. Не разрешается отречься от жены ни под каким предлогом, кроме блуда". На эти формулы канонического права Лотарь ответил, что его жена до брака была проституткой. Адон, архиепископ Венский, ответил: "Муж не имеет права просить о разводе, если, женившись на женщине, которая уже была обесчещена, он прожил с ней долгое время без малейших жалоб".

Лотарь продолжал оставаться в браке с Вальдраде; но ему угрожало оружие соседей, и этот Гюкберт, которому приписывали столь гнусные привычки, покинул аббатство Сен-Морис и Сен-Мартен, чтобы прийти и попросить своего шурина оправдать гнусную клевету, которую

спровоцировали против его сестры и него самого. Как раз в тот момент, когда победа была одержана на его стороне, Юкбер был убит, и посланник папы римского прибыл, чтобы призвать Лотаря примириться с законной женой и изгнать наложницу. Лотарь уступил, но не успел он вернуть Тевтберге, как она во второй раз бежала к Карлу Лысому, чтобы спасти свою жизнь. Николай Ier торжественно отлучил Лотаря от церкви, который предпринял последнюю попытку сопротивления, обвинив жену в прелюбодеянии и предложив доказать свое обвинение на дуэли. Это крайнее средство не принесло успеха, и он отлучил свою возлюбленную Вальдраде в аббатство Ремиремон. Николай вызвал его в Рим, чтобы снять отлучение от церкви; по дороге Лотарь узнал, что Николай умер, а его преемником стал Адриан II. Новый папа был не менее непреклонен, чем его предшественник: он ждал короля Лотаря в монастыре на горе Кассин и заставил его поклясться, прежде чем допустить его к святому столу, что он не жил вместе с Вальдраде, отлученным от церкви, не занимался плотской торговлей и не вступал ни в какие другие разговоры. Несмотря на то что у него было трое детей от наложницы, Лотар с дерзостью на челе поклялся, что угодно папе. Папа, поднося хлеб и вино королю-обманщику, снова сказал ему: "Если ты признаешь себя невиновным в преступлении прелюбодеяния, если у тебя есть твердое решение не сожительствовать более со своей наложницей Вальдраде, подойди с уверенностью и получи залог вечного спасения во отпущение грехов; если же ты намерен вновь погрязнуть в трясине проституции (*ut ad mechæ volutabrum redeas*, говорят Анналы Меца), остерегайся причаститься, чтобы это средство для души не стало твоим осуждением." Лотарь завершил свое святотатство и поспешил на поиски Вальдраде; но больше он ее не видел, и в пути его остановила внезапная смерть, которая не позволила ему вернуться к расстройством прошлой жизни (6 августа 869 года). Совокупление, разрешенное Салическим законом и другими кодексами варваров, более трех столетий сопротивлялось дисциплине католической церкви, и равенство женщин по отношению к мужчинам, провозглашенное Евангелием, было окончательно закреплено в институте христианского брака.

ГЛАВА V.

Краткое содержание - Письмо святого Бонифация папе Захарии о моральном состоянии монастырей во времена Меровингов - Правило святого Колумбана - *События* - Главная причина излишеств монашеской жизни. - Влияние нравов духовенства на нравы мирян. - Светское духовенство. - *Дети Голиафа*. - Завещание Турпио, епископа Лиможского. - Монахи из Муайен-Мутье и Сенонеса. - Евнух Никетас. Деликатная миссия аббата Гумберта, аббата Муайен-Мутье. - *Душа* Гобена, епископа Шалона. - Усилия папы Григория VII вернуть церкви Франции уважение к морали. - Его письмо к епископам. - Порочность жизни духовенства - любимая тема всех художников и писателей этого периода. - Всеобщая развращенность. - 1000 год. - Единодушие писателей того времени в отношении глубокой развращенности социального состояния. - Содомия была самым распространенным пороком среди всех слоев населения - Немецкий анхорит - Внук Роберта Дьявола - Норманны - Влияние их нравов на завоеванные народы. - Как Эмма, жена Вильгельма, герцога Аквитанского и графа Пуатье, отомстила своей сопернице, виконтессе Туарской - Как Эблес, наследник графа Комборна, отомстил своему дяде и воспитателю Бернару. Les Pénitentiels (Покаянные) - факты, касающиеся брачных актов - факты, касающиеся инцеста, детоубийства и аборт - грехи против природы - преступление скотоложства - уголовный процесс, возбужденный против Симона Матильдой, его наложницей - *Fornicatio inter femora* - отзывы поэта Аббона о пороках Франции - отзывы Пьера, аббата из Селла, о развращенности Парижа.

Чтобы найти королевский указ, касающийся проституции, нужно вернуться в царствование Людовика VIII; но мы не должны заключать из отсутствия специальных постановлений по этому вопросу в течение почти трех столетий, что состояние нравов сделало такие постановления бесполезными и что публичная проституция исчезла во Франции под морализирующим влиянием церкви. В отсутствие этих памятников древней юриспруденции, которые, возможно, и существовали, но уже не найти в коллекциях королевских дипломов, мы можем убедиться на основании свидетельств современников, что нравы никогда не были столь развращенными и больше всего нуждались в реформах, подавлении и исправлении. В этот период войн, нашествий и социальных потрясений законодательные акты были очень редки и отличались преходящим характером, не позволявшим им пережить обстоятельства, в которых они были созданы: не существовало общего кодекса, свидетельствующего о стремлении создать стабильную основу, подобно Капитуляриям Карла Великого и Уставлениям Людовика Святого. Короли сменяли друг друга слишком быстро и слишком плохо чувствовали себя на своем троне, чтобы думать об организации, морали, улучшении и управлении своими государствами; у них не было ни времени, ни забот, чтобы изменять институты своих предшественников; Поэтому можно с полной уверенностью утверждать, что со времен Карла Великого до Людовика Святого полицейские меры по борьбе с проституцией оставались совершенно неподвижными и не претерпевали никаких метаморфоз, в то время как сама проституция, поощряемая равнодушием магистратов, не переставала распространяться и пускать корни среди народа. Мы не станем искать следы юридических предосторожностей, принудительных мер и регулярных запретов в интересах общественной морали, но нам нетрудно будет доказать, что эти нравы были отвратительны во времена варварства, невежества, бездуховности и всеобщего беспорядка.

Самая постыдная коррупция проникла в большинство монастырей еще во времена Меровингов. В 742 году святой Бонифаций, епископ Майнцский, писал папе Захарии (*Act. SS. ord. L. Bened.*, vol. II, p. 54): "Епископские должности почти всегда достаются мирянам, жадным до богатства, или развратным и предвзятым клирикам, которые пользуются ими в зависимости от мира. Я находил среди тех, кто называет себя дьяконами, людей, с детства привыкших к разврату, прелюбодеянию и самым постыдным порокам: они имеют ночью в своей постели четыре или пять наложниц, а то и больше (*inveni inter illos diaconos quos nominant, qui a pueritia sua semper in stupris, semper in adulteriis et in omnibus semper spurcitiis viam ducentes, sub tali testimonio venerunt ad diaconatum; et modo in diaconatu, concubinas quatuor, vel quinque, vel plures noctu in lecto habentes*).". Реформаторы религиозных орденов лишь приостановили это зло, не уничтожив его в принципе. Святой Колумбан, обнародовавший свое правило примерно в то же время, ввел такой суровый пункт: "Тот, кто вступил в интимную связь с женщиной, лицом к лицу и без свидетелей, будет посажен на хлеб и воду на два дня или получит двести ударов плетью". Самые строгие правила быстро ослабевали в лоне общины, где постоянно тлел огонь чувственных страстей. Скандал в монашеской жизни всегда начинался с недержания. Соборы и синоды с их мудрыми предписаниями не могли наложить тормоз на страсти монахов, страсти тем более непреодолимые, что они были более сдержанными: Они знали, как энергично говорит святой Иероним, что сила дьявола скрыта в чреслах (*diaboli virtus in lumbis*); они старались держать женщин подальше от глаз и мыслей мужчин; они поняли, что законные жены епископов и священников, принятые первобытной Церковью, были лишь поводом для греха: "Можем ли мы терпеть, - кричал Веранус, епископ Лиона, на одном из таких собраний (в 585 году), - можем ли мы терпеть, чтобы служитель алтарей, человек, призванный к чести приближаться к Святой Святыни, был запятнан недостойными прелестями плотского сладострастия, и чтобы клирик, утверждающий права брака, исполнял одновременно обязанности священника и роль мужа?" *Епископы (episcopae)* постепенно исчезли, их

перестали терпеть; абсолютное безбрачие стало обязательным условием для еkkлезиастов, а женщинам было запрещено входить в мужские монастыри, как и мужчинам - в женские.

Но это было не более чем мертвой буквой: власть церкви над своими служителями не выходила за рамки закона, который она всегда имела право издавать, но никогда не имела силы приводить в исполнение; монастыри, в силу естественных последствий человеческих страстей, были по большей части вместилищем нечистот, и приходилось два-три раза в столетие проводить в них частичную или полную реформу. Такова история почти всех монастырей, где скандал вспыхивал не так часто, как разврат овладевал общиной. О том, что происходило внутри обители, внешний мир обычно узнавал лишь по смутным слухам. Когда епископ считал нужным разобраться в случившемся и исправить положение, расследование выявляло серьезные нарушения, из-за которых христианская скромность заставляла его расстелить плащ. Главной причиной этих эксцессов монастырской жизни была близость и частота посещения домов обоими полами: здесь аббат или настоятель руководил монахинями, там, напротив, настоятельница осуществляла своего рода суверенитет над религиозными. Это постоянное взаимодействие двух полов в аббатствах привело к множеству злоупотреблений, которые епископская предусмотрительность не смогла бы предотвратить, поскольку они постоянно обновлялись. Нравственность монастырских людей оказывала плачевное влияние на мирян, которые не старались быть более добродетельными, чем их исповедники. Светское духовенство подавало своим прихожанам не лучший пример. Мартиниан, монах из Рабе, в X веке говорил священникам своего времени: "Разве это ваш закон - брать жен или иметь отношения с женщинами? Осквернять различными видами похоти свое тело, которое было создано, чтобы получать питание от ангелов?" Этот Мартиниан в своем неопубликованном трактате, который он злонамеренно озаглавил *De laude monachorum*, упрекал своих товарищей по рясе "за то, что они живут как беспутные взяточники, вместо того чтобы вооружиться неподкупным мечом целомудрия и украсить свои руки добрыми делами". Отец Бертолле в своей великой "Истории Люксембурга" вынужден признать, что, будучи иезуитом, клирики в XI веке забыли о святости своей профессии и уже не помнили, что целомудрие было славой Церкви: "Живя как люди, они верили, что между ними нет различия, и легко убеждали себя, что должны иметь жен". Это были развращенные клирики, которых называли детьми Голиафа (*cleri ribaldi, qui vulgo dicuntur de familia Goliæ*, в Конституциях Готье де Сенса в 923 году). Здоровая часть духовенства с огорчением наблюдала за развитием этой моральной гангрены, которую ничто не могло остановить. Благочестивый епископ Лиможа Турпио, умерший в 944 году, с горечью написал в своем завещании (*Biblioth. Cluniacensis*) такое признание, лишенное искусственности: "Мы сами, которые должны подавать пример, являемся орудием гибели других, и вместо того, чтобы быть пастырями народа, мы ведем себя как пожирающие волки!"

Мы не будем здесь рассказывать о грубых пороках людей Церкви, которые считали, что им все можно, потому что в их руках было право отпускать грехи; мы не будем пытаться проникнуть в архивы монастырей и перечислять длинный список тех, кто был исправлен, отлучен, пресечен из-за чудовищных излишеств их гостей: Достаточно сказать, что, пожалуй, нет ни одного знаменитого аббатства, где нравы обители не были бы неоднократно заражены инфекцией блуда. Вот лишь несколько из тысячи примеров такого рода: Монахи из Муайен-Мутье и Сенонеса в Лотарингии вели в X веке столь ужасающее существование, что были изгнаны по приказу императора Германии; но их преемники лишь превзошли их в науке распутства. В рукописной хронике Жана де Байона, которая хранится в библиотеке г-на Ноэля в Нанси, мы видим, что монахи Муйен-Мутье были движимы ересью греческого евнуха по имени Никетас, который советовал кастрировать всех послушников, предназначенных для монашеской жизни в Константинополе. Эти развращенные монахи, которые вели

бесчестную торговлю с деревенскими юношами, которых они заманивали в свои кельи по ночам, вообразили, что ересь Никетаса лишит их источника удовольствий: Поэтому они попросили своего аббата Гумберта отправиться в Константинополь, чтобы сразиться с ересью, которая, как они опасались, возьмется за оружие против них, и аббат выполнил свою деликатную миссию к общему удовлетворению, потому что он спас мужественность монахов, разгромив ересиарха в диалоге, в котором он убедил его, что тот хотел изменить служителей Бога в жрецов Кибелы. Вернувшись, он обнаружил, что его аббатство воспользовалось его отсутствием, чтобы сделать еще один шаг в погибель; он решил поразить дух этих извращенцев, пригрозив им адскими карами: "Когда я переходил через Альпы, - рассказывал он, - я встретил отряд пылающих демонов, сидящих на огненных конях. Они сопровождали душу Гобуна, епископа Шалонского, который только что был застигнут врасплох во время совершения греха блуда с монахиней. Я спросил главного из демонов, нельзя ли молитвами искупить эту несчастную душу; но злой дух, с которым я разговаривал, ответил страшным взрывом хохота, повернувшись ко мне спиной, а все дьяволы из эскорта затем показали мне свои зады с непристойными жестами". Монахи, которым была адресована эта история, подражали уродливой пантомиме дьяволов и, тем не менее, поблагодарили своего настоятеля за победу над ересью Никета, сказав ему: "Теперь нам предстоит доказать, что хороший монах может обойтись без того, чтобы сделать хорошего евнуха, и что хороший евнух не может сделать хорошего монаха".

Мы не будем водить наших читателей из монастыря в монастырь, чтобы посвятить их в происходившие там расстройства, достаточно представить все монастыри как притоны проституции (*scortationis fornices*, говорит один монастырский писатель XI века). Григорий VII, стремившийся вернуть французскую церковь в соответствие с нормами морали, в 1074 году написал всем епископам: "Среди вас всякая справедливость попирается ногами. Вы привыкли безнаказанно совершать самые постыдные, жестокие, грязные и невыносимые поступки: в силу свободы действий они превратились в привычки". Можно понять негодование этого папы-законодателя, когда он видел, как Маугер, архиепископ Руана, совершал преступления, источавшие вокруг себя, по словам Вильгельма Пуатье, неприятный запах позора; как Энгуран, епископ Лаона, высмеивал воздержанность и чистоту "выражениями, - говорит Гиберт де Ножан, - достойными самого развратного жонглера"; "Гюг, епископ Лангра, который запятнал себя прелюбодеянием и содомией (*sodomitico etiam flagitio pollutum esse*, читаем мы в Деяниях Реймского синода, где он был предан суду). Все эти недостойные прелаты понесли поразительное наказание, но их роковому примеру последовало не меньшее большинство клириков, которые были поражены суровостью указов Григория VII: "Он еретик и глупец! кричали жители Майнцской епархии (в хронике Ламберта Шафна). Он хочет заставить людей жить, как небесные создания, и, идя против природы, отпустить узду для негодяев и блуда? Мы скорее откажемся от священства, чем от брака". Почти все они были женаты или имели наложниц, любовниц, друзей и слуг. Ив де Шартр в своих письмах (*Epist.* 85) приводит в пример некоего прелата, который публично сожительствовал с двумя женами и готовился взять третью (*qui publice sibi duo scorta copulavit et tertiam pellicem jam sibi præparavit*). Несмотря на папские декреты, духовенство еще долгое время упорствовало в сожительстве, упрямо отказываясь от своих удовольствий (*se pellicibus ad hoc nolunt abstinere nec pudicitiae inhærere*, говорит Ордерик Виталь). Тот же историк рассказывает, что архиепископ Руана, отлучив от церкви тех, кто жил в недержании, преследовал их камнями. Бастарды священников и монахов бесконечно множились, и их отцы не стеснялись одаривать их, выдавать замуж и обогащать за счет Церкви. Не было ни одного капитула, каноники которого не были бы "сожжены пылом похоти" (*Gall. Christ.*, t. I, appendix, p. 6); не было ни одной епархии, где не было бы десяти трезвых, целомудренных священников, друзей мира и милосердия, свободных от всякого

преступления, всякого бесчестия, всякого растления (Fulb. Carnot, *epist.* 17); не было ни одного монастыря, где бы неукоснительно соблюдались правила ордена, где отцы, облаченные в монашескую привычку, были бы настоящими монахами: "*O miseri*, - говорил монах Мартиниан, - *nos monachiali habitu induti, videmur monachi et non sumus!*"

Развратное поведение священников и монахов слишком хорошо имитировалось мирянами, которые подвергали его своим презрительным насмешкам; Но духовенство даже не пыталось сохранить видимость честности, а само с удовольствием пользовалось своими пороками: жонглеры высмеивали их в своих сатирических песнях, художники писали картины и миниатюры, имажинисты или статуи украшали ими свои произведения из камня, дерева и слоновой кости. Это была любимая тема литературы и искусства. Распутство монастырских дворян, их чувственность, их наглость служили постоянной темой для фантазий художников и эпиграмм поэтов. Нигде не видно, чтобы люди из сукна были оскорблены, раздражены или скандализированы письменными или образными портретами их непристойности. Они за свой счет развлекались тем, что воспроизводили радостную эпопею клерикальной жизни на картинах своих миссалов, в скульптурах своих церквей, в образах своих диптихов и в орнаментах своей мебели. Едкая ярость художников-изобразителей была неудержимо направлена на разрядку клириков: отсюда столько грубых аллегорий, столько непристойных карикатур, столько грязных шуток, скрытых в капителях, фризах и арабесках религиозной архитектуры. Здесь монахи превращаются в свиней, там - в собак, переодетых в монахов, в другом месте из штанов священника появляется древний фаллос, иногда монахини в разврате с дьяволами, иногда обезьяны, преследующие обнаженных женщин и кусающие их за ягодицы. Обычной эмблемой порока нечистоты является жаба или голова химеры, покрывающая половые органы мужчины или женщины. Во всех этих непристойных группах монашеская ряса и чепец свидетельствуют о злом намерении автора увековечить пороки и позор своих покровителей. Последние смеялись первыми, поскольку позволили сохраниться этим скандальным рельефам, большинство из которых было уничтожено в современную эпоху из-за благоразумия церковников, которых необычность памятника тщетно умоляла о пощаде. Именно поэтому самые странные из этих капителей, украшенные всеми видами скотоложства, сегодня известны нам только благодаря свидетельствам археологов и ученых, собравших их традиции. Например, мы не верим, что сохранился даже рисунок довольно неприличной скульптуры в Сен-Жермен-де-Пре, изображающей монахиню, протитирующую себя одновременно с монахом и с животным, напоминающим волка. В Сен-Жорж-де-Бошевиле в Нормандии также стояла колонна, которую венчала страшная толпа мужчин и обезьян, борющихся с недержанием и дерзостью.

Миряне в присутствии этих образцов клерикальной похоти не претендовали на то, чтобы оставаться чистыми и добродетельными: напротив, их возбуждало некое либидинозное подражание, толкавшее их на соперничество со священниками и монахами в разврате. Историки того времени также изображают их в виде скорпионов и змей с человеческими лицами (Hist. des comtes de Poitou, by J. Besly, p. 264). Понятно, что всеобщая испорченность привела людей к вере в конец света и воцарение Антихриста. Эта суеверная вера, привязавшаяся к 1000 году, ничего не сделала для того, чтобы общество стало менее развращенным. Все, несмотря на ужасы, навеянные приближением Страшного суда, продолжали наслаждаться жизнью и упиваться плотскими удовольствиями (*carnales illecebræ*). Мир становился все хуже, и люди в целом ожидали нового потопы (*videbatur sane mundus declinare ad vesperam*, говорит Вильгельм Тирский в первой книге своей "Истории"). Поэты соглашались с проповедниками, объявляя, что человеческий род достиг пугающего прогресса в преступлении зла и что моральный упадок усугубляется с каждым днем;

трубадур X века, которого цитирует Рейнуар (Poésies orig. des Troub., t. II, p. 16), сказал в поэме на романском языке:

Enfans en dies foren ome fello,
Mal ome foren, aora sunt peior.

Все писатели того времени сходятся во мнении об этом глубоком ухудшении социального положения, и все приписывают главную причину греху недержания, принявшему гигантские размеры. Некоторые люди, отдавая свое имущество церквям и монастырям в ожидании Антихриста, основывали свои пожертвования на растущей порочности людей: *iniquitas quotidiana malitiæ incrementa sumit*, читаем мы в пожертвовании, сделанном в церковь Сен-Жан-д'Анжели. Пожертвователи чувствовали себя настолько запятнанными, что шли на большие расходы, чтобы купить отпущение грехов, и часто получали его из рук священника, более запятнанного, чем их собственный. Рауль Глабер в своей "Хронике" (т. IV, гл. 9) пишет: "В то время презрение к справедливости и закону царило повсюду, как в церквях, так и в веке. Люди позволяли себе увлекаться внезапными порывами своих страстей..... Слова апостола можно с полным правом применить и к нашему народу: "Среди вас есть такая нечистота, какая неслыханна среди язычников". Ордерик Виталь в своей *Historia Ecclesiastica* (книга VIII, 1090 год) обвиняет современное поколение в том, что оно восхищается тем, что было самым постыдным и мерзким по мнению почтенных людей прошлого. Верно говорят, что, когда конец света и Антихрист не наступили в 1000 году, те, кто пережил этот роковой период, посчитали себя вправе больше не бояться небесного возмездия и еще глубже погрузились в грязь своего пошлого сладострастия.

То тут, то там мы находим несколько точных деталей, касающихся природы этих удовольствий, которые обычно замаскированы под туманными общими словами, и которые не отличаются от других дел дьявола, в плаче, который они внушают редким честным людям этих порочных веков: "Теперь, - плачет анонимный поэт в леоническом стихотворении о несчастье времени (*Histor. des Gaules*, t. XI, p. 445), - теперь люди, ведущие скандальную, развратную, содомскую жизнь, обкрадывающие нас и оскорбляющие нас, презирают честных людей, чьи нравы хорошо отрегулированы". Поэтому разврат и содомия (*mœchi, sodomitæ*) были самыми распространенными пороками среди всех слоев населения, как среди графов и баронов, так и среди скромных крепостных, как в тени монастырей, так и под занавесом аббата или епископа. На Реймском соборе в 1049 году дьякон Петр произнес речь от имени папы Льва IX, в которой священники и миряне подверглись резкому порицанию за свои отвратительные привычки. Эти привычки настолько укоренились во Франции, что аббат Клерво Анри написал папе Александру III в 1177 году: "Древний Содом восстает из пепла! (См. *Hist. de Paris*, by Dulaure, ed. 1837, t. II, p. 40). Ордерик Виталь в нескольких местах своей "Истории" указывает на распространение этого одиозного порока, который был обязан своим рецидивом утверждению норманнской расы в галло-франкских провинциях: "В то время, - говорит он в Книге VIII, - во всех странах господствовали *effeminates* и безудержно предавались грязному разврату; *chattemites*, достойные пламени костра, нагло злоупотребляли ужасными изобретениями Содомы (*tunc effeminati passim in orbe dominabantur, indiscipline debacchantur, sodomiticisque spurcitiis fœdi catamitæ, flammis urendi, turpiter abutebantur*)." У того же историка это нашествие содомии предсказано знаменитым анкоритом, которого королева Матильда, жена Вильгельма Английского, послала посоветоваться вглубь Германии. Анкорит предсказал зло, которое грозило Нормандии в правление Роберта, сына Вильгельма и внука Роберта Дьявола: "Этот принц, - говорил он, - подобно распутной корове, предастся сладострастию и лени, захватит

церковные блага и распределит их между своими ленонами и бесчестными льстецами (*spurcisque lenonibus aliisque leculatoribus distribuet*)..... В герцогстве Роберта будут преобладать хаттемиты и эффемины (*catamitæ et effeminati*), и под их властью разврат и несчастья будут только усиливаться". Поэтому бесспорно, что содомия, возрожденная крестовыми походами, была привнесена во Францию норманнами, которые оставляли ее как знак своего перехода во всех местах, где они останавливались либо на зимовку, либо в ожидании возвращения своих опустошительных полчищ.

Аббон в своей поэме "Осада Парижа норманнами" () приписывает французским владыкам позорный порок, который мы хотим приписать исключительно их врагам. Эти люди Севера, как и большинство варваров, не стыдились предаваться отвратительной форме проституции; они лишь очень умеренно пользовались своими женами, которые были постоянно беременны или кормили грудью и не имели иного предназначения, кроме материнства; ведь племя, сила которого зависела от количества детей, требовало обильного производства, чему не способствовала бы привычка к сладострастным отношениям между мужем и его женами. Это, несомненно, было причиной и истоком этих унижительных ошибок со стороны мужского пола. Норманны не менее трепетно относились к женщинам и не щадили их больше, чем мужчин, в деревнях, которые они неожиданно захватывали силой. Они уважали только старых и престарелых, то есть убивали их без пощады; что же касается молодых, то они очень заботились о них, делили их между собой и забирали с собой, после того как использовали их для своих удовольствий, под взглядами своих жен, которые не обижались и не смели им противостоять. Монах Ришер, рассказывая о походе норманнов, опустошивших Бретань в IX веке, показывает нам, как они похищали мужчин, женщин и детей: "Они обезглавливали стариков обоих полов, - говорит он, - отдавали детей в рабство и насиловали женщин, которые казались им красивыми (*feminas vero, quæ formosæ videbantur, prostituunt*)". Мы можем оценить ужас, который был связан с именем норманнов и который предшествовал их походам: они обезлюдели целые провинции; города, процветавшие до их появления, остались без жителей после их ухода; берега рек, по которым они плавали на своих плоских лодках, превратились в пустыни; но они посеяли по своим следам нечистое учение своей морали, и побежденные сохранили отвратительный след рабства, который наложили на них завоеватели. Когда норманны обосновались в Англии, они обращались с местным населением не более любезно, чем в странах, завоеванных Роллоном: Они больше не истребляли стариков, но издевались над юношами и оскорбляли девушек, самых знатных из которых использовали в качестве игрушек самые отъявленные воины (*nobiles puellæ despicabilium ludibrio armigerorum patebant et ab immundis nebulonibus oppressæ dedecus suum deplorabant*, говорит Ордерик Виталь). Надо полагать, что нравы норманнов за последние два столетия не сильно улучшились, и эти свирепые распутники все еще умели обходиться без своих жен, поскольку последние во время долгого отсутствия мужей, восплали сладострастием (*sæva libidinis face urebantur*, говорит латынь, еще более энергичная, чем французская) и в 1068 году не раз посылали отсутствующим женам послания, в которых сообщали им, что они подумают о том, чтобы взять других мужей, если те не спешат возвращаться. Страх перед появлением бастардов на супружеском ложе убедил некоторых норманнов вернуться к своим нетерпеливым женам (*lascivis dominabus suis*), но большинство осталось в Англии, где они нашли, чем отвлечься и утешиться. Если не все их жены выходили замуж повторно, они не преминули подарить своим мужьям бастардов. Один из поэтов того времени (см. Hist. Norm. script., p. 683) сокрушался, что "в Нормандии погас светильник добродетели".

Другие провинции, составлявшие феодальную Францию, находились тогда не в более благополучном положении с точки зрения морали. Сеньоры демонстрировали все пороки и

не помнили о скромности. Эмиль де ла Бедольер в своем труде "История души и личной жизни французов" рассказывает о двух примечательных эпизодах дикого блуда, характерного для представителей обоих полов, дворян и крепостных. В 990 году прошел слух, что Вильгельм IV, герцог Аквитанский и граф Пуатье, вступил в прелюбодейную связь с женой виконта Туара, у которого он остановился. Эмма, жена Вильгельма, искала возможность отомстить сопернице. Однажды она заметила, как ее лошадь скачет без сопровождения в окрестностях замка Тальмонт. Эмма прибежала с большим отрядом оруженосцев и камердинеров, сбила виконтессу на землю, осыпала оскорблениями и передала ее своим людям. Они захватывают несчастную женщину и насиуют ее по очереди в течение целой ночи, чтобы выполнить приказ Эммы, которая возбуждает и созерцает их (*comitantes se quatenus libidinose nocte quæ imminebat, tota ea abuterentur, incitat*). На следующий день ее выставили на улицу, полуголую, умирающую от истощения и голода. Виконт Туарс не мог ни жаловаться, ни мстить: он вернул себе обесчещенную жену, а Вильгельм сослал свою жену в замок Шинон. В 1086 году мы видим изнасилование, которое было менее ужасным по своим обстоятельствам, но также было совершено в присутствии свидетелей. Эблес, наследник графа Комборна в Аквитании, достиг совершеннолетия и потребовал свой замок и земли у своего дяди и опекуна Бернарда. Бернар отказался от них. Эблес собрал военный отряд и пришел осаждать замок, который Бернар тщетно пытался защитить. Эблес вошел в покинутое дядей место: там он встретил свою тетку, по имени *Гарсилья*, и тут же, не разоружаясь, на глазах у всех своих товарищей, которые ему аплодировали, предался с ней самой отвратительной похоти (*patruī uxorem coram multis fœdavit*). (См. Hist. des mœurs et de la vie privée des Francs, vol. II, p. 343, и vol. III, p. 83, согласно двум хроникам, опубликованным в "Bibliotheca nova manuscriptorum" Лаббе).

Уже не удивляешься этим чудовищным фактам и подозреваешь еще более ужасные, если это возможно, когда с отвращением бродишь по древним Пенитенциариям: именно там следует искать оккультные факты проституции в Средние века; именно там плотский грех проявляется со всей своей дерзостью, которая не ограничивалась незаконными связями между двумя полами и потворствовала прихотям самого отвратительного разврата. Конечно, как говорит месье де ла Бедольер, "мы хотели бы верить, ради чести человечества, что ужасы, о которых сообщают "Покаяния", чисто случайны" и редко находили отклик в суде покаяния, но они вновь появляются на каждой странице этих "Покаяний", которые классифицируют их в соответствии с различными степенями вины и наказания. Поэтому несомненно, что они были частыми и что они распространяли скрытое разложение во всех частях социального тела. Мы не можем обойтись без описания этих ужасов проституции, но мы не будем лишать их латинского покрова и даже не будем заимствовать перевод, благоразумно смягченный, из современных Пенитенциалов, которые должны соблюдать покаянную доктрину Церкви. В этом примитивном кодексе исповеди необходимо проводить различие между фактами, касающимися самых тайных действий брака, фактами, относящимися к кровосмешению, фактами, касающимися противоестественного разврата, и, наконец, фактами, содержащими преступление скотоложства.

Все, что делала Церковь для защиты чистоты брака, было явным указанием на все, что совершалось в святилище супругов против нравственной цели этого института. Они были лишь вменяемыми грехами, если жених и невеста не посвятили первую брачную ночь благочестивым практикам (*eadem nocte pro reverentiâ ipsius benedictionis in virginitate permaneant*, говорит Регинон, liv. II); если муж, переспавший со своей женой, не омылся перед входом в церковь (*maritus qui cum uxore suâ dormierit, lavet se antequam intret in ecclesiâ*. Покаяние Флери); если женщина вошла в церковь во время менструации (*mulieres menstruo tempore non mirent ecclesiam*); если супружеское ложе в это же время соединило

супругов (*in tempore menstrui sanguinis qui tunc nupserit; 30 dies pœniteat*. Анжерские покаяния); если они не соблюдали абсолютное воздержание по воскресеньям, в праздничные дни, за три дня до причастия и в течение четырех недель, предшествующих Пасхе и Рождеству. Но грех становился более тяжким, а покаяние более длительным, когда супруги давали волю непристойным фантазиям, которые привилегия союза полов не снимала (*si quis cum uxore suâ retro nupserit, 40 dies pœniteat; si in tergo, tres annos, quia sodomiticum scelus est*. Пенитенциарий Анжерский). Плотское соитие в браке должно было быть только целомудренным и святым актом, предназначенным для рождения детей, а не для удовлетворения чувств. Вот слова Ионаса, епископа Орлеанского, в его Институте лаиков: *Oportet ut legitima carnis copula causa sit prolis non voluptatis, et carnis commixtio procreandorum liberorum sit gratia, non satisfactio vitiorum*.

Кровосмешение умножалось в самых отвратительных формах: сын не проявлял милосердия к матери; сама мать не уважала невинность своего маленького ребенка; брат нападал на сестру; отец осквернял дочь! Но за эти мерзости полагалась епитимья на десять, пятнадцать лет, в течение которых виновный обучался посту и воздержанию. (*Qui cum matre fornicaverit, 15 annis; si cum filia et sorore, 12-Si adolescens sororem, 5 annos, et si matrem, 7, et quamdiu vixerit, numquam sine pœnitentia, vel continentia. -Si mater cum filio parvulo fornicationem imitatur, si mater cum filio suo fornicaverit, tribus annis pœniteat*. Пенитенциалы Флери и Анжера).

Детоубийства и аборты были не менее распространены, чем у язычников, которые всегда терпели их, а иногда и одобряли. Иногда ребенка душили при рождении, иногда душили, иногда убивали отравлением или кровотечением. Были мужчины и женщины, продававшие abortивные средства (*herbarii viri, mulieres interfectores infantum*). Другие препараты делали женщин бесплодными, а мужчин - импотентами. Чтобы возвысить любовь или, скорее, чувственный пыл мужчины или женщины, в зелье, которое их заставляли принимать, добавляли ужасные снадобья (*Interrogasti de illâ feminâ quæ menstruum sanguinem suum miscuit cibo vel potui et dedit vire suo ut comederet? et quæ semen viri sui in potu bibit? Tali sententiâ feriendæ sunt sicut magi*. Покаяние Рабана Маура - *Illâ quæ semen viri sui in cibo miscet, ut inde plus ejus amorem accipiat, annos tres pœniteat*. Pénitentiel de Fleury).

Грехи против природы имели бесчисленное множество разновидностей в глазах духовника, который также применял к ним самые разнообразные наказания. Простая содомия (*si quis fornicaverit sicut sodomitæ*, говорится в Римском покаянии) влекла за собой четыре года епитимьи; но возраст грешников устанавливал множество различий между ними. Дети, подростки и зрелые мужчины наказывались по-разному, когда грешили одинаково. Пороки крайней юности часто напоминали пороки самой развратной старости; но с годами они легче стирались и исправлялись (*Pueri sese invicem manibus inquinantes, dies 40 pœniteat. Si vero pueri sese inter femora sordidant, dies centum; majores verò, tribus quadragesimis*. Пенитенциал из Анжера). Антифизические ошибки женщин наказывались так же сурово, как и мужчин, как будто целомудрие было более необходимым для пола, который сам по себе обладает непреодолимым обаянием для привлечения другого пола. Женщины, даже монахини, предавались оргиям между собой, где вновь появился римский фасцидум и где искусство фелляции не забыло ничего из непристойных уроков античности (*Mulier cum alterâ fornicans, tres annos. Sanctimonialis femina cum sanctimoniali per machinatum polluta, annos septem*. Покаяние Анжера: *Mulier qualicumque molimine aut per ipsam aut cum altera fornicans*. Пенитенциарий Флери - *Si quis semen in os miserit, septem annos pœniteat*. Там же). Иногда кровосмешение добавлялось к преступлению против природы и усугубляло позор и наказание: содомия между братьями могла быть искуплена только пятнадцатилетним

воздержанием (*qui cum fratre naturali fornicaverit per commixtionem carnis, ab omni carne se abstineat quindecim annis*. Pénitentiel de Fleury).

Все виды скотоложства, в которые вряд ли кто осмелится поверить, фигурируют в Пенитенциалах и дают лишь временное покаяние, хотя гражданское право обрекало преступника на гибель вместе со зверем, которого он выбрал в качестве сообщника. Все звери казались подходящими для этого отвратительного союза (*cum jumento, cum quadrupede, cum animalibus*, говорится в Римском покаянии; *cum jumento, cum pecude*, говорится в Анжерском покаянии; *cum pecoribus*, говорится в Регинонском сборнике). В Средние века не было ничего более распространенного, чем это преступление, которое каралось смертью, когда оно было доказано и подтверждено судебным приговором. Парламентские реестры полны этих несчастных людей, которых сжигали вместе с собакой, с козой, с коровой, со свиньей, с гусем! Но только в письме Рабана Маура к Реджимбольду, архиепископу Майнцскому, мы видим каноническое обсуждение этих чудовищ, которые в то время никого не удивляли (*Tertia quæstio de eo fuit, qui cani feminæ inrationabiliter se miscuit, et quarta de illo, qui cum vaccis sæpius fornicatus est? Qui cum jumento vel pecore coierit, morte moriatur. Mulier quæ succubuerit cuilibet jumento, simul interficiatur cum eo*. Capitul. de Baluze, t. II, appendix, col. 1378). В капитуляриях Ансегиза епископам и священникам предлагается бороться с этим развратом, который считался пережитком язычества и который дольше сохранялся в сельской местности, чем в городах; но все законодатели признают, что такое преступление, низводящее человека до уровня зверя, заслуживает смерти. Они с радостью простили бы скорее зверя, чем человека, но зверя убили, а его плоть выбросили на помойку, опасаясь, что она, благодаря дьявольским ухищрениям, породит чудовищное сочетание зверя и человека.

Наконец, чтобы дать еще более полное представление об упрямстве развратников в их отвратительных привычках, вспомним здесь уголовный процесс, связанный с противоестественным развратом, который назывался *fornicatio inter femora*. Дюканж предоставляет нам этот уникальный документ, взятый из хартии Эдуарда Ier, короля Англии. Эта грамота, вероятно, датируется началом десятого века. У человека по имени Симон была наложница по имени Матильда, с которой он никогда не имел полноценных отношений. Однажды он был пойман за незаконной торговлей друзьями этой наложницы, которые хотели отомстить ему, выдав замуж. Она рассказала судьям, что жила с ним долгое время, но он так и не женился на ней (*Juratores dicunt quod prædictus Simon semper tenuit dictam Matildam ut uxorem suam, et dicunt quod numquam dictam Matildam desponsavit*). Тогда Симону пришлось выбирать между тремя видами наказания или возмещения: отдать свою веру Матильде, или лишиться жизни, или платить Матильде те повинности, которые муж платит своей жене (*vel ipsam Matildam retro osculare*). Симон сразу же сделал свой выбор: он отдал свою веру Матильде, но не хотел жениться на ней иначе, чем до сих пор (*inter femora*). Дюканж взял этот любопытный анекдот из "Словаря законов Англии" Томаса Блаунта (*Nomolex anglicana*).

Во времена Эдуарда I и Карла Простого, его зятя, нравы Франции и Англии были печально похожи, и какой-нибудь поэт при саксонском дворе Эдуарда мог бы сказать об Англии то же, что поэт Аббон сказал о Франции в своей знаменитой поэме об осаде Парижа: "О Франция, зачем ты скрываешь себя? Где те древние силы, которые обеспечили твой триумф над более могущественными врагами? Ты искупаешь три главных порока: гордыню, постыдные прелести Венеры и погоню за одеждой. Вы даже не допускаете к своему ложу замужних женщин или монахинь, посвятивших себя Господу. Более того, вы имеете женщин по своему усмотрению и возмущаете природу!" Два века спустя Петр, аббат из Селла, в своих письмах

(Liv. IV, ep. 10) адресовал городу Парижу те же упреки, что аббат адресовал Франции, и обвинил его в извращении нравов своих жителей: "О Париж, как ты соблазнителен и развратен! сказал он. Сколько ловушек расставлено твоими же пороками для безрассудной молодежи! Какие преступления совершаются по твоей вине! Проституция во все века была советчиком и провокатором других пороков, которые не обходятся без нее и которые цепляются за ее бока, как детеныши за соски своей пожирающей матери".

ГЛАВА VI.

Краткое содержание - Положение женщин с дурной репутацией до правления Людовика VIII - Словарь проституции XI века - *Putagium* - *Putus* и *puta* - Коммунальные колодцы - *Puits d'Amour* - *Cour d'Amour* или *Небесный суд* в Суассоне - *Putting*, *putinage* и *putasserie*. - Lenoine. - *Maquerellagium*, *maquerellus* и *maquerella*. - Происхождение слова *maquereau*. - *Borde*, *bordel* и *bordeau*. - *Les femmes bordelières*. - *Les femmes séant aux haies*. - *Les cloistrières*. - *Garcio* и *garcia*. - *Ribaldus* и *ribalda*. - *Meschines* и *meschinage*. - *Ruffians*. - *Clapiers*.

Если разврат нравов в этот период Средневековья превышал все, что допускали более варварские времена в плане разврата и преступлений, то легальная проституция, которая как индустрия и которая защищает честных женщин, предлагая чувственным аппетитам готовое и легкое удовлетворение, эта регулярная и организованная проституция еще не существовала, по крайней мере, под наблюдением и рукой феодальной полиции. Она не признавалась ни в принципе, ни в законе; ею можно было заниматься только обманным и тайным путем, на риск и опасность для женщин, которых подталкивала к этому гнусному ремеслу бедность или распутство; она не находила поддержки и защиты ни в магистратуре городов, созданных как коммуны, ни в сеньориальных судах. Оно не считалось ни необходимым, ни даже полезным и рассматривалось как публичное оскорбление всеобщей честности. Однако с этим приходилось мириться и закрывать глаза на жестокий факт, который воспроизводился постоянно и повсеместно, скрываясь, а точнее, маскируясь, несмотря на самые строгие запреты и самые суровые наказания. Мы убеждены, что эта легальная проституция должна была завоевать свое позорное место в обществе своим упорством в противостоянии законам и наказаниям, своим умением использовать всевозможные маски, своей силой и упорством, своим живым и захватническим характером. Мы можем сравнить положение женщин с дурной репутацией в обществе, которое было враждебно к ним, но не могло без них обойтись, которое постоянно преследовало их и никогда не могло от них избавиться; мы можем сравнить эту ненормальную ситуацию с положением евреев, против которых также действовало гражданское и церковное законодательство, которые каждый день видели себя заключенными в тюрьмы, раздетыми и изгнанными, но все же возвращались к своим банкам, ростовщичеству и огромным доходам. Проституция не имела признанного существования в государстве и не была признана, если не разрешена, до правления Людовика VIII или, возможно, Филиппа-Августа, поскольку король *рибальдов* (*rex ribaldorum*), который, очевидно, был верховным правителем агентов проституции, был создан Филиппом-Августом, как мы увидим позже.

Очень трудно восстановить привычки и внешний вид наемной проституции в эти времена всеобщей коррупции, которая не позволяла свободно заниматься этим отвратительным ремеслом. Аббат, епископ, барон, феодал могли иметь в своем доме нечто вроде сераля или лупанара, содержащегося за счет их вассалов; по выражению одного писателя XI века, каждый владелец вотчины кормил в своем гинекее столько шлюх, сколько собак в своей конуре; Но публичный бордель, открытый для всех, под руководством мужчины или

женщины, эксплуатировавших это нечистое ремесло, существовал лишь в небольшом числе местностей, где сеньоры и муниципальная администрация ослабляли свои древние обычаи и притворялись слепыми, чтобы показать свою терпимость. Поэтому Париже и некоторых крупных городах создание дурных мест в пригородах и в определенных районах не встречало особых препятствий, пока скандал не придавал закону силы и не привел к более или менее радикальному подавлению этих центров разврата. Существовали также проститутки, не принадлежавшие к люпиновому крестьянскому сословию и оставлявшие всю прибыль от продажи своего тела себе: они обычно смешивались с честным населением и, хотя и зарабатывали на жизнь своим нечистым ремеслом, старались ничего не показывать, под страхом того, что немедленно попадут в немилость соседей и будут вынуждены взять правосудие в свои руки, исчезнув. Поэтому вполне понятно, что внутренняя жизнь дурных мест и частная жизнь публичных женщин не нашла отклика в письменных памятниках этих смутных времен. Проституция с восьмого по двенадцатый век не имеет даже черт, которые бы ее ярко характеризовали, хотя она совершенно отличается от проституции Нижней империи. Нам приходится довольствоваться несколькими отдельными, не связанными между собой фактами, свидетельствующими о разнообразии местных обычаев. Эти факты, представленные уставами коммун и постановлениями городской полиции, слишком редки, чтобы составить целостную картину. Таким образом, не из этой коллекции разрозненных и отрывочных фактов можно выяснить тайные нравы проституции в феодальной Франции.

Но народный язык XI века, низкая латынь, которая под влиянием диалектов Севера и Юга должна была создать французский язык, этот язык, применяющий новые слова к новым вещам и идеям, представляет нам, в процессе образования самих этих слов, богатство драгоценных сведений, среди которых мы найдем много понятий, имеющих отношение к нашей теме. Начиная с IX века лексикон проституции полностью меняется; он необычайно ограничен, но состоит из совершенно новых выражений, которые, кажется, исходят из уст народа, а не из-под пера писателей; эти выражения, отмеченные галло-французским духом, а иногда и уголком тудесской идиомы, предназначены для выражения того, что мы будем называть *материалом* проституции. Ясно, что латинские слова уже не имели никакого значения применительно к обстоятельствам и особенностям, которые не существовали в то время, когда они были созданы; народ в своем повседневном языке не хотел принимать эти слова, которые еще употреблялись в литературном языке, но которые уже ничего не представляли в привычной жизни; народ, с присущим ему гением, придумал выражения, которых ему не хватало, и придавал им ту особую печать, которую они должны были иметь. Так, мы видим, что большинство слов, перешедших затем во французский язык, появились в вульгарной латыни, а затем сохранились в языке народа, ибо проституция не может претендовать на то, чтобы грубые и дерзкие формулы ее идиом были приняты благородным языком. Заметим раз и навсегда, что серьезные писатели, поэты и историки продолжают пользоваться общими терминами, которые классическая латынь предлагала им для обозначения деяний и лиц проституции; но в документах, вышедших из неграмотных рук или предназначенных для народного знания, используются только точные и технические термины, которые были доступны каждому и не требовали для своего понимания ни малейшего представления о классической древности. Несомненно, этот язык проституции гнусен и достоин тех вещей, которые он выражает, и тех людей, которых он описывает, но не следует забывать, что в Средние века все слова повседневного языка пользовались равным уважением и безоговорочно употреблялись как в письменной, так и в устной речи. Некоторые выражения, обозначающие позорные предметы, еще не считались позорными, и скромности устной или письменной речи не придавалось никакого значения. Вот почему наш старофранцузский язык так богат остроумными и пикантными словами, составляющими

лексикон проституции, которые с века Людовика XIV были изгнаны из языка людей чести, как мы привыкли говорить.

Проституция, которую ученые всегда называли *meretricium*, из которой новаторы сделали *meretricatio* и *meretricatus*, в народе и в просторечии называлась *putagium*, а в дальнейшем - *puteum* и *putaria*. Это слово, как нам кажется, имеет совершенно современное происхождение, и мы не считаем, несмотря на авторитет ученого Скалигера, в одном из его примечаний к "Каталекте" Вергилия, что *putagium* следует восходить к латинскому слову *putus*, которое встречается у ранних латинских авторов со значением "маленький". Среди древних, правда, *putus* давалось как имя привязанности, как лестная квалификация для маленького ребенка. Господин не называл свою возлюбленную иначе: если бы это была девочка, а не мальчик, мы бы сказали *puta*. Уменьшительные формы *putillus* и *putilla* образовались естественным путем, и Плавт в своей "Асинарии" (акт. III, сц. 3) ставит *mon petit, putillus*, в один ряд с *ma colombe, mon chat, mon hirondelle, mon moineau* в языке влюбленных. Однако мы использовали, как это делает Гораций (*Sat.*, l. II, 3), *pusus* и *pusa*, которые также имели свои *pusillus* и *pusilla*. Тем не менее, мы выведем *putagium* из *puteus*, благо, что эта этимология может быть понята и оправдана как буквально, так и фигурально. Если, с одной стороны, публичную проституцию можно сравнить с общим колодезем, к которому любой может за водой, то, с другой стороны, в каждом городе, в каждом районе коммунальный или сеньориальный колодезь был местом встречи всех девушек, ищущих приключений. В местах, посещаемых проститутками, на *Кур де Чудес*, где они останавливались, на перекрестках, служивших им ярмаркой, всегда был колодезь. Возможно, они помнили, что Иисус Христос встретил Магдалину у колодца. У этих колодцев, которыми пользовались все жители города, каждый вечер собиралось множество женщин, которые рассказывали друг другу о своих любовных похождениях и провожали их в путь под предлогом запастись водой. Люди знали, что такое ходить к колодезю: влюбленные сходились со всех сторон, чтобы встретиться. Этот колодезь был свидетелем многих вздохов и многих слез. Пиганиоль, говоря о *Puits d'Amour*, который дал название одной из парижских улиц в районе улицы Труандери, где находился главный офис проституции, утверждает, что этот знаменитый колодезь обязан своим названием "причине, которая характерна для всех колодцев в городах или населенных пунктах, а именно: он служил местом встречи камердинеров и слуг, которые под предлогом прихода за водой приходили туда, чтобы заняться любовью". Этот колодезь, засыпанный только в конце XVII века, был местом не одной любовной драмы, и традиция на разные лады рассказывает историю дворянки из рода Галлебиков, утонувшей в нем во времена правления Филиппа-Августа. Упоминается также, что несколько влюбленных бросились в реку из злобы или ревности, но не погибли. Другие влюбленные из благодарности хотели приобщить *Puits d'Amour* к своему счастью: один обновил ведра, другой - веревку; этот установил железную балюстраду, тот - новый копер, на котором готическими буквами написано: *Amour m'a refait en 525 tout à fait*.

Можно провести любопытный обзор всех колодцев, сыгравших свою роль в истории проституции, и найти по одному в каждом городе, чтобы показать, что в средние века *путагиум* был почти неотделим от обычных колодцев, которые сегодня в основном исчезли. Было бы легко доказать, что подобные колодцы существовали в Париже на улицах, где жили женщины с дурной репутацией, или рядом с ними. Ограничимся сообщением о том, что *рибаудеры из Суассона*, пользовавшиеся в XII веке известностью (*Dictons populaires*, изданные Крапеле, стр. 64), проводили свои собрания вокруг колодца, сохранившегося до наших дней в *рибаудерии Суассона*. "Двор любви" или "Сельский двор" в Суассоне (говорят господа П. Лакруа и Анри Мартен в своей "Истории Суассона") находится у входа на улицу дю Пон: это узкий двор, окруженный низкими зданиями, куда можно подняться по внешней

каменной лестнице . Этот двор, в который вы попадаете через неясный переулок, раньше вел вниз к реке: в центре находится колодец необычной конструкции, с ободом, переполняющим круглое, узкое отверстие, увенчанное коническим сводом". Нам не нужно искать больше аргументов, чтобы показать, что *putagium*, *puteum* и *putaria* подразумевали действие, связанное с походом к Колодцу Любви вечером. В южных провинциях предпочитали использовать слово *putaria*. Мы читаем в уставе города Асти (*Collat. 12, cap. 7*): *Si uxor alicujus civis Astensis olim aufugit pro putaria cum aliquo... Puteum* чаще использовалось в поэтическом языке, который, принимая причину за следствие, сделал *puteum* синонимом *putagium*. Что касается этого слова, которое должно быть первым в своем роде, то оно утвердилось благодаря тому, что было введено в юридический язык. Так, оно часто используется юристами и встречается не в одном указе наших королей третьей расы: достаточно упомянуть один из этих указов, в котором говорится, что *путария* матери не лишает сына прав наследника, поскольку сын, рожденный в браке, всегда законный (*quod generaliter dici solet, quod putagium hæreditatem non adimit, intelligitur de putagio matris*). Слово *putagium* означало только проституцию женщины. Французский язык, не успев произнести и нескольких слов, перевел *putagium* в *putage*, *puta* в *pute*, а *putena* в *putain*. Последние два слова являются современными, поскольку в XII книге "Хроники" Ордерика Виталия упоминается основание города под названием *Матапутена* (*id est devincens meretricem*), в насмешку над графиней Хедвигой.

В старофранцузском языке, особенно в романах и сказках труверов, *Putage* неоднократно используется в значении *putagium*. Цитаты, выбранные Дюканжем, дают точное значение этого выражения, которое не осталось даже в тривиальном языке и которое, однако, нельзя заменить словами *putinage* и *putasserie*, сохранившимися в лексиконе низших классов, не понимая нюансов их относительного значения. В этих двух строках из романа *Васкеса* раскрывается истинное значение слова *putage*:

Maint homme a essillié et torné à servage,
Et mis par povreté mainte feme au putage.

Роман *Ренара* придает *путане* значение, близкое к *путанизму* современного языка:

Grant deshonnour et grant hontage
Fistes-vous et grant putage.

В романе "*Эмиль и Эми*" это же слово используется для выражения того же самого:

A mal putaige doit li siens cors livrez!

Наконец, в романе "*Амис*" этим словом обозначается состояние женщины, занимающейся проституцией:

И жена его была замужем,
Benoite ne espousée
Qui puis la traïroit à putage,
A mauvaistié ne à hontage
Чтобы он умер в позоре,
Не рассказывая никаких других историй.

Мы не будем множить цитаты для слова "*шлюха*", которое сохранило свое первоначальное употребление и значение в повседневном языке. Это слово всегда имело оскорбительный смысл, как видно из этих строк из романа Гарина ле Логрена.

Or, m'avez-vous lesdengiée vilment,
Et clamé pute, oyant toute la gent.

Позже мы расскажем, как это оскорбление женщин в целом едва не стоило поэту Жану де Мёну дорогого.

Леноциниум, этот верный и неразлучный спутник *меротрициума*, с большим трудом изменил свое название; поскольку им обычно занимались женщины, его сначала переименовали в *ленолию*, которая перешла в язык двенадцатого века, став французской и превратившись в *lenoïne*. Но люди, царящие на мелководье языка, вскоре придумали другое слово, которое они вывели из самих привычек маклеров, занимающихся проституцией. Это слово было *maquerellagium*, от которого старофранцузы произвели *maquerellage*, до сих пор сохранившееся в языке halles, и которому, тем не менее, нашлось место в словаре Академии наук. До *maquerellagium* существовали *maquerellus* и *maquerella*, *maquereau* и *maquerelle*. Самые сведущие этимологи не покладая рук выясняли происхождение этих слов, которые имели только латинское окончание. Нико и Менаж, ища возможные аналогии между рыбой, называемой *maquereau*, и мужчиной или женщиной, спекулирующими на проституции других людей, предположили, что *maquereau* образовалось от *maculæ*, поскольку эта рыба пестрит черноватыми и синими поперечными пятнами, и поскольку в древние времена театральным костюм *lenon* или *lene* также отличался пестротой различных цветов. Трипо, вспомнив, что римский *водонос* или аквариолус имел в Риме привилегию *lenocinium*, решил, что простое добавление начальной буквы, образованной гортанным произношением франков, привело к появлению *maquariolus*, что довольно близко к *maquerellus*. Наконец, другие, более наивные, выдвинули ивритский глагол *tachar*, который означает *продавать* и который не слишком подходит для торговли человеческой плотью. В поддержку своей системы этимологи должны были бы привести некоторые документы Средневековья, в которых евреи, как утверждается, торговали лошадьми и женщинами.

Мы поражены тем, что этимология слова, применяемого к человеку, была рассмотрена до того, как было найдено подходящее слово для рыбы; ведь вполне естественно, что рыба сначала была названа *макрелью*, а человек, по некоторому сходству, получил название этой рыбы. Какая этимология первой приходит на ум, без всяких усилий воображения или лингвистики? Когда-то промысел скумбрии был более обильным на океанских побережьях, чем сегодня: эта рыба-скорпион приплыла вслед за косяками сельди и разделила их судьбу, поживившись за их счет. Его датское или норманнское название, сохранившееся в голландском языке, возвращает нас к тому времени, когда оно было латинизировано: *tackereel*, безусловно, предшествует *maquerellus* и *makarellus*. Ученые, недовольные варварским звучанием этого слова, испортили его, чтобы сделать менее диким для уха: нет другого объяснения образованию *magarellus*, которое встречается в нескольких хартиях английских королей. На северных побережьях люди говорили *takevus*, или, скорее, *takerus*, если допустить ошибку Дюканжа. Что касается присвоения названия рыбы виду человека, подражающего ее повадкам, то поначалу это была игра слов, эпиграмма, глубоко вошедшая в дух народного языка и постепенно утратившая свой переносный смысл. В конце концов стало непонятно, по какому признаку сходства человека спутали с рыбой. Однако легко понять, что ленон, бродящий вокруг женщин, чтобы воспользоваться ими и подтолкнуть их, так сказать, в ловушку развратителя, играет роль, подобную той, которую играет макрель, сопровождающая сельдь и жиреющая вместе с ней. Как бы то ни было, это образное выражение, относящееся к сутенерам обоих полов, было принято во всех стилях и не казалось неуместным даже в постановлениях королей Франции. Сейчас оно получило свое позорное клеймо, но в энергичном языке народа оно осталось неизменным. Однако это

не более чем название рыбы, которая присутствует на каждом столе и за которую платили по четыре денария за тысячу епископу или графу, под чьим сюзеренитетом она находилась. Если бы эта рыба не получила свое название от народов Севера, мы были бы далеки от того, чтобы приветствовать этимологию, более изобретательную, чем правдоподобную, которая объединила бы с глаголом *mæchari* существительное *mæcharellus*, чтобы обозначить подстрекателя к разврату (*mæchi conciliator*).

Как и *lenocinium* и *mérétricium*, *lupanar* использовался только в языке писателей; вульгарный язык отвергал его как галло-римскую традицию, не имевшую оснований для существования. Ничто так не напоминало бордели Рима, как притоны проституции в городах Франции. Эти позорные бордели получили огульные названия *borda* и *bordellum*, которые в новом диалекте двенадцатого века превратились в *borde*, *bordel* и *bordeau*. Это латинское слово - не что иное, как латинизированное саксонское слово *bord*; это саксонское слово означало не что иное, как французское слово, которое полностью идентично: следовательно, нужно представить себе чисто беспричинную этимологию, чтобы увидеть в *bordel* слова *bord* и *el*, потому что, как утверждается, места разврата тогда располагались у кромки воды! Расположение этих дурных мест не обязательно было рядом с рекой, что не служило бы никакой моральной или санитарной цели, да и не объяснялось бы никаким удовлетворительным образом; кроме того, при многих обстоятельствах проституция происходила на краю воды, особенно когда речное судоходство приносило большое количество купцов, пассажиров и лодочников, которые составляли обычные баржи *бордельеров* (*bordellariæ*). Более конкретно, *борда* - это изолированная хижина, ночной приют, предпочтительно расположенный на обочине дороги или реки, за городскими стенами, в пригороде или в сельской местности. *Борда* отличалась от *дома*, как видно из этой строки из романа *Обери*:

Ne trouvissiez ni borde ne maison;

и в другой строке из романа *Гарина*:

Ni a meson ne borde ne mesnil.

Как правило, *борд* примыкал к небольшой ограде или полю: в договоре 1292 года, который цитирует Дюканж в своем "Глоссарии", говорится, что аббат и монастырь обязывались предоставить акр земли в своих владениях любому жителю города, который пожелает построить там борд (*ad faciendum ibi bordam*). Проституция, вытесненная из городов, находила убежище в этих борделях, которые находились вдали от глаз городской полиции и не позволяли проникнуть туда скандалу. В этих сельских домах арендаторы или арендаторы жили только в определенное время года и в определенные дни; но проституция имела там надежное убежище в любое время; вот почему публичные женщины брали в аренду бордели, в которых они жили, когда им было недостаточно прийти туда в сумерках, чтобы остаться на несколько часов. Развратники, которые приходили туда, чтобы присоединиться к ним, покидали город под предлогом прогулки и добирались до места своего позорного назначения окольными путями. Так *бордель* превратился в *бордель*, уменьшительное от него, которое постепенно стало общим названием для всех публичных домов, независимо от того, находились ли они в сельской местности или в глубине городов. Различные формы этого названия, которое произносилось как *bordeel* и превращалось в *bordiau* и *bourdeau*, *bordelet* и *bordeliau*, можно объяснить различиями в диалекте.

Пока бордели находились за пределами городов, бродячая проституция насчитывала среди своей тайной армии множество бедных рекрутов, которые не могли позволить себе даже снять бордель и которые, подобно римским *lupæ* и *suburranae*, останавливали прохожих вдоль тропинок, за изгородями, в виноградниках и полях: их называли *femmes séant aux haies, ès issues des villages, filles de chemin, femmes de champs*. (См. Карпантье в его дополнении к Дюканжу на слова Borda и Cheminus.) Те, кто не покидал своих нор и вытягивал свои озера в окно, назывались *claustrariæ, cloistrières*. (Их обитатели, *claustra*, вполне могли быть наследниками *lustra* древности, тем более что эти *claustra montium* создавались только в отдаленных местах, глубоко в лесах и в горных ущельях.

Заблудшие женщины, жившие в борделях или публичных домах, были известны как *борделиер* или *бурделиер*. Но это было не единственное их название; выше мы видели, что в знак презрения их называли *шлюхами* и *блудницами*. Они не избегали оскорбительных имен и не отличались, как в древности, квалификацией, которая часто выдавала их нескромные привычки, образ жизни, происхождение и костюм. Уже в конце XII века к ним применялось собирательное название *garzia* или *gartia*, по-французски *garce* или *garse*, которое до сих пор сохранилось в лексиконе деревенских жителей для обозначения любого рода незамужних девушек. В гранках "Истории Бреса" Гишенона (стр. 203) мы читаем: *Si leno vel meretrix, si gartio vel gartia alicui burgensi convitium dixerit*; а в хартии привилегий города Сейсель в 1285 году (): *Si gartia dicat aliquid probo homini et mulieri*. Это выражение, которое встречается на каждой странице в прозе и стихах с XIII по XVII век, лишь в исключительных случаях отклоняется от своего первоначального значения и становится оскорблением только в некоторых случаях, когда оно сопровождается уничижительным эпитетом; Более того, из процитированного выше отрывка из Гишенона видно, что термин *garce (gartia)*, даже если он использовался в дурном вкусе, отличался от проститутки (*meretrix*) тем, что обозначал бродячую девушку, бегунью или служанку. Эт. Гишар, который хотел доказать, что все языки произошли от древнееврейского, вообразил, что может связать слово *garce* с похожим по звучанию древнееврейским глаголом, означающим *проститутку*; он не заметил, что слова *garce* и *garzia* гораздо древнее, чем то непристойное значение, которое им придали. Так, в записи XIII века о жизни и чудесах святого Ива слово *garcia* означает *служанку, ancilla* (см. Bollandistes, *Sanct. maii*, vol. IV, 553). Гораздо проще сказать, что *garce* - это женский род от *gars*, которое, несмотря на самые красивые этимологии, оказывается галльским словом, *wars*, и сначала означало молодого воина, юношу-юбиляра. От *gars* в низкой латыни произошли *garsio* и *garzio*, которые применялись к камердинерам, ворам, людям ничтожества, армейским кадилам и распутникам. Нет лучшего способа показать, как слово, изначально честное и благопристойное, постепенно извратилось и приобрело в языке позорное значение, чем вспомнить фразу, в которой Монтень использует его в том смысле, который оно имело в его время: "Был народ, где для удовлетворения распутства проституировали сук у дверей храмов".

Это было не единственное оскорбительное выражение, использовавшееся в Средние века для обозначения проституток: их называли *fornicariæ* и *fornicatrices, prostibulariæ, prostantes, gynesciariæ, lupanariæ, ganeariæ*, на низшей латыни. Последние три названия были синонимами; они обозначали места, где содержались женщины с дурной репутацией: *ganea, lupanar* и *gynesium*. *Простанты* продавали себя (от глагола *prostare*), *простибулярки* занимались проституцией, *блудницы* и *блудодеи*. Эти различные термины не попали во французский язык, но попали те, что были менее латинскими: *ribaude, meschine, femme folle, femme de vie*. *Женщина жизни, femina vitæ*, кажется нам, несмотря на ее латинскую маскировку, имеет корни в галльской непристойности. *Сумасшедшая* или *безумная женщина, mulier follis* или *fatua*, обязана своим именем знаменитому празднику дураков,

который мы опишем в другом месте как окончательное отражение тайн древней проституции. В принципе, *meschine* была мелкой прислужгой, рабыней; *ribaude* - армейской служанкой, солдатской дочерью, женой кадия. В другой главе мы опишем *рибаудов* Филиппа-Августа и установим истинное происхождение их *короля*. Мы не будем перечислять многочисленные этимологии, которые были накоплены учеными в поисках корня слова *ribaude*, существующего во всех языках Европы. Мы склонны видеть этот корень в галльском слове *baux* или *baud*, означавшем *радость* и оставившем в нашем старом языке, который Борель называл *галльским*, существительное *baude*, радость, и глагол *ébaudir*, радоваться. Название рода *Baux* или *joyeux*, которое лангедокская традиция датирует шестым веком, дает довольно почтенный возраст кельтскому слову *baux* или *baud*. Это слово изменило свое значение, не меняя формы, когда перешло в английский язык, где *baud* является синонимом *lénon*. Название *baldo* в итальянском языке не претерпело таких изменений, поскольку это слово, производное от *baux*, означало *дерзкий* или *наглый*. *Rebaldus* переводится на латынь *rebaux*, состоящий из эмфатического предлога *re* и исходного слова *baux*, *baud* или *bauld*. *Ribaude* и *ribaldus* стали латинизированными и французженками одновременно. Эти слова были широко распространены до правления Филиппа-Августа, когда они стали презираемы из-за чрезмерного поведения людей, которые хотели быть *рибальдами* *par excellence*. Раньше эпитет *ribaude* означал физическую силу и крепкое телосложение человека крепкого телосложения. С тех пор он стал особым обозначением негодяев и развратников. Все языки переняли деградацию *ribaude* и его соединений. *Ribaudie* во французском языке стало синонимом *проституции*, как и *ribaldaglia*, которое Матье Виллани использует в этом смысле (*Chron.*, lib. IV, cap. 91). Затем *Рубо* произвел *ribaude*, *ribalda*, которые никогда не имели почетного значения. По обычаю Бержерака, это было страшное оскорбление, когда оно было направлено на человека знатного происхождения или положения; но это не имело никакого значения, если этот человек использовал его против женщины низкого сословия и не сопровождал оскорбление нападением. Об этом необычном отрывке из "Кутюма де Бержерака" сообщают бенедиктинцы, продолжавшие дело Дюканжа. *Ribaude*, которое очень естественно привело к *ribaudaille* и *ribaldry*, продолжает энергично олицетворять любую женщину, чья мораль нарушена или развращена.

Слово *meschine*, которое очень часто применялось к *женщинам, помешанным на своем теле*, обычно было скорее благожелательным, чем оскорбительным; *meschine* использовалось только после *meschin*. Это слово, по сути галльское или франкское, которое наш язык до сих пор сохраняет в слове *mesquin*, значение которого не слишком далеко ушло от своего корня, первоначально означало *маленького раба, молодого слугу*. *Meschinus* и *mischinus* встречаются уже в X веке в монастырских картотеках, что подтверждает Дюканж: они означают *молодых крепостных* и, как следствие, *камердинеров*. Именно в этом последнем значении слово *meschin* на сайте особенно часто встречается в языке XII века; но тогда оно воспринимается только в собственном смысле и эквивалентно *молодому отроку*, *jouvenceau*. Оно часто используется в романе *Гарина*, и всегда с почестями, как, например, в этой строке:

Vous estes jones jovenciaux et meschins.

Женский род *meschine*, *meschina*, поначалу имел не менее почетное употребление; вот строка из того же романа *Гарина*:

Au matin lievent meschines et pucelles.

Но к XIII веку *meschines* уже утратили свою добрую славу, и Гийом Гиарт в своей "Книге королевских литаний" изображает их в не слишком лестных тонах: вот четыре стиха, в

которых они предстают настоящими потерянными женщинами, поскольку были спутницами *Kommero* в 1183 году:

Des sains corporaux des yglises
Fesoient volez et chemises
Как правило, в своих мехах,
Несмотря на божественные дела.

С тех пор *meschine*, как в просторечии, так и в поэзии, обозначало только слугу. Дюканж цитирует одного старого поэта, согласно г-же из библиотеки Коислен, чтобы доказать, что *dame* и *meschine* легко противопоставлялись друг другу; этот же поэт в другом месте определяет роль *meschine* следующим образом:

В покоях от некой *meschine*
Qui moult est de gentille orine.

В ордонансе, касающемся аббата Бонн-Эсперанс, этому аббату назначается сумма в 20 ливров "для его управления, для слуги и *мешина*". Слово *meschine* может употребляться одновременно в двух совершенно разных смыслах: здесь это простая служанка, выполняющая государственные обязанности и, как говорит Людовик XI в "Новых веках": "Elle estoit meschine, fesant le ménage commun, comme les lits, le pain et autres tels affaires"; там это развратная женщина, которая предоставляет себя в распоряжение первого попавшегося человека и продает себя в розницу. Легко понять, как *meschinage*, которое начиналось как синоним *услуги*, постепенно стало обозначать самую бесчестную из услуг. Более того, в "Установлениях" Людовика Святого, как и в римском праве, *мещанство* таверн и игорных притонов считалось позорным; тем не менее Людовик Святой хотел, чтобы "глупая дочь, которая пошла в *мещанство* или в другое место, чтобы похвалить себя", была допущена по праву, так же как ее братья и сестры, к разделу отцовского имущества. (Liv. I, ch. 138.)

Завершим эту франко-латинскую номенклатуру проституции в Средние века рассмотрением очень распространенного термина, который, как считается, возник в Италии и был завезен во Францию трубадурами уже в XI веке. Созвучие слова *ruffian* на первый взгляд указывает на южное, а не варварское происхождение. Менаж выводит его от имени знаменитого итальянского ленона по имени *Руфо*, не понимая, что этот *Руфо* был, конечно, гораздо позже, чем употребление слова, относящегося к нему. Другие этимологи, не довольствуясь проблематичным *Руфо*, нашли в Теренции Руфуса, который проделал ту же работу. Злоупотребляя эрудицией, они даже связывают это слово с *блудником*, выводя его из немецкого *ruef*, означающего *хранилище*, что, таким образом, переводит *fornix*. Но Дюканж ближе к истине, указывая на то, что римские проститутки, носившие белокурые или рыжие парики, назывались *ruffæ*, согласно наблюдениям Франсуа Питу и Воверенуса о Петронии. Мы дополним разумное замечание Дюканжа, сказав, что, без сомнения, слово *ruffianus* было образовано в первые века от *rufi* и *anus*, двух слов, соединенных в одно без эллипсиса, или от *rufia* и *anûs*, двух других слов, также соединенных с помощью эллипсиса. Что касается поиска аналогии между *ruffian* и *fien*, *fœnum* или *fitum*, навоз, то мы должны игнорировать тот факт, что мы не можем подвергнуть слог *ruf* этимологическому толкованию, придуманному каким-то мечтателем, который видит в *ruffian* руку конюха, *quod eruit fimum*.

Сочетание *rufi* и *anus* или *rufia* и *anûs* гораздо больше соответствовало бы истинному значению слова *ruffian*, *ruffianus*, которое означает не только ленон, сутенера, но скорее развратника, обитателя дурных мест, сводника девушек. Как и у Менажа, и особенно у Ле Дюша, у нас нет ни наглости, ни честности этимологии; мы не будем пытаться показать, почему: *rufia* означает загорелую кожу, *anus* - старуху; *anus* также означает прямую кишку, а

rufus - рыжего, бардачного; эти слова ведут нас прямо к профессии *грубияна*, профессии, которая распространилась *на грубиянок*. Как бы то ни было, термины *ruffianus* и *ruffiana* почти не встречаются в Средние века, за исключением итальянских писателей, которые повсеместно представляют ряженых и проституток (*ruffiani* и *meretrices*) в компании. Дюканж и Карпантье приводят несколько интересных отрывков из этих авторов; в одном из них утверждается, что *руффюан* - это синоним *ленона* (*quilibet et quælibet leno, qui et quæ vulgariter ruffiani dicuntur*). *Ruffian*, похоже, появилось во Франции не ранее XIII века, и только в конце XV века оно стало очень модным, когда итальянизм во всех направлениях хлынул в галльскую идиоматику. Это слово, употреблявшееся с различными оттенками, так и не вошло в ораторский язык и не оправилось от своего отторжения.

Наконец, упомянем еще одно слово, которое мы забыли и которое свидетельствует о таинственных привычках проституции. Места разврата, *бордели*, образно назывались *шалашами*, *claperii*, потому что *filles de joie* прятались там, как кролики, *cuniculi* (на старофранцузском *conins*), в своих норах. *Clapier*, по мнению Менажа, происходит от *lepus*, преобразованного в *lapus* и *lapinus*, которые, возможно, произносились как *clapinus*; отсюда *lapiarium* и *clapiarium*. Согласно Дюканжу, ловушка, используемая для ловли кроликов, называлась *clapa*, а поскольку она ставилась у входа в норы, то норы узурпировали ее название, которое, несомненно, представляло собой шум или *хлопанье* машины, когда кролик был пойман. По мнению других ученых, *clapier* происходит от греческого κλέπτειν, что означает *прятаться*; от латинского *lapis*, поскольку жилища кроликов часто представляют собой не что иное, как груды камней или каменистую почву и т. д. Этимология не имеет для нас большого значения; отметим, однако, с большой осторожностью, непристойное сходство, которое французское веселье углядело в словах *cunnus* и *cunniculus* или *cuniculus*, о непристойной двусмысленности которых Марциал и не подозревал. Несомненно, что наши насмешливые предки нашли развратный образ в этом сравнении притона проституток с кроличьей норой.

ГЛАВА VII.

Резюме.- Общественные нравы при королях до Людовика IX.- Уродливый прогресс содомии.- Таблица парижских нравов в конце двенадцатого века.- Школьники.- Пре-о-Клерк.- Термы де Жюльена.- Кладбище Святых Нежежд.- Распутники и проститутки *Круа-Бенуа*.- Первые монахини аббатства Сент-Антуан-де-Шамп.- *Святая покровительница* публичных девушек.- Устав корпорации *амурных девиц*.-*Поцелуй мира* от королевской проститутки.- Часовня на улице Жюссен.- Усилия Святого Людовика по борьбе с проституцией и ее сокращению.- Дом *Филе-Дье*.- Как Святой Людовик наказал рыцаря, попавшего в развратный дом.- Пресечение мест разврата и изгнание женщин с дурной репутацией.

В сборнике ордонансов королей Франции третьей расы нет ни одного, касающегося проституции до Людовика Святого; однако мы не должны полагать, основываясь на этом пробеле, что проституция почти исчезла во Франции или что законная власть полностью контролировала ее действия, не окружая ее ни превентивным, ни репрессивным надзором. Напротив, мы полагаем, что расстройство нравов только усугубилось в результате феодальных войн, опустошавших страну и препятствовавших прогрессу цивилизации; мы также считаем, что старое законодательство в отношении проституток и их скандалов не утратило своей силы; Однако в условиях постоянных потрясений, будораживших общество, соблюдение этих полицейских законов, несомненно, значительно ослабло, и люди были больше озабочены обеспечением обороны городов, подвергавшихся постоянным осадам и

всем последствиям вооруженного вторжения. Поэтому снисходительная терпимость позволила проституции укрепиться в городах, и особенно в Париже, где она организовалась, как и другие государственные органы, с регламентирующими ее законами, независимо от того, одобряла ли муниципальная администрация это нечистое братство или закрывала глаза на его организованное существование. Нам не составит труда доказать, что при королях до Людовика IX общественная мораль была более развращенной, чем в IX веке, и что эта развращенность была более одиозной, чем когда-либо; более того, мы найдем не одно свидетельство современников, подтверждающее, до какой степени практика регулярной проституции разрослась и стала, так сказать, акклиматизированной в привычках парижского населения.

Надо сказать, что эта проституция имела положительное влияние на нравы того времени, поскольку, поскольку люди с севера добровольно или насильно смешивались с коренными франками и галло-римлянами, противоестественный порок проник, как пожирающая зараза, во все классы нации и наложил отпечаток своей порочности как на религиозные ордена, так и на княжеские и королевские семьи. В своей хронике Гийом де Нангис рассказывает о трагической гибели двух сыновей и дочери Генриха I^{ар}, короля Англии, которые были поглощены морем вместе с множеством английских лордов на одном корабле. Он представляет это кораблекрушение как кару небес и без колебаний говорит, что большинство жертв были содомитами (*omnes fere sodomitica labe dicebantur et erant irretiti*). Эта ужасная моральная деградация, как мы уже видели, встречалась повсеместно, преимущественно среди монахов; и Церковь, пораженная этими излишествами, которые она пыталась скрыть в своем лоне, не могла не осудить своих недостойных членов анафемой. Позже мы увидим, что осуждение рыцарей-тамплиеров было со стороны Бонифация VIII и Филиппа Справедливого не более чем ужасной мерой правосудия против содомии, замаскированной под одеянием ордена Храма. Содомия была также тайной связью различных еретических сект, которые стремились утвердиться, быстро распространяясь с помощью этих нечистот, и терпели неудачу перед лицом твердой и жесткой позиции высшего духовенства, которое мирская власть поддерживала палачами и пытками. Этот отвратительный порок настолько укоренился в народе, что манихейские попытки, возобновлявшиеся под разными названиями вплоть до XIV века, были обязаны ему своим кратковременным успехом и в то же время непримиримым подавлением. Учитывая отвратительный прогресс такого зла, вполне понятно, что естественная проституция могла рассматриваться как средство от зла или, по крайней мере, как плотина против его вспышек. Жак де Витри в своей "Истории Запада" (гл. VII) приводит любопытный и знаменательный факт: публичные девушки, нагло останавливавшие священнослужителей на улице, называли их *содомитами*, когда те отказывались следовать за этими опасными сиренами: "Этот постыдный и отвратительный порок, - добавляет он, - настолько распространен в этом городе; этот яд, эта чума настолько неизлечимы, что каждый, кто содержит одну или несколько наложниц, считается человеком образцовой нравственности".

Жак де Витри, который приводит это ценное наблюдение о нравах Парижа конца двенадцатого века, по-видимому, хотел изобразить именно проституцию, которая захватила университетский квартал и господствовала там: "В одном и том же доме, - говорит он, - наверху мы видим школы, внизу - места разврата; на первом этаже учителя дают уроки, внизу развратные женщины занимаются своим постыдным ремеслом, и пока, с одной стороны, последние ссорятся между собой или со своими любовниками, с другой стороны раздаются ученые споры и рассуждения школьников." В то время в районе колледжей и школ жили только мастера искусств и школяры; последние, в основном в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет и принадлежавшие ко всем нациям, составляли своего рода

недисциплинированную армию в 150 000 человек, которые насмехались над сержантами караула и не позволяли прокурору Парижа вмешиваться в их дела: Поэтому они защищали женщин, живших в их кварталах, и покрывали их завесой безнаказанности, лишь бы те не выходили за пределы этой *свободной зоны*. Ректор и депутаты университета, понимая, что молодым людям необходимо тратить пыл и силы на свои страсти, ни в коем случае не препятствовали им в их удовольствиях и не просили их жить как отшельники. Этим объясняется интерьерная картина, которую Жак де Витри нарисовал с натуры и которая достоверно отображает состояние проституции в районе школ на улице Фуарре. Однако вполне вероятно, что эта домашняя проституция была не единственной, которой покровительствовали школьники: бродячая проституция, отражавшая идеи и инстинкты того времени, должна была сделать свою карьеру в Pré-aux-Clercs, загородной прогулке блудных детей университета, этой обширной равнине, пересеченной симпатичными ручейками, усаженными ивами, затененной купами деревьев и пересекаемой острыми живыми изгородями. Это, несомненно, было место встречи *дочерей полей* и *живых изгородей*, которым в этом прохладном убежище нечего было бояться строгих разбирательств аббатских судов Сен-Жермен-де-Пре. Университет уважал свои привилегии даже по отношению к своим товарищам по разврату.

Пре-о-Клерк был не единственным убежищем для бродячих проституток; в холодное и дождливое время года у них было не менее неприкосновенное и более удобное пристанище. Дворец Бани Юлиана, в котором обосновались короли первой расы, не был заселен уже несколько столетий, а руины этого огромного галло-римского жилища, окруженного виноградниками и садами, предлагали, по словам одного современного поэта, "бесконечное количество извилистых сокращений, всегда благоприятных для тайных действий, таинственных укрытий, соучаствующих в преступлении, поскольку они избавляют от позора тех, кто его совершает". Жан де Отевиль, рассказывающий о непристойном использовании старинного Дворца терм во времена правления Людовика VII и Филиппа-Августа, описывает увиденное собственными глазами в своей человеконенавистнической поэме Archithrenius: "Именно там, - говорит он не столько с негодованием, сколько с жалостью, - именно там толща деревьев, узурпировав функции ночи, непрерывно охраняет тайные любовные связи и часто скрывает от сурового взора надзора последние признаки умирающей скромности; ибо тот, кто хочет совершить дурной поступок, ищет темноты, а стыд, который чувствует себя спокойнее в темных местах, любит укутываться в ночную пелену." В 1218 году Филипп-Огюст подарил эти римские руины своему камергеру Анри, смотрителю Дворца Сите, вероятно, при условии, что тот обнес их стенами и искоренит проституцию. Таково же было намерение Филиппа-Огюста, когда он обнес хорошей стеной кладбище Святых-Иноков, где ночная проституция устраивала свои забавы, не проявляя уважения к мертвым, свидетелями которых она была. Гийом ле Бретон, говоря об этом кладбище в эпической поэме *Филиппида*, возмущается этой наглой профанацией: *Et quod pejus erat, meretricabatur in illo* (lib. I, стих 441).

То же самое касалось всех мест у городских стен: проституция разбивала там лагерь, как только наступал рассвет, а мерзкие существа, занимавшиеся ею тайком, подстерегали свою жертву на окраинах самых оживленных дорог. В сборнике *Grandes Chroniques de Saint-Denis* мы читаем такой отрывок из царствования Филиппа-Августа: "А также безумные женщины, которые стояли на придорожных перекрестках и за небольшую цену отдавались всем подряд, без стыда и совести". Это единственный отрывок писателя XIII века, в котором упоминается плата за разврат; и хотя цена услуг проститутки на перекрестке не установлена, можно не сомневаться, что она была очень минимальной, несомненно, из-за крайней конкуренции. Проституция имела еще одну ярмарочную площадку за городом, на улице

Шемин-де-Винсенн, в месте, усеянном кустарником и живыми изгородями, за портом Сент-Антуан. Дюбрель в своей книге "Древности Парижа" сообщает, что это место было обычной сценой непристойных нападений, безнаказанно совершаемых школьниками над женами, дочерьми и горничными парижской буржуазии. Сначала в центре этого прославленного леса был воздвигнут каменный крест, названный *Крестом Бенуаста*, но его основание лишь привлекло сюда еще большее число *беспутных мужчин и женщин*, которые под предлогом благочестия и паломничества предавались самому преступному распутству. Проповедник, известный своими обращениями, Фульк де Нейи, аббат Сен-Дени, внезапно появился посреди этого сборища распутников и проституток; стоя на пьедестале креста Бенуаста, он призвал их отказаться от своих проклятых привычек и совершить покаяние, посвятив себя Богу. Слушавшие его женщины, принадлежавшие к самым отбросам народа, были немедленно покаяны, отреклись от своего гнусного ремесла, постриглись и стали первыми монахинями аббатства Сент-Антуан-де-Шамп, набиравшего свою общину из всех слоев проституции. Несчастные женщины, которых Круа Бенуаст видел отдающими себя *за низкую цену*, совершали процессии вокруг этого креста, босиком и в рубашках; некоторые с честью выходили замуж, другие посвящали себя созерцательной жизни; Но первоначально, около 1190 года, этот странный монастырь собрал под одной крышей столько же мужчин, сколько и женщин, и мы можем предположить, что, несмотря на красноречивые проповеди Фулька де Нейи и его преемника Пьера де Руасси, это смешение двух полов не способствовало вдохновению добродетели в бывших проститутках и обращенных развратницах. Именно прославленный епископ Парижа Морис де Сюлли в 1196 году удалил мужчин и оставил женщин под властью Кото, пригрозив изгнать их всех, если они не исправятся.

Помимо этих жалких бродяг, промышлявших в окрестностях города и налетавших, как хищные птицы, на засидевшихся путников по вечерам, с этого времени в некоторых районах и на улицах появились *бордо и хижины*, которые принимали множество посетителей до комендантского часа и платили налог в налоговые органы, подражая римскому *вектигалу*. Нет никаких свидетельств об этих фактах в то время, но поскольку мы находим их в изобилии позже, мы должны полагать, что они исчезли в царствования, предшествовавшие Людовику Святому. Традиция, которой никогда не следует пренебрегать, особенно если она касается обстоятельств, которые было бы трудно упомянуть в письменном виде в то самое время, когда они имели место, традиция, собранная Совалем в XVII веке (*Recherch. et antiq. de Paris*, t. II, p. 638), говорит нам, что задолго до Людовика IX "скандальные женщины имели статуты, определенную одежду, чтобы их узнавать, и даже отдельных судей". Эта традиция была увековечена среди женщин с дурной репутацией, которые во времена Совалья все еще утверждали, "что день Мадлен празднуется по стопам их предшественниц, с тех пор как они сформировали тело и имели свои улицы и обычаи, и даже до того, как Людовик Святой обязал их носить определенную одежду, чтобы отличить их от честных женщин". К сожалению, обещанные Совалем подробности по этому необычному вопросу не попали в его печатный труд, из которого они были удалены вместе со знаменитым трактатом о парижских борделях по скромности его редакторов; но невозможно не предположить, что Соваль имел перед глазами доказательства существования этих статутов о проституции, если не сами эти статуты, которые должны были иметь силу закона, до написания "Жизни мастеров" Этьена Буало. Этот *ханжа* постеснялся включить в свой компендиум привилегий и обычаев искусств и ремесел, в котором он так ненавидел проституцию, специальную главу, призванную регулировать практику общественного скандала, который он намеревался предать забвению, не давая ему места в муниципальной юриспруденции. Эти статуты *Путажа*, которые до сих пор то тут, то там встречаются в истории обычаев, были неизбежно установлены и поддерживались силой обычая, но, возможно, не были одобрены и подтверждены королями. Мы вправе думать, что если бы в те времена, когда все *ремесла* и

товары имели свой особый кодекс, терпимая проституция не имела своего собственного, бордельные женщины не образовали бы отдельную корпорацию, как это произошло под юрисдикцией *короля рибальдов*. Титул *короля*, приписываемый главе или главному мастеру гильдии, всегда был неотделим от устава этой гильдии: у *рибауди* был свой *король рибавуди*, у *мерсери* - *король мерсери*, у *менестрелей* - *король менестрелей*.

Позже мы увидим, что у парижских девушек не было ничего, кроме устава, чтобы продемонстрировать, что они были учреждены как торговая гильдия очень давно. Несомненно, мы не можем восполнить утрату этих уставов, касающихся способа приема в сообщество, уровней ученичества, общественного налога, выплат налоговым органам, милостыни и штрафов, словом, всей внутренней организации *ремесла*; но у нас есть точная информация о районах и улицах, отведенных для разврата, об отличительных знаках женщин, посвятивших себя этому позорному ремеслу, о часах, отведенных для их работы, о законах о роскоши для их использования. Анекдот, связанный с проституцией, кажется нам очень важным с этой точки зрения, тем более что он еще не был правильно понят теми, кто взял его из "Хроники Жоффруа, священника де Вижео" (*Nova biblioth. manusc. P. Labbe, t. I, p. 309*): "Королева Маргарита, находясь в церкви во время поцелуя мира среди присутствующих, увидела женщину, одетую в великолепные одежды, и, приняв ее за невесту, дала ей поцелуй мира. Эта женщина, по мнению придворных, была рибалкой (*meretricem regiam*). Принцесса, узнав о недоразумении, пожаловалась королю, который запретил публичным девушкам в Париже (*Parisiis*) носить плащ или накидку (*chlamyde seu cappâ uti*), чтобы их можно было отличить от тех, кто был в законном браке". Этот любопытный анекдот, который появляется в хронике, заканчивающейся в 1184 году, никак не мог относиться к правлению Людовика Святого и касаться королевы Маргариты, жены этого короля, поскольку автор хроники умер более чем за шестьдесят лет до брака Людовика Святого с Маргаритой Прованской. Факт, о котором настоятель Вижюа слышал рассказ в недрах своего монастыря в Лимузене, имеет неоспоримую дату - 1172 год, когда принцесса Маргарита, дочь Людовика VII и королевы Констанции, была обручена с Генрихом Куртмангельским, сыном короля Англии, и коронована королевой архиепископом Руана. Тем не менее, мы можем оставить этот факт с датой 1158 года, которую приписывает ему летописец, предполагая, что в своей Хронике, написанной после 1172 года, он упоминает Маргариту как *королеву*, которая еще не была коронована и которой едва исполнилось шесть лет в то время, когда ее детская невинность получила пятно от поцелуя проститутки.

Необычно, что это событие описано только в "Хронике священника де Вижюа", которую некоторые историки путают с Жоффруа де Болье, чтобы отнести к правлению Людовика IX деталь, которая, несомненно, относится к правлению Людовика VII и доказывает, что этот король издал указ против женщин с дурной репутацией, который не сохранился. Из этого факта можно сделать не один интересный вывод для нашей темы. Во-первых, была ли эта проститутка, которую летописец называет *королевской*, одной из *придворных filles de joie*, которую мы снова встречаем в правление Франциска Ier с тем же титулом, или же она была просто одной из обычных подданных короля *рибо*, одной из женщин его королевской гильдии? Кроме того, несомненно, что Людовик VII, подчинив торговлю публичными девушками определенным условиям одежды, косвенно признал их законное существование и разрешил им заниматься своим греховным ремеслом в стенах Парижа (*Parisiis*). Наконец, не является ли прозвище мужа принцессы Маргариты, Анри *Придворного камина*, косвенной аналогией с приключениями его жены, из-за которых *filles d'amour* больше не носили плащ или длинное пальто? В любом случае, интересно отметить, что с этого времени парижские проститутки, принадлежавшие к гильдии *рибо*, одевались *коротко*, подобно римским камеристкам, которые носили тогу, а не палантин.

Во времена Людовика VII гильдия "*любительниц любви*" явно находилась в состоянии процветания, о чем свидетельствует роскошь ее *ливреи* или товарного вида. Соваль в другом отрывке своего драгоценного сборника (т. II, с. 450) утверждает, что устав этой бесчестной гильдии действовал для ее оккультного управления вплоть до Орлеанского эстата 1560 г. В отсутствие этих уставов мы не обнаружили даже свидетельств существования братства Мадлен, которое, как уверяет Соваль, все же существовало, не говоря при этом, к какому приходу оно относилось и каковы были его привилегии, поблажки и праздники. Лишь прибегнув к довольно правдоподобному предположению, мы дадим этому нечистому братству небольшую церковь Мадлен, существовавшую с этим названием уже в XI веке и получившую впоследствии имя Сен-Николя. Место, занимаемое этой старой церковью, которая исчезла во время революции 89-го года, теперь заполнено частными домами. Однако мы не смеем утверждать, что именно на этом месте принцесса подарила куртизанке поцелуй мира. Приходской священник этого прихода носил титул протоиерея, и, несмотря на неважность прихода и церкви, он гордился своим званием благодаря братству Нотр-Дам-О-Буржуа, которое, похоже, сменило братство Мадлен, когда Людовик Святой пытался радикально подавить проституцию. Именно с этим обстоятельством мы связываем смену названия церкви, которая, хотя и оставалась посвященной Мадлене, казалось, очистилась, став называться Сен-Николя. Однако образ Мадлен по-прежнему находился на главном алтаре, а ее мощи были выставлены в позолоченной серебряной раке. Почти все историки Парижа, включая Дюбреля, писавшие об этой древней церкви на Сите, считают, что первоначально ее покровителем был Святой Николай; Дюбрель и Соваль помещают в одну из ее часовен братство *рыботорговцев* и лодочников, которое было расширено за счет еврейского дома, конфискованного во время изгнания евреев при Филиппе-Августе, и которое, несомненно, не испугалось близости братства рибоделов. Эта церковь была единственной, в которой почитались мощи святого, и мы не должны верить, как предполагает неясный отрывок из книги Дюбреля, что эти мощи были помещены туда только в 1491 году Луи де Бомоном, епископом Парижским. Этот епископ просто сменил ковчег. Это были не только волосы (*капилляры*) Магдалины, но и кусочек кожи ее головы, оторванный от того места, которого Господь коснулся рукой, сказав: "Остерегайтесь прикасаться ко мне!"

Все распутные женщины согласились почитать Магдалину как свою святую покровительницу, не утруждая себя выбором между различными святыми, которых легенда предлагала им под этим именем. Похоже, что они также поклонялись святой Марии Египетской, которая до своего обращения была известной проституткой. Почти современная традиция позволяет нам утверждать, что часовня, посвященная этой святой, на улице, которая стала улицей Жюссьенн, а не улицей *Египта* или улицей *Гиппекьенн*, была официальным приходом публичных женщин с момента своего основания в XII веке: Они часто посещали эту часовню, там служили мессы, жгли свечи, приносили туда свои подношения, десятину от своей постыдной торговли; туда они приезжали паломничать со всех концов города, и ничто не было более странным, чем их *ex-voto* и искусственные букеты, развешанные вокруг образа их святого покровителя. В 1660 году приходской священник Сен-Жермен-л'Осерруа, на иждивении которого находилась эта часовня, снял витраж, простоявший там более трех веков и ставший скандалом для благочестивых людей. На этом витраже была изображена святая на лодке, поднимающая платье и готовящаяся заплатить лодочнику за проезд, с надписью, которая, несомненно, датирована: "*Comment la sainte offrit son corps au batelier pour son passage*" ("Как святая предложила свое тело лодочнику за проезд"). Из этого анекдота мы можем догадаться, почему лодочники Сены приняли того же святого покровителя, что и проститутки. Вероятно, братство рибо было перенесено из церкви Мадлен в часовню Сент-Мари-л'Египтен, когда в 1168 году в этой церкви было учреждено великое братство Девы Марии *Нотр-Дам для господ, священников, буржуа и мещан города*

Парижа, возможно, по случаю оскорбления, которое нанесла на лоб кобылке Франции девушка де Жои, подарив ей поцелуй мира или получив его от нее. Король и королева были членами этого братства Нотр-Дам, которое, к нашему удивлению, находится под покровительством Мадлен. Что касается часовни Святой Марии Египетской, то она была построена за пределами стен, вблизи кладбища Святых-Иноков, которое в то время было одним из самых печально известных центров бродячей проституции.

Когда Людовик IX вззошел на трон, его первой мыслью было не объявить полностью вне закона в своем королевстве легальную проституцию, которая была терпима, если не сказать разрешена; но он попытался бороться с ней и уменьшить ее с помощью оружия религии и средств благотворительности. Никогда, - говорит Соваль, - в королевстве не было так много женщин с дурной репутацией, как в начале XIII века, и никогда они не подвергались более суровому наказанию". Гийом де Селиньи, епископ Парижский, созвал женщин Парижа и заставил их краснеть за свою неблагородную профессию; некоторые отказались от нее, чтобы вести честную жизнь и выйти замуж; другие попросили о постриге, чтобы искупить свои грехи. Вильгельм отправился к молодому королю, который только что сменил своего отца Людовика VIII и душа которого была полна благочестивых наставлений его матери, добродетельной королевы Бланш. Принц был поражен прекрасными обращениями, которые совершил епископ, и, чтобы не дать плодам этих обращений пропасть даром, поспешил основать дом-убежище для грешников, которых коснулась благодать. Он уже почти решил открыть этот дом в закрытом помещении, расположенном на улице Сен-Жак и принадлежавшем его духовнику и капеллану Роберу Сорбону, которого он хотел поставить во главе этой общины кающихся; но он передумал, решив, что школы на улице дю Фуарр будут угрожающими соседями для этих новообращенных. Поэтому он поселил их вдали от школьников, в сельской местности на другом конце города, и выделил им обширный участок земли, на котором построил для них церковь, монастыри, общежития и различные здания в кольце добротных стен. Этот монастырь, ставший впоследствии больницей, занимал всю территорию, на которой после революции был построен район Каира. В этой своеобразной крепости, которую, по словам Жоанвиля, называли *домом шартрезов*, были сады и огороды. Неизвестно, откуда он получил название "*Дом дочерей Божьих*", которое так и осталось за ним, и мы должны полагать, что это было озорство людей, давших такое имя этим монахиням, которых дьявол подверг несносному ученичеству. Как бы то ни было, это название *Filles-Dieu*, которое сначала было не более чем эпиграммой, было воспринято всерьез даже теми, кто его носил.

Сатирический поэт того времени Рютбеф высмеивает *Filles-Dieu* и их название, которое довольно неуместно для их происхождения; но из этих стихов Рютбефа можно сделать вывод, что кающихся Гийома де Селиньи первоначально называли *Femmes-Dieu*:

Diex a non de filles avoir,
И я хочу, чтобы он знал.
Que Diex eust fame en sa vie!...

Рутебеф включает в обозначение *рода Марии*, подразумевая *Мадлену*, весь персонал проституции, среди которого Святой Людовик нашел своих *Filles-Dieu*: "Et fist mettre, raconte Joinville, grant multitude de femmes en l'hostel, qui par povreté estoient mises en pechié de luxure, et leur donna quatre cens livres de rente pour elles soustenir". Эта сумма в четыреста ливров дохода была значительной, учитывая огромную стоимость денег, и все были удивлены, что с *Filles-Dieu* обращались лучше, чем с *Quinze-Vingts*, у которых было всего

триста ливров дохода. Изначально в Filles-Dieu было всего двести человек, но они принимали в свой хоспис заблудших женщин, которых покаяние оттолкнуло от разврата. *Главным настоятелем и управляющим* монастыря был священник, которого епископ Парижский называл своим *возлюбленным в Иисусе Христе*, а монахини - своим *отцом в Боге*. Это был не единственный фонд подобного рода, который святой король поощрял своими советами и деньгами: "Et fist mettre, rapporte Joinville, en plusieurs liex de son royaume mesons de beguines, et leur donna rentes pour elles vivre, et l'en commanda que en receust celles qui vouldroient fere contenance à vivre chastement."

Возможно, Людовик IX таким образом и отвлек поток проституции, но он не преуспел в реформировании нравов, которые крестовые походы еще больше извратили, поскольку крестоносцы, подражая мусульманам, содержали настоящие гаремы, наполненные рабынями, купленными на базарах Азии. "Простой народ пристрастился к безумным женщинам", - говорит Жуанвиль, признавая тем самым главную причину бедствий крестового похода, во время которого король попал в плен неверным. Этот мудрый принц знал, чему приписать свои бедствия; так, вернув себе свободу, он уволил нескольких офицеров своего дома, поскольку был предупрежден, что эти распутники *держат свои бордюры* в двух шагах от его палатки. Тщетно пытался он изгнать разврат и развратницу из своего лагеря; его самые суровые постановления лишь подчеркивали бессилие его целомудренных усилий против разгула похоти. Находясь в Кесарии, он судил, согласно законам страны, рыцаря, которого застали *в борделе*. Провинившемуся пришлось выбирать между двумя одинаково бесчестными вариантами: грубая женщина, с которой его застали *in flagrante delicto*, должна была провести его через лагерь в рубашке, с веревкой, привязанной к *гениталиям*; в противном случае он должен был отказаться от коня и доспехов в угоду королю и быть изгнанным из армии. Рыцарь предпочел последнее наказание и уехал. Людовик IX, что бы он ни делал, чтобы внушить своим слугам благородную страсть долга, стонал, наблюдая за развитием социальной деморализации. Наконец, после возвращения из Палестины, как бы отдавая торжественную дань памяти своей благочестивой матери, которую он все еще оплакивал, он захотел уничтожить проституцию, запретив ее без исключения и оговорок во всем своем королевстве, как в северных провинциях, так и в южных (*Лангедок и Лангедок*).

Именно в декабрьском ордонансе 1254 года он ввел эту памятную статью, которая, скрытая среди других, менее важных, окончательно объявила о пресечении мест разврата и изгнании женщин с дурной репутацией: "Те, кто находится в рибAUDских коммунах, как в деревнях, так и в городах; и те, кто ведет наблюдение или дознание, забирают свое имущество у местных судей или у их властей, и те, кто отбирает его до кота или пеликона; и те, кто живет в рибAUDском доме или получает рибAUD в своем доме, должны заплатить приставу, или прево, или судье столько, сколько пенсия (*le loyer*) дает за один год." Но вскоре Сен-Луи понял, что проституция - это необходимый бич, чтобы остановить более серьезные пороки общественного строя.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТИЙ ТОМ.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭПОХА - ВВЕДЕНИЕ.

ГЛАВА ОДНА.

Краткое содержание.- Христианский брак.- Послания святого Павла к римлянам об их отвратительных пороках.- Отклик населения пригородов Рима на проповедь святого Павла.- Брак, рекомендуемый святым Павлом как последнее средство защиты от искушений плоти.- *Fornicatio, immunditia, impudicitia* и *luxuria*.- Предписания святого Павла против проституции.- Языческие философы рекомендовали воздержание только с точки зрения физической экономии.-Религиозное целомудрие у язычников и христианское безбрачие - Триумф христианской девственности -Ослепительная война евангельской морали против проституции -Супруги в христианском браке -Серьезность зарождающейся Церкви в отношении плотских преступлений, до которых не дотягивал закон -Почему язычники предпочитали христианским девственницам мучения проституции.

ГЛАВА II.

Резюме - Необходимая причина, по которой святой Павел и апостолы должны были навязать христианам плотское воздержание и девственную чистоту - *Агалы* - могильщики катакомб Рима были первыми поклонниками Христа - Восстанавливающее и утешительное действие христианской религии на деградировавшие существа, посвятившие себя служению проституции - куртизанки-мученицы.-История Марии Египетской, рассказанная ею самой.- Легенда о святой Таис.-Как святой Ефрем обратил женщину дурной жизни.-Два одиночества и проститутка.-Святой Симеон Стилита.-Обращение Порфирия.-Святая Пелагия.-Святой Феодот.-Обращение и пытки святой Афры.-Молитва святой Афры на костре, или ораторская речь раскаявшихся проститутки.

ГЛАВА III.

Краткое содержание -Почему язычники подвергали христианок мукам публичной проституции -Легенда о *семи девах* из Анцира -Агония девственности, обреченной на позор языческого блуда, изображенная поэтом Аврелием Пруденцием.-Святая Агнесса обличается как христианка -Суд префекта Симфрония -Агнесса попадает в дом разврата -Чудесная смерть сына Симфрония.-Святой Теодор, осужденный как христианин, приговорен к испытаниям в борделе -Высокая преданность Дидимы -Теодор и Дидима обезглавлены.-О подобном факте сообщает Палладий. Легенда о святом Феодоте. Святая Дениза отдана двум распутникам по приказу проконсула Оптимуса. Чудесное освобождение святой Денизы. Легенда о святой Евфимии.

ГЛАВА IV.

Резюме.- Лжеврачи и богохульные секты.- *Николаиты*.- Гнусные наставления, приписываемые диакону Николаю, основателю этой секты.- *Фибиониты, стратиоты, левиты и борбориты*.- Обвинения этих сект, описанные святым Епифанием.- Ереси тела и ереси ума.- *Карпократиане* и *валезиане*.-Епифаний.- Марцеллин.- *Каиниты* и *адамиты*.- Телесные нечистоты, которым предавались каиниты.- *Вознесение святого Павла на небо*.- Ересь Квинтилия.- Продик.- Чудовищные отступления от культа адамитов.- Моральная реформа, проведенная этой сектой после смерти ее основателя.- *Маркиониты*.- *Валентиниане* и т.д..

ГЛАВА V.

Резюме.- Священная проституция и больничная проституция в христианстве.- Отшельники, девы и первые монахи.- Таблица физических страданий, которым подвергали себя отцы-пустынники.- Дочери и женщины отшельников.- Легенда о святом Арсении и римском

патриции.- Молодой отшельник и патриций.-Отшельник и его мать.- Популярная легенда о святом Варлааме и царе Иосафате.- Демон похоти и любостяжания.- Легенда о старом отшельнике, которому пришлось бороться с этим демоном.- Гостеприимная проституция на ночных пирах и в католических уединениях.- Бродячие монахи.- *Сарабайты*. Дерзкое поведение этих беспутных монахов - Распущенные нравы некоторых женских аббатств - Священная проституция в культе изображений - Апокрифические святые - Непристойное поклонение святым Патерну, Рене, Приксу, Жилью, Рено, Гиньоле и т.д. бесплодными женщинами, мужьями-импотентами и *злодеями* в различных местах вплоть до Французской революции.-Легенда о святом Гиньоле - Глаз Изиды и гусь Приапа - Непристойная статуя святого Гиньолы в Монтрейе в Пикардии - Святой Патерн - Святой Герлишон - Святой Жиль - Святой Рене - Святой При - Святой Арно - Пережитки язычества в христианском богослужении.

Резюме - Мнение церкви о проституции - Отношение святого Августина и святого Иеронима к проституткам - Определение святым Иеронимом законной проституции - Апостольские каноны - Апостольские конституции папы Климента - Мнение церкви о телесных омовениях - Определение главных плотских грехов - Учение церкви о незаконной и преступной торговле.- Собор Эвира или Эльна.-Матери, которые проституируют своих дочерей.-Те, кто практикует *lenocinium*.-Женщины, которые нарушают обет девственности.-Женщины, которые не сохранили девственность после обета.-Женщины, которых епископы и клирики могут иметь в своих домах.-Молодые люди, которые после крещения впали в грех нечистоты.-Домашние идола.-проститутки, вступающие в брак после отказа от своей профессии; -женщины, которые, забеременев от прелюбодеяния, вызвали гибель своего плода; -женщины, прожившие в прелюбодеянии до смерти; -люди, которых запрещено брать в наем; -те, кто прелюбодействовал только один раз; -женщина, прелюбодействовавшая с согласия мужа; - развратители детей.-Неокесарийский собор.-Евнухи вопреки себе.-Вход в святилище, запрещенный женщинам Лаодикийским собором.-Тирский собор.-Святой Афанасий и женщина с дурной репутацией.-Толедский собор.-Карфагенский собор.-Семнадцатый канон Толедского собора.-Двенадцатый канон Римского собора.-Базельский собор.-Единственная глава в истории соборов.

Резюме.- Вестибюли борделя.- Эроическая трагедия сменяется либертинской комедией.- Церковь не могла допустить существования театра по отношению к евангельской кафедре.- Снисходительность к авторам и соучастникам театральных беспорядков.- Роль проституции в привычках театра.- Дицелии.- Магодии.- Мимы.Пантомимы -Ателланы-Пантомима Ариадны и Вакха -Комедианты -Греческие эротические танцы -Эпифаллос -Гедион и гедукомос - Бридиалика -Ламптротера -Ламптротера -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Греческие эротические танцы -Ламптротера.-Стробилос.-Кидарис.- Апокинос.-Сибаритике.-Мотон и т.д.-Римские танцы.-Кордас.-Эквилибристы и канатоходцы.-Театральный юмор.

Резюме - роль христианства в реформе общественной морали.- *вектигаль*, или *люстральный налог*, который платили проститутки в Римской империи.- *дневной и ночной*

труд. - непристойный вектигаль. Налог на меркурий при Гелиогабале - *Aurum lustrale* - Сборщики люстрального налога - Эпитафия агента - Александр Северус решает, что *люстральное золото* будет использовано для общественных фондов. - Отмена права заниматься мужской проституцией. - *Хрисаргир*. - Капитуляция за похоть ограничена пятью годами. - Сборщики *хрисаргира*. - Эпитафия первого *люстрала* империи. - Его дочь *Верекундина*, или *Пудибонда*. - Диссертация о происхождении слова *люстрал*. - Константин Великий не создавал *хрисаргир*. - Указы этого императора о *сборе люстрала*. Протест философов против налога на проституцию - Феодосий II отменяет налог на ленонов при сборе *люструмов* - Прологомены к роману *De lenonibus* - Куртизанки остаются зависимыми от налоговых органов - Перепись проституток - Перепись проституток - Феодосий II отменяет налог на ленонов при сборе *люструмов* - Прологомены к роману *De lenonibus* - Куртизанки остаются зависимыми от налоговых органов. Перепись проституток - Объяснение конституции *хрисаргира*, данное Цедреном - Конфликты между сборщиками нечистых вектигальных денег - Как эти агенты устанавливали роли проституции. - Император Анастасий отменил *хрисаргир*. Прожекты сборщиков и фермеров этого налога, чтобы добиться его восстановления. Как Анастасию удалось разрушить их надежды. *Хрисаргир* вновь появляется при Юстиниане. Послабление этого императора для проституток. Императрица Феодора. Дом уединения и покаяния для публичных женщин. Пятьсот затворниц императрицы.

ГЛАВА IX.

Краткое содержание - Законодательство христианских императоров о проституции - Меретриция считается законным промыслом - Клеймо позора, налагаемое на дочерей ленонов и лупанариев - Антифизическая меретриция вычитается из *люстрального налога*. - Закон, касающийся похищения дочерей нубийцев - Хозяйки и служанки кабаре освобождаются от наказания за прелюбодеяние - Запрет на продажу христианских рабов для разврата. - Грехи против природы караются смертью. - Феодосий Младший защищает жертв леноциния. - Нечистый вектигаль отменен по инициативе Флорентия, претора Константинополя. - Император Юстиниан. - Его роман против леноциния. - Страшная картина оккультной торговли ленонами в Константинополе. - Закон об общественных банях. - Преемники Юстиниана. - Конец введения.

ХРИСТИАНСКАЯ ЭПОХА - ФРАНЦИЯ.

ГЛАВА ОДНА.

Краткое содержание. - Галлы и кимры до завоевания Юлием Цезарем. - Проституция не могла иметь среди них регулярного и постоянного существования. - Как германцы обращались с женщинами, уличенными в проституции. - Брак у кельтов. - Женский сенат. - Превосходство женского пола у галлов. - Доказательства подозрительного отцовства. - Рейн как судья и мститель за брак. - Личная жизнь галльских женщин - Принципы их поведения - Добродетельная Кьомара - Суд женщин, ответственный за рассмотрение дел о чести и вынесение решений по оскорблениям - Германское и галльское отвращение к проституткам - Гостеприимство среди галлов - Друидизм, друиды и друидессы - Женщины острова Мона - Вторичные божества галлов. - *Феи* - *Людоеды*, *гномы*, *ундины* и т.д. - Галльская теогония - Богиня Онуава - *Змеиное яйцо* - Бог Гурм - Богиня физической любви - Бог Марун - Маиры или норны. - Нравы галльских богов - *Гаурики* - *Сулевы* - *Тусы* и *Дусиены* - Инкубы и суккубы - История прекрасной Каммы - Преданность Эпонины своему мужу Сабину. - Развратные обычаи галлов. - Завоевание Галлии Юлием Цезарем. - Разрушение друидизма и друидов. - Язычество в Галлии. - Проституция среди галло-римлян. - Социальное разложение кельтской

расы.-Куртизанка Криспа.-Вторжение франков.-Чистая мораль франкского народа.- Салический закон.

ГЛАВА II.

Краткое содержание.- Франки.- Свободные женщины и *слуги*.- Состояние *ingenues* или свободных франкских женщин.- Состояние слуг.- Легальная проституция не существовала среди франков.- Кузины.- Частная жизнь свободных женщин.- Сакральная проституция была неизвестна франкам.-Религиозный разврат в феверале -Происхождение праздника дураков - *Бродяги* или ведьмы -Франкское гостеприимство -Условия для овдовевших женщин -Цена за девственность свободной бургундки -Свидетельство о браке -Законы, защищающие женскую скромность.-Кодекс Ротари - *Сова и ворона* - Покушение на волосы, распутные прикосновения и нечистое насилие - *Рынок проституции* - Строгость закона рипуариев по отношению к виновным в нечистом насилии над женщинами.-Две степени наказания за кастрацию. -Законы варваров против прелюбодеяния. -Закон Слезвига об инцесте. - Юриспруденция варваров в вопросах проституции. -Декрет Рекареда, короля вестготов.

ГЛАВА III.

Резюме - Франки, завоеватели Галлии, не испытали влияния галло-римской коррупции.- Обращение Хлодвиги.- Формирование французского общества.- Состояние проституции при Меровингах.- Гинекеи.- Кубическая проституция.- Физический и моральный портрет франков.-Моральное состояние франков после их обращения в христианство.-Дворяне.- Плебеи.-Усилия галльского духовенства по моральному воспитанию франков.-Состояние франкских женщин.-Салические браки.-*Утро настоящего времени*.-Добровольное унижение франков по отношению к своим мужьям.- *Дистаф и меч*.- Множественность брачных союзов при королях первой расы.- Вынужденная терпимость церкви к слугам-наложникам.- Различные степени брачного союза.- *Полубрак и брак левой руки*.Состояние семьи во Франции.- *Бастарды дома*.- Описание франкского *гинецея*.- Происхождение сераля в магометанстве.- Гинецеи римлян Восточной империи.- Гинецеи королей Меровингов и Карловингов.- Капитулы Карла Великого.- Различные категории гинецев.

ГЛАВА IV.

Резюме - Супружеские излишества франкских королей -Клотарь Ier-Ингонда и Арегонда - Прелюбодейное недержание Кариберта, короля Парижа -Марковьева и Мерофледа - Кариберт отрекается от своей жены Ингоберги -Тудехильда.Братья Кариберта -Гонтран, король Орлеана и Бургундии -Хильперик, король Суассона -Одовер -Фредегонда -Галесвинд -Дагоберт Ier-Пепин и его наложница Альпаис -Убийство Сен-Ламбера Додоном, братом Альпаиса.-Развратные нравы Бертрама, епископа Бордо.-Брюнехо.-Карлемань.-Наложницы Мальтегард, Герсуинд, Режина и Адаллинд.-Его дочери.-Картуларий аббатства Лорш.- Легенда о любовной связи между Эгингардом и Иммой, дочерью Карла Великого - Картуляр Карла Великого о соучастниках проституции - Происхождение функций проректора королевского дворца и должности *короля рибаудов*.-Медицинские обыски у подозреваемых лиц и проституток по приказу Карла Великого -Наказания, которым подвергались женщины с дурной репутацией и их сообщники - Евреи, посредники в проституции - *Королевская нога*.- Диссертация о росте Карла Великого - Легенда о *мертвой женщине и камне с созвездиями* - Капитулярный 805 года - *Голые мужчины* - *Мангоны и кокионы* - *Торговцы лошадьми* - Легенда о святом Леногезиле - Преемники Карла Великого.-Императрица Юдифь - Тетберж, жена Лотаря, короля Лотарингии, обвиненная в кровосмешении - защитник или *наместник* Тетбержа выходит триумфатором из суда в *горячей воде*.- Тетберж, оправданная, предстает

перед консисторией под председательством Лотаря. Она обвиняет себя, затем отказывается от своих признаний. Собор в Меце. Лотарь отлучен от церкви.

ГЛАВА V.

Краткое содержание - Письмо святого Бонифация папе Захарии о моральном состоянии монастырей в эпоху Меровингов - Правило святого Колумбана - *Епископы* - Главная причина излишеств монашеской жизни. - Влияние нравов духовенства на нравы мирян. - Светское духовенство. - *Дети Голиафа*. - Завещание Турпио, епископа Лиможского. - Монахи из Муйен-Мутье и Сенонеса. - Евнух Никетас. - Тонкая миссия аббата Гумберта, настоятеля Муайен-Мутье. - *Душа* Гобена, епископа Шалона. - Усилия папы Григория VII по приведению церкви Франции в соответствие с нормами морали. - Его письмо к епископам. - Порочность жизни духовенства была излюбленной темой всех художников и писателей того времени - Всеобщая развращенность - 1000 год - Писатели того времени были единомышленны в отношении глубокой развращенности социального состояния. - Содомия была самым распространенным пороком среди всех слоев населения - Немецкий анхорит - Внук Роберта Дьявола - Норманны - Влияние их нравов на завоеванные народы. - Как Эмма, жена Вильгельма, герцога Аквитанского и графа Пуатье, отомстила своей сопернице, виконтессе Туарской - Как Эблес, наследник графа Комборна, отомстил своему дяде и воспитателю Бернару. - *Les Pénitentiels*. - Факты о брачных актах. - Факты об инцесте, детоубийстве и абортах, - грехи против природы, - преступление скотоложства. - Уголовный процесс, возбужденный против Симона его наложницей Матильдой. - *Fornicatio inter femora*. - Отзывы поэта Аббона о пороках Франции. - Отзыв Пьера, аббата Селлы, о его развращенности Парижа.

ГЛАВА VI.

Краткое содержание - Положение женщин с дурной репутацией до правления Людовика VIII - Словарь проституции в XI веке - *Путагум* - *Пут* и *пута* - Коммунальные колодцы - *Puits d'Amour* - Суд любви или *Селестский суд* в Суассоне - *Путаж*, *путиаж* и *путассерия*. - *Lenoine*. - *Maquerellagium*, *maquerellus* et *maquerella*. - Происхождение слова *maquereau*. - *Borde*, *bordel* et *bordeau*. - *Les femmes bordelières*. - *Les femmes séant aux haies*. - *Les cloistrières*. - *Garcio* et *garcia*. - *Ribaldus* et *ribalda*. - *Meschines* et *meschinage*. - *Ruffians*. - *Clapiers*.

ГЛАВА VII.

Резюме. - Общественные нравы при королях до Людовика IX. - Уродливый прогресс содомии. - Таблица парижских нравов в конце двенадцатого века. - Школьники. - Пре-о-Клерк. - Термы де Жюльена. - Кладбище Святых Нежежд. - Либерти и проститутки *Круа-Бенуаст*. - Первые монахини аббатства Сент-Антуан-де-Шамп. - *Святая покровительница* публичных девушек. - Устав корпорации *амурных девиц*. - *Поцелуй мира* от королевской проститутки. - Часовня на улице Жюссен. - Усилия Святого Людовика по борьбе с проституцией и ее сокращению. - Дом *Филе-Дье*. - Как Святой Людовик наказал рыцаря, попавшего в развратный дом. - Подавление мест разврата и изгнание женщин с дурной репутацией.

КОНЕЦ ТАБЛИЦЫ.

Подробное примечание к транскрипции:

Помимо исправления ошибок, явно допущенных печатником, были исправлены следующие ошибки:

- стр. 10, "contensions" исправлено на "contions" ("ni dans les contentions"),

- стр. 10, добавлена завершающая перевернутая запятая после "sua in semetipsis)",
- стр. 39, "Egyptienne" заменено на "Égyptienne" ("Marie l'Égyptienne"),
- стр. 39, "Порфира" заменена на "Порфира" ("Превращение Порфира"),
- стр. 62, добавлена открывающая инвертированная запятая перед "Electæ virgines propter",
- стр. 67, добавление открывающей инвертированной запятой после "in contubernio lupanari",
- стр. 79, "caïnistes" исправлено на "caïnites" ("se livraient les caïnites"),
- стр. 88, "caïnistes" исправлено на "caïnites" ("les caïnites ne contestaient pas"),
- стр. 113, "Legende" исправлено на "Légende" ("Золотая легенда"),
- стр. 114, "Evagrius" заменено на "Évagrius",
- стр. 149, добавлена закрывающая перевернутая запятая после "percussio, nocivum genus)",
- с. 188, "empeurs" исправлено на "empereurs" ("все христианские императоры"),
- стр. 188 и 421, "Verecundia" исправлено на "Verecundina",
- стр. 241, добавление "de" в "au mépris de la foi jurée",
- стр. 283, "jususprudence" исправлено на "jurisprudence" ("quant à la jurisprudence barbare"),
- стр. 303, добавление запятой после "Si quelqu'un",
- стр. 303, добавление закрывающей перевернутой запятой после "contra voluntatem ejus)",
- стр. 307 и 424, "Эгинхард" согласован с "Эгинхардом",
- стр. 318, добавление закрывающей перевернутой запятой после "satis se morigeram exhibuit)",
- стр. 332, добавление закрывающей инвертированной запятой после "exercuit et perpetravit).",
- стр. 332, добавление закрывающей инвертированной запятой после "le fumier de la luxure",
- стр. 364, "Мальтильда" исправлено на "Матильда" ("donner sa foi à Mathilde"),
- р. 376, "vile" исправлено на "ville" ("уставы города Асти"),
- р. 395, "patrone" исправлено на "patronne" ("Покровительница публичных девушек"),
- с. 401, "posraient" исправлено на "postaient" ("стояли, ждали"),
- стр. 401, "toutes" исправлено на "routes" ("aux abords des routes"),
- стр. 411, "Egyptienne" исправлено на "Égyptienne" ("часовня Святой Марии Египетской").

Там, где в то время существовали сомнения в написании или ударении, исправления не вносились (Éphrem/Ефрем, évéchesses/évêchesses, bordelières/bordellières и т. д.).

На стр. 93 отрывок св. Климента на греческом языке "τὸ καταισχῦνον αὐτῶν τὴν πορνικὴν ταύτην δικαιοσύνην ἐκπωδῶν ποιησαμένους φῶς τῇ τουλύχον περιτροπῇ μίγνυσθαι" было исправлено на "τὸ καταισχῦνον αὐτῶν τὴν πορνικὴν ταύτην δικαιοσύνην ἐκποδῶν ποιησαμένους φῶς τῇ τοῦ λύχνου περιτροπῇ, μίγνυσθαι". В нескольких греческих цитатах добавлены недостающие ударения.